

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

КОНТРОЛЬНЫЙ ФЛЗ.

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

5
1982

60-летие образования СССР	3
<i>Негайчик Н. В.</i> Производственные связи рабочего класса СССР и Чехословакии на этапе строительства развитого социализма (70-е годы)	8
<i>Носкова А. Ф., Поп И. И.</i> Из истории складывания нового внешнеполитического курса стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны	21
<i>Котляр Н. Ф.</i> Киев в истории восточных славян (до середины XIII в.)	35
<i>Озрименко П. П., Озрименко О. П.</i> Традиции и отзвуки литературы Киевской Руси в русской, украинской и белорусской литературах	46
<i>Твердислова Е. С.</i> Современное состояние сравнительного литературоведения в зарубежных социалистических странах	55
<i>Логачев К. И.</i> Проблема критического издания первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции	66
<i>Герд А. С.</i> Ареальная типология славянских текстов XV—XVI веков	74
<i>Орел В. Э.</i> К реконструкции древнеалбанских акцентных отношений (В сопоставлении со славянскими и другими индоевропейскими языками)	83
<i>Лёвочкин И. В.</i> Уваровский список Изборника 1073 года	91

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Апанович Е. М.</i> Архив А. И. Степовича	95
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Воронков И. А., Билунов Б. Н. Д. Б. Мельцер.</i> Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая. 681—1981	106
---	-----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Власова Л. В.</i> Л. В. Заборовский. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе	107
<i>Лабинцев Ю.</i> О премниках Ивана Федорова	108
<i>Калиганов И.</i> Велчо Велчев. Паисий Хилендарски. Эпоха, личность, дело	110
<i>Пуцко В. Г.</i> Fr. Kämpfer. Das russische Herrscherbild von Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis	112
<i>Нещименко Г. П.</i> K marxistické metodologii v jazykovědě (Sborník referátů a diskusních příspěvků z celostátní Konference o marxistické jazykovědě uspořádané vědeckými Kolegii CSAV a SAV 7.—9.9 1977 v Olomouci) Uspořádali S. Pečiar a J. Popela	114
<i>Мокиенко В. М.</i> А. Е. Супрун, А. М. Калюта. Введение в славянскую филологию	118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>К. И.</i> Киеву — 1500 лет	121
<i>Г. С.</i> Научные конференции, посвященные 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова (1882—1982)	122
<i>Мельников Г. П.</i> Чтения, посвященные академику В. И. Пичете	123
<i>И. К.</i> Целевой проект 28 «Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период)»	124
<i>Богаева Н. А.</i> Тридцатилетие Института серболужицкого народоведения в Будишине	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМЫРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора)
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

60-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

30 декабря 1922 г. возникло первое в мире единое союзное многонациональное государство рабочих и крестьян — Союз Советских Социалистических Республик. Его шестидесятилетие является знаменательным событием в жизни советского народа, свидетельством торжества ленинской национальной политики КПСС, исторических достижений социализма.

«Рождение Союза ССР — результат победы Великой Октябрьской социалистической революции», — подчеркивается в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» [1, с. 4]. Октябрьская революция разбила цепи социального и национального угнетения, обеспечила подлинное равноправие народов, заложила прочные основы для свободного развития всех наций и народностей нашей страны, для их тесного единства и дружбы.

Ведущей силой интернационального сплочения народов выступил рабочий класс России. Своей героической борьбой за социальную и национальную свободу, самоотверженным трудом, последовательным интернационализмом он завоевал признание и доверие трудящихся всех национальностей. Они восприняли и горячо поддержали идею советской организации.

Решающую роль в образовании единого союзного государства сыграла РСФСР. Являясь первым многонациональным Советским государством, она стала прообразом СССР. Вокруг нее на добровольных началах сплотились все Советские республики. Не считаясь с трудностями и лишениями, русский народ оказал бескорыстную помощь другим народам страны в защите их революционных завоеваний, внес неопенимый вклад в преодоление отсталости бывших национальных окраин.

Образование СССР, — подчеркивается в Постановлении ЦК КПСС, — величайшая заслуга ленинской партии большевиков, многонациональной по своему составу, глубоко интернационалистской по идеологии и политике, организационному строению, принципам деятельности. Последовательно борясь за интересы трудящихся, завоевав высокое право быть их вождем, партия выступила инициатором объединения народов, мобилизовала их усилия на построение социализма и коммунизма.

В создании Союза ССР ярко воплотились идеи В. И. Ленина, ленинской национальной политики. Развивая взгляды основоположников марксизма по национальному вопросу, В. И. Ленин глубоко обосновал необходимость тесного союза советских республик для построения социализма и защиты его от посягательств империализма. Полное взаимное доверие, добровольное согласие, исключение любой формы неравенства в отношениях между нациями являлись залогом прочности этого союза. В нем соединились в единое целое сила партии коммунистов, революционная энергия пролетариата и неодолимое стремление народов к национальному равенству и свободе.

Ведомые Коммунистической партией, воплощая в жизнь гениальный ленинский план строительства социализма, народы СССР, осуществляя социалистическую индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства, культурную революцию, впервые в истории построили новое, социалистическое общество.

Беспримерный подвиг, равного которому нет в истории, совершили народы-братья во время Великой Отечественной войны. Они не только отстояли в борьбе против гитлеровских захватчиков свою свободу и независимость, но и сыграли решающую роль в спасении европейской и мировой цивилизации от фашистского варварства. Массовым героизмом был отмечен труд советских людей по восстановлению народного хозяйства после войны, по возрождению разрушенных городов и сел, фабрик и заводов, шахт и электростанций.

Главным результатом революционно-преобразующей деятельности народов явилось построение в СССР развитого социалистического общества. Зрелое социалистическое общество — это закономерный этап в становлении коммунистической формации. Развиваясь уже на своей собственной основе, социалистический строй все более полно раскрывает свои возможности и преимущества. В условиях развитого социализма закономерности социалистического общества получают наиболее широкий простор для своего проявления. Обеспечено юридическое и фактическое равенство всех наций и народностей, сформировалась новая историческая общность людей — советский народ.

Выход Советской страны, — указывается в Постановлении ЦК КПСС, — на новые рубежи общественного прогресса позволяет партии и народу претворять в жизнь все более возрастающие по своим масштабам и сложности задачи создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего повышения благосостояния и культуры трудящихся, развития социально-классовых и национальных отношений, совершенствования социалистической государственности и демократии, воспитания нового человека.

На основе глубокого научного анализа главных тенденций в экономической и социальной жизни советского общества XXVI съезд КПСС выдвинул развернутую программу реализации всех этих задач.

«Руководство народным хозяйством — это сердцевина всей деятельности партии и государства, — подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в докладе на XXVI съезде КПСС. — Ведь именно в области экономики закладывается фундамент решения социальных задач, укрепления обороноспособности страны, фундамент активной внешней политики. Именно здесь создаются необходимые предпосылки успешного движения советского общества к коммунизму» [2, с. 31].

Претворяя в жизнь ленинские идеи, советский народ превратил свою Родину в могучую индустриальную державу с высокомеханизированным сельским хозяйством, передовой наукой и культурой. О динамике развития Советской страны дают представление данные о росте основных экономических показателей. Валовый общественный продукт по сравнению с 1940 г. возрос в 1980 г. в 13,6 раза, национальный доход — в 14,7, основные фонды всех отраслей народного хозяйства — в 15,9, вся продукция промышленности — в 21 раз [3, с. 37].

В условиях зрелого социализма успешно развивается единый народнохозяйственный комплекс — материальная основа социального и культурного развития советского общества, роста обороноспособности Советского Союза.

Характерную черту экономической стратегии партии на современном этапе представляет «...более глубокий поворот народного хозяйства к многообразным задачам, связанным с повышением благосостояния народа» [2, с. 31]. В 70-е годы в нашей стране была осуществлена самая широкая за всю ее историю программа подъема уровня жизни народа. На решение этих задач было выделено почти в два раза больше средств, чем в 60-х годах. Реальные доходы на душу населения увеличились в СССР за 70-е годы почти в полтора раза. Ярким выражением заботы партии о благе народа является принятие майским (1982) Пленумом ЦК КПСС постановления «О проекте Продовольственной программы СССР на период до 1990 года». «Это не только первостепенная экономическая, но и актуальная социально-политическая задача» [4], — указал товарищ Л. И. Брежнев в докладе на Пленуме ЦК КПСС. Важной чертой экономи-

ческой стратегии партии является обеспечение перехода к преимущественно интенсивным факторам экономического роста и повышение эффективности производства и качества всей работы, требование умелого и эффективного использования всех имеющихся ресурсов — труда, основных фондов, топлива и сырья, сельскохозяйственной продукции.

В условиях развитого социализма продолжается сближение всех классов и социальных групп советского общества, ведущее к становлению в основном бесклассовой структуры общества в исторических рамках зрелого социализма. Решающую роль в этом процессе играл и продолжает играть рабочий класс. Его ведущее положение в экономической жизни, его идеология и мораль способствуют укреплению социальной и духовной основы единства всех классов и групп, наций и народностей.

Важнейшей чертой развития советского общества на этапе зрелого социализма является дальнейшее укрепление дружбы народов нашей страны. Это — результат последовательного осуществления Коммунистической партией ленинской национальной политики. 60-летие Советского Союза его народы встречают в обстановке новых успехов в упрочении отношений подлинного равноправия, братской взаимопомощи и сотрудничества, уважения и взаимного доверия между всеми нациями и народностями.

В условиях зрелого социализма неуклонно возрастает руководящая роль КПСС в развитии всех наций и народностей СССР, в укреплении их братского союза. Союз ССР — это динамичная и эффективная форма государственного объединения советских наций и народностей, рассчитанная на весь исторический период постепенного перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление. Поразительны успехи народов Советского Союза в экономике и культуре, с которыми они приходят к 60-летию своего единого союзного многонационального социалистического государства. Впечатляют масштабы преобразований, происшедших в 70-е годы на огромных пространствах Российской Федерации. Весомый вклад в экономическую и культурную жизнь всей страны вносят трудящиеся Украины, Белоруссии и других союзных республик. Гигантскими шагами идет развитие в них науки и образования. Так, например, если в 1940/41 учебном году в РСФСР обучалось в высших учебных заведениях 481,1 тыс. студентов, то в 1980/81 учебном году — 3045,8 тыс., в УССР за тот же период эта цифра поднялась с 196,3 тыс. до 880,4 тыс., в БССР, с 21,5 тыс. до 177 тыс. [3, с. 466]. В 1940 г. в Российской Федерации насчитывалось 56,1 тыс. массовых библиотек, в 1980 г. их было 62,1 тыс., в УССР, соответственно, 22,3 тыс. и 26,2 тыс., в БССР — 4,2 тыс. и 7,0 тыс. [3, с. 479].

Последовательная реализация партией ленинских принципов национальной политики приводит к дальнейшему всестороннему сближению всех народов нашей многонациональной социалистической Родины. Разрешение национального вопроса в СССР, все большее упрочение дружбы советских народов, сближение и расцвет социалистических наций в нашей стране — притягательный пример успешного разрешения одного из самых сложных вопросов человеческого общества. Образование и успешное развитие первого в истории единого союзного многонационального государства — СССР — имеет огромное международное значение, является важным историческим рубежом в вековой борьбе передового человечества за равноправие и дружбу народов, за революционное обновление мира.

Зрелый социализм характеризуется дальнейшим укреплением социалистического общенародного государства, последовательным развертыванием социалистической демократии. Социалистическое народовластие создает для каждого советского человека реальные возможности для все более широкого и непосредственного участия в управлении делами государства и общества. Подлинный коллективизм и товарищеская сплоченность, дружба всех наций и народностей, нравственное здоровье общества, глубокий демократизм и социальный оптимизм, непримиримость к отступлениям от социалистической морали являются характерными особенностями советского образа жизни.

Победа Великого Октября вызвала глубокие изменения в облике современного мира, оказала огромное революционизирующее влияние на рабочий класс, дала могучий импульс развитию национально-освободительного движения, определила весь ход дальнейшего поступательного развития человечества.

Поражение германского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне, решающую роль в разгроме которых сыграл Советский Союз, привело к коренному изменению в соотношении сил на мировой арене. Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Важнейшей составной частью революционных изменений в мире явились народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Образовавшееся социалистическое содружество братских народов, объединенных общностью общественного строя, приверженностью делу мира, социализма, демократии, являет собой пример международных отношений нового типа, основанных на принципах социалистического интернационализма, братской дружбы, сотрудничества и взаимопомощи. Успехи стран социалистического содружества в созидании нового общества ярко доказывают всеобщую значимость основных закономерностей социалистической революции и строительства социализма. Практика социалистического строительства в странах социалистического содружества убедительно показывает также необходимость творческого применения этих закономерностей с учетом конкретных условий и особенностей отдельных стран. «Нет и не может быть дороги к социализму в обход общих закономерностей, открытых марксизмом-ленинизмом, подтвержденных опытом СССР, стран реального социализма, интернациональной практикой революционной борьбы и социалистического созидания, как не может быть успешного продвижения по этому пути без всестороннего учета национальных особенностей каждой страны», — указывается в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» [1, с. 23].

В обстановке существенного углубления общего кризиса капитализма, обострения его непримиримых противоречий все больший размах приобретает международное рабочее движение. Его развитие характеризуется новыми чертами. Все более усиливается в массах рабочего класса стремление к единству рабочего движения, происходит сдвиг влево в профсоюзах и других массовых организациях трудящихся. Возрастают численность, авторитет и влияние в массах коммунистических партий. Как было отмечено XXVI съездом КПСС, могучим фактором дальнейшего сплочения и роста авторитета международного коммунистического движения является последовательная борьба компартий за мир, против агрессивной политики империализма, против гонки вооружений, которая усиливает угрозу ядерной катастрофы. Под мощным напором национально-освободительной борьбы народов после второй мировой войны произошел распад колониальной системы империализма. На мировой арене возникли десятки независимых государств, борющихся против империализма, за упрочение национальной независимости и социальный прогресс. Советский Союз и другие страны социалистического содружества решительно выступают за ликвидацию остатков колониализма, против неоколониализма и расизма, они оказывают всемерную поддержку освободившимся государствам в их борьбе против экономического и политического диктата и неравноправия. Народы этих молодых государств, прежде всего те, которые выбрали путь социалистической ориентации, проявляют живой интерес к опыту национально-государственного строительства в СССР, к опыту перехода ряда народов нашей страны к социалистическому строю, минуя капиталистическую стадию развития.

Ленинская политика мира, провозглашенная в октябре 1917 г., получила в наши дни яркое воплощение в выдвинутой XXVI съездом КПСС Программе мира для 80-х годов. Дополненная новыми реалистическими инициативами Советского Союза, она указывает конструктивные пути ослабления угрозы войны, углубления разрядки, развития широкого со-

трудничества государств с различным строем. «Отстоять мир — нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей страны, нашего народа, да и для всех народов планеты», — подчеркнул Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС [2, с. 31].

Каждый новый шаг человечества по пути общественного прогресса, каждый новый успех мирового социализма в борьбе за освобождение трудящихся от всякого социального и национального угнетения раскрывает все более глубоко и рельефно величие Октябрьской революции, открывшей эпоху революционного преобразования мира. «По пути, проложенному Великим Октябрем, — говорится в Постановлении ЦК КПСС „О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик“, — вместе с народами Союза ССР идут сегодня сотни миллионов людей в разных странах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки» [1, с. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М., 1982.
2. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
3. Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, с. 37.
4. О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1982 года. — Правда, 25 мая 1982 г.

НЕХАЙЧИК Н. В.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР И ЧЕХОСЛОВАКИИ НА ЭТАПЕ СТРОИТЕЛЬСТВА РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА (70-е годы)

В условиях социалистической экономической интеграции закономерно возникают и развиваются интернациональные связи стран социалистического содружества. Они ведут к постоянному обмену знаниями и опытом, способствуют воспитанию трудящихся в духе пролетарского, социалистического интернационализма.

Ведущая роль в процессе углубления социалистической экономической интеграции принадлежит дружеским связям рабочего класса стран социалистического содружества, в первую очередь, производственным связям. Огромное значение в их установлении и развитии имеют богатые революционные, трудовые традиции и опыт советского рабочего класса. Изучение дружеских связей рабочего класса СССР с рабочими стран социалистического содружества в условиях углубляющейся социалистической экономической интеграции, развертывания научно-технической революции (НТР) имеет большую теоретическую и практическую значимость, так как позволяет раскрыть роль рабочего класса в укреплении и развитии нового общественного строя, показать его интернационалистскую сущность, охарактеризовать вклад в решение конкретных задач, стоящих перед странами социализма на современном этапе.

В советской исторической литературе имеются исследования, посвященные этой проблематике. Особый интерес представляют работы историков А. В. Макеева и Н. К. Петровой [1—2], в которых отражена роль международных производственных связей рабочего класса СССР в упрочении интернационального единства народов социалистических стран, в строительстве социализма и коммунизма, в укреплении экономического и политического могущества стран социалистического содружества. Некоторые аспекты данной проблемы освещены в работах ученых-обществоведов, посвященных социалистическому интернационализму, роли профсоюзов социалистических стран в создании нового общества, экономическому и научно-техническому сотрудничеству СССР с братскими социалистическими странами. Вместе с тем опыт сотрудничества рабочих стран — членов СЭВ в области материального производства в 70-е годы не получил еще должного освещения в научной литературе.

Важность исследования данной проблемы вызывается также необходимостью рассмотрения дружеских связей рабочего класса стран социалистического содружества как одного из важнейших факторов обмена опытом социалистического и коммунистического строительства. Цель этой статьи показать значение производственных связей рабочего класса СССР и Чехословакии в строительстве нового общества в условиях углубления социалистической экономической интеграции, развертывания НТР, особенности их развития в 70-е годы. Интернациональные связи рабочего класса двух стран, основанные на принципах социалистического интер-

национализма, имеют давние традиции, выдержали испытание временем, показали свою жизнеспособность.

Производственные связи между советскими и чехословацкими трудящимися не прерывались и в годы кризисной ситуации в Чехословакии, несмотря на активизацию в ней правых антисоциалистических сил в конце 60-х годов. В Чехословакии были сотни предприятий, где правым силам не удалось обмануть рабочий класс, направить его против завоеваний социализма, против дружбы с Советским Союзом [3, с. 54—56]¹. Для развития тесного экономического сотрудничества между СССР и ЧССР в 70-е годы существовала прочная объективная основа — единство социально-экономической структуры, общность и согласованность целей и путей их осуществления под руководством коммунистических партий.

Строительство развитого социализма в ЧССР и коммунистического общества в Советском Союзе требует использования накопленного положительного опыта каждой из стран. А это, в свою очередь, способствует развитию интернациональных связей между двумя странами, что отвечает коренным интересам рабочего класса. Являясь идейным политическим авангардом рабочего класса, КПСС и КПЧ придают большое значение развитию дружеских связей между советскими и чехословацкими трудящимися. Выступая на торжественном собрании во время визита в ЧССР советской партийно-правительственной делегации в мае — июне 1978 г. Л. И. Брежнев сказал: «Главное, по нашему мнению, состоит сейчас в том, чтобы максимально поднять эффективность наших связей, брать в расчет потребности не только данного момента, но и большой перспективы» [4, с. 28].

Одним из направлений экономической политики КПЧ в 70-е годы, рассчитанной на использование качественных факторов экономического роста, на интенсивные формы ведения народного хозяйства, явилось «тесное экономическое и научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом» [5, с. 169]. Осуществляя планомерную, целенаправленную работу по интернациональному воспитанию трудящихся, партийные комитеты, первичные партийные организации держат в поле зрения все его аспекты. Большое внимание при этом уделяется развитию дружеских связей между рабочими стран социалистического содружества. Партийные и общественные организации Советского Союза и Чехословакии выступают инициаторами установления непосредственных постоянных контактов родственных предприятий двух стран, оказывают большую помощь и поддержку трудовым коллективам в их развитии и углублении.

Огромное влияние на динамику производственных связей рабочего класса стран социалистического содружества оказывает научно-техническая революция, которая в современных условиях приобрела глобальный характер во всех сферах человеческой деятельности. Будучи носителем интернациональных идей, рабочий класс гораздо глубже испытывает на себе универсальный характер НТР, влияющий на материальное и духовное производство, характер труда и досуга, систему образования, потребности людей, их образ мыслей и стиль жизни. Углубляющаяся в условиях НТР интернационализация хозяйственной и духовной жизни в странах социалистического содружества создает в каждой из них наиболее благоприятные возможности для более полного удовлетворения интересов человека и общества, овладения завоеваниями науки и техники. Вместе с тем, она позволяет всем этим странам коллективно использовать преимущества социализма, органически соединять их с достижениями НТР.

Так, например, использование Чехословакией атомной энергетики является одним из самых сложных в техническом отношении новшеств, осуществленных в стране². Как отметил член Президиума ЦК КПЧ,

¹ Ярким свидетельством этого явилось обращение 99 рабочих завода «Авто — Прага» к советскому народу, опубликованное газетой «Правда» 30 июля 1968 г.

² Атомная энергетика — новая отрасль чехословацкой промышленности. Участвуя в выполнении так называемой ядерной программы, Чехословакия с 1980 г. является по станционному оборудованию для атомных электростанций (АЭС) в СССР и других стран чл. СЭВ [6, с. 156].

первый секретарь ЦК Компартии Словакии Й. Ленарт, выступая в словацком городе Ясловске-Богунце на торжественном митинге, посвященном дружескому визиту в ЧССР члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, с вводом в эксплуатацию АЭС «Богунце», являющейся символом успешного экономического развития страны и советско-чехословацкого сотрудничества, «Чехословакия вступила в эру промышленного использования атомной энергии» [7, 1980, 24 октября]. При строительстве этого объекта чехословацкая сторона, используя замечательные достижения советской науки и техники, могла также опираться на опыт советских специалистов, рабочих, которые показывали примеры высокого профессионального мастерства и коммунистической сознательности.

Внешнеэкономические связи, составным элементом которых являются интернациональные производственные связи рабочего класса СССР и Чехословакии, осуществляются на основе межправительственных соглашений о сотрудничестве. В соответствии с этими соглашениями Советский Союз и Чехословакия оказывают взаимную помощь в сооружении крупнейших объектов, имеющих важное значение для развития наших стран и всего социалистического содружества. В рамках этой помощи специалисты, высококвалифицированные рабочие командированы для непосредственного участия в строительстве того или иного объекта, оказания помощи в установке, наладке и пуске оборудования, проведения консультаций и т. п. Так, Советский Союз оказал техническое содействие в строительстве метрополитена в городе Прага. На основе соглашения от 30 апреля 1970 г. [8, с. 13] в Чехословакию были посланы 397 человек, из них 71 — для консультаций по вопросам строительства, монтажа,

Таблица 1

Количество объектов, построенных и строящихся при техническом содействии СССР (на январь 1977 г.) [10, с. 9]

Всего		В том числе промышленные предприятия	
по соглашениям	введено в действие	по соглашениям	введено в действие
40	23	30	15

обкатки линии и гарантийного обслуживания проходческого и технологического оборудования и вагонов, а также эксплуатации метро. В то же время в СССР были приняты 585 чехословацких специалистов для получения консультаций в проектных, научно-технических, строительных, монтажных и других организациях, а также в советском метрополитене. В Советском Союзе были обучены за это время 250 чехословацких рабочих. В том числе: монтажу советского оборудования — 64, эксплуатации метро — 184 рабочих [9, с. 80].

В Чехословакии нет ни одной отрасли, которая не была бы охвачена сотрудничеством с Советским Союзом, ни одного крупного завода, в строительстве или модернизации которого Советский Союз не принимал бы в той или иной мере участия (табл. 1).

В 1976—1980 гг. СССР участвовал в строительстве и реконструкции 17 крупных народнохозяйственных объектов ЧССР, важнейшими из которых являлись АЭС В — I в Ясловске-Богунце, сооружение и ввод в эксплуатацию новых линий пражского метро протяженностью 12 км и др. [11, 1980, 8 I].

В свою очередь ЧССР вместе с другими странами — членами СЭВ принимала участие в строительстве на территории СССР Квембаевского горнообогатительного комбината, Кингисеппского завода по производству минеральных удобрений, в освоении сырьевых ресурсов на территории СССР, в модернизации ряда отраслей народного хозяйства.

Развитие многосторонней специализации и кооперирования в рамках СЭВ в 70-е годы все шире дополняется двусторонней. К 1980 г. между СССР и Чехословакией действовало около 28 соглашений в области электротехники, приборостроения, оборудования для АЭС и в других важнейших отраслях промышленности [11, 1980, 13 VI]. Так, например, узлы и детали автомобилей, выпускаемых Волжским автозаводом, изготавливаются на специализированных заводах ВНР, ГДР, ЧССР. Между автомобильными предприятиями этих стран налажены прямые производственные связи. Производственные связи между смежными предприятиями стран СЭВ имеют большое значение. Рабочие, использующие машины и оборудование, получаемые от зарубежных партнеров, или участвующие в сборке узлов и деталей промышленной техники, поступающей в порядке кооперации, вносят предложения по ее усовершенствованию, стараются выискать своевременно продукцию высокого качества для предприятий-партнеров.

Развитию интернациональных производственных связей рабочего класса стран социалистического содружества способствует участие трудящихся этих стран в совместных стройках, получивших широкое распространение в связи с принятием Комплексной программы социалистической экономической интеграции. СССР и ЧССР в настоящее время принимают активное участие в реализации свыше 100 многосторонних интеграционных мероприятий [6, с. 156].

Важное значение в решении проблемы обеспечения братских стран сырьем и топливом имело сооружение газопровода Оренбург-Западная граница СССР. Присвоение газопроводу наименования «Союз» глубоко символично. Он создан совместным самоотверженным трудом многотысячного интернационального коллектива строителей и монтажников НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР³.

В соответствии с соглашением, подписанным в 1974 г., посланцы из Чехословакии участвовали в строительстве части трассы газопровода протяженностью 270 км, 22 компрессорных станций и других объектов вспомогательного назначения [6, с. 152]. Выступив с инициативой форсировать сооружение компрессорных станций Палласовка, Антиповка, Фролово, Калининская, они приняли повышенные обязательства и с честью их выполнили. Так, 30 декабря 1978 г. чехословацкие специалисты на три месяца раньше срока сдали компрессорную станцию в Сохрановке [7, 1979, 18 января]. «Строительство газопровода, — сказал руководитель бригады чехословацких строителей Оттакар Матейчик, — это школа жизни, труда, передового опыта. Здесь мы учимся у советских людей не только тому, как можно совершать такие колоссальные дела, но и истинному пролетарскому интернационализму» [12].

Как отметил Л. И. Брежнев в приветствии участникам строительства в связи с вводом в действие газопровода: «Коллективный опыт сооружения газопровода особенно ценен тем, что он указывает путь к новым формам кооперации труда международного рабочего класса, основанный на общности идей построения светлого коммунистического общества» [7, 1979, 19 января].

Большой вклад в развитие и укрепление советско-чехословацкой дружбы и сотрудничества вносят профсоюзы Советского Союза и Чехословакии. Традиции и принципы взаимопомощи между трудящимися СССР и ЧССР, их профсоюзными организациями легли в основу соглашений о сотрудничестве между ВЦСПС и Центральным Советом Революционного профсоюзного движения (ЦС РПД), заключенных в 1970 и 1974 годах [3, с. 175, 192]. Деятельность профсоюзов обеих стран по развитию интернациональных связей рабочего класса многогранна. Она включает в себя обмен профсоюзными делегациями, передовиками и новаторами производства, сотрудничество между однопрофильными предприятиями, органи-

³ Участие Румынии в строительстве газопровода «Союз» выразилось в финансировании закупок материалов и оборудования, необходимых для стройки, в третьих странах.

защиту выставок ВОИР и научно-технического общества (НТО) ЧССР, участие в различных международных мероприятиях на многосторонней основе и т. п.

Цель обмена профсоюзными делегациями, осуществляемого по линии ВЦСПС, отраслевых, областных советов профсоюзов — ознакомление с профсоюзной и производственной деятельностью друг друга, изучение и распространение передового опыта работы. Профсоюзы СССР и ЧССР, как и других стран социалистического содружества, всячески содействуют расширению интернациональных производственных связей между однопрофильными предприятиями. В соответствии с постановлением ВЦСПС от 25 октября 1974 г. «Об установлении контактов и сотрудничества между одинаковыми по профилю советскими и чехословацкими предприятиями» 42 предприятиям Советского Союза, представлявшим 12 отраслей промышленности, было поручено установить контакты с родственными предприятиями Чехословакии. Примечательно, что перечисленные в постановлении предприятия находились в 6 союзных республиках, 2 автономных и 22 областях нашей страны и почти во всех областях Чехословакии [13].

Плодотворно развиваются связи между коллективами Кременчугского нефтеперерабатывающего завода и Братиславского завода «Словнафт», угольных предприятий Ворошиловградской области и Остравско-Карвинского угольного бассейна, Ленинградского электромашиностроительного объединения «Электросила» и чехословацких заводов «ЧКД-электротехника» (Прага), Белорусского республиканского объединения «Белпиво» и пивоваренного объединения Южно-Чешской области и многих других предприятий обеих стран [14, л. 1—6]. Эти связи носят разносторонний характер, способствуют глубокому ознакомлению с делами друг друга, массовому обмену опытом во всех сферах деятельности, как в производственной, так и в социально-политической.

В рамках этого сотрудничества особое внимание уделяется развитию такой эффективной формы интернациональных связей, как обмен бригадами коммунистического и социалистического труда, получившей название «От станка к станку». Его участники в течение месяца передавали свой опыт на рабочем месте в процессе производства на родственном предприятии, с которым осуществляется сотрудничество. Впервые такой обмен был осуществлен в 1973 г. коллективами московского автомобильного завода им. Лихачева и завода «Авиа» Прага-Летняны, ДСК-2 Ленинграда и национального предприятия «Поземни ставбы» (Брно), запорожского моторостроительного завода и пражского завода «Моторлет» [3, с. 193]. В 1978 г. обменялись рабочими бригадами такие крупнейшие предприятия как волгоградский металлургический завод «Красный Октябрь» и Витковицкий металлургический комбинат им. К. Готвальда, Кременчугский нефтеперерабатывающий завод и братиславский комбинат «Словнафт», московский автомобильный завод имени Ленинского комсомола и автозавод в г. Млада-Болеслав, харьковский завод «Электротяжмаш» им. В. И. Ленина и пражский завод «ЧКД-Соколово» [15, л. 4, 5]. К 1979 г. это движение развернулось на 47 заводах СССР и ЧССР [16, с. 99].

Высокое профессиональное мастерство, творческий подход к работе, товарищеская взаимопомощь и полное взаимопонимание — основные черты, характеризующие работу советских и чехословацких специалистов на родственных предприятиях в братской стране. Не случайно, сотрудничество многих коллективов высоко оценено коммунистическими партиями, правительствами, профсоюзами обеих стран. Так, например, указом президента ЧССР от 19 сентября 1975 г. за братскую помощь и долголетнее сотрудничество в развитии чехословацкой экономики коллективы девяти советских предприятий награждены орденом Труда [17, с. 327].

Одной из форм интернациональных производственных связей между рабочими стран социалистического содружества является обмен передовиками и новаторами, рационализаторами производства, рабочими и специалистами родственных профессий, осуществляемый в рамках сотрудничества однопрофильных предприятий и вне его. Так, фрезеровщик завода «Уралмаш» А. Дурнышев, Герой Социалистического Труда, удостоен за

передачу опыта чехословацким друзьям звания «Почетный шкодовец»; Ф. Зыка, один из первых Героев Социалистического Труда ЧССР, лучший изобретатель партнера «Уралмаша» — предприятия «Шкода», демонстрировавший на уральском заводе прогрессивные методы работы, свои уникальные инструменты, оригинальные технологические приемы, согласился продлить командировку, так как его опыт вызвал большой интерес у советских рабочих [6, с. 58].

Популярностью среди трудящихся двух братских стран пользовались мероприятия, проводимые Центральным советом ВОИР и Центральным советом НТО ЧССР. Традиционными стали дни советских изобретателей и рационализаторов в ЧССР, месячники чехословацко-советской дружбы с участием передовиков и новаторов производства. В 1975 г. выставку работ советских изобретателей и рационализаторов, проходившую в течение трех недель в Праге, Братиславе и Остраве, посетили почти 1500 чехословацких граждан [3, с. 184]. В свою очередь, трудящиеся СССР в 1976 г. смогли ознакомиться с творчеством изобретателей и рационализаторов Чехословакии в области строительства [18, л. 3]. В 1974 г. для участия в месячнике чехословацко-советской дружбы в ЧССР выезжала делегация передовиков и новаторов производства СССР в количестве 15 человек. В ее состав вошли Герои Социалистического Труда — шахтеры из Донецка и Киселевска В. Н. Пихтеров и И. З. Липов, слесарь-сборщик из Риги С. Д. Кирьянов, вязальщица из Харькова А. П. Морозова, сборщица из Москвы А. М. Похмельникова. Члены советской делегации, делаясь своим опытом работы, посетили 10 предприятий ЧССР [19, с. 64—65]. Организация такого рода мероприятий является эффективной и полезной формой сотрудничества, позволяющей непосредственно ознакомиться с производством, его техническими возможностями и преимуществами, продемонстрировать передовые приемы и методы работы, вести широкую пропаганду достижений изобретателей и рационализаторов.

Новой, ставшей традиционной формой сотрудничества профсоюзов в 70-е годы, способствующей развитию дружеских связей трудящихся двух братских стран, является ежегодный обмен профсоюзными поездками и дружбы, организуемый ВЦСПС и ЦС РПД. Участники поезда дружбы из ЧССР в 1975 г. посетили 15 городов, 80 предприятий и организаций Советского Союза [3, с. 190]. Членам советских профсоюзов, приехавшим в ЧССР на поезде дружбы в 1976 г., была предоставлена возможность побывать во всех областях и многих районах Чехословакии, посетить свыше 120 промышленных предприятий, организаций и учреждений [18, л. 5].

Традиционной в 70-е годы стала организация на предприятиях стран — членов СЭВ международных конкурсов, школ передового опыта, где рабочие демонстрировали свое мастерство непосредственно в процессе работы. В 1972 г. на Череповецком металлургическом заводе состоялась встреча металлургов Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Польши, Румынии, Чехословакии, Советского Союза и Югославии. В честь 50-летия образования СССР они провели плавку дружбы, обменялись опытом работы [20, с. 28]. Такая же встреча состоялась в 1974 г. на металлургическом заводе им. Дзержинского в польском городе Домброва-Гурнича. В ней приняли участие сталевары из шести стран — членов СЭВ, в том числе из Советского Союза и Чехословакии [21, с. 90].

В 70-е годы получила распространение и такая форма международных производственных связей рабочего класса стран социалистического содружества, как интернациональные трудовые смены. В 1978 г. 12 рабочих с тракторостроительных заводов НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР и ЧССР совместно с советскими рабочими во время интернациональной трудовой смены на Минском тракторном заводе собрали 115 тракторов «Беларусь», 10 из них было выпущено сверх планового задания. Большинство этих тракторов было направлено в братские страны СЭВ [22, с. 106].

Значительная роль в развитии и углублении дружеских связей между трудящимися СССР и Чехословакии, в повышении их общественно-политической и трудовой инициативы принадлежит Обществу советско-чехо-

словацкой дружбы (ОСЧД) и Союзу чехословацко-советской дружбы (СЧСД). Основное внимание в деятельности этих организаций сосредоточено на ознакомлении своих членов с достижениями наших народов, с успехами строительства нового общества. Одно из наиболее важных направлений — пропаганда экономических, технических и культурных достижений наших стран, распространение передового опыта. Большую работу проводили местные отделения ОСЧД и СЧСД, созданные во многих областях, районах, городах и на отдельных предприятиях. Например, отделения ОСЧД активно действуют на таких заводах, как Кременчугский нефтеперерабатывающий, Полтавский «Электромотор», Московский электровакуумных приборов, Одесское швейное объединение им. Воровского, а также на московских фабриках — «Парижская коммуна», «Буревестник», «Москва», им. П. Акимова и многих других предприятиях СССР.

СЧСД в настоящее время является второй после профсоюзов наиболее массовой общественной организацией Чехословакии, объединяющей в своих рядах 29 тыс. первичных организаций [6, с. 33]. На машиностроительном комбинате «Шкода» — одно из крупнейших отделений СЧСД (около 10 тыс. человек) [7, 1978, 17 января]. Члены его пропагандируют научно-технические достижения СССР, контролируют ход выполнения советских заказов, поддерживают прямые контакты с советскими предприятиями, принимают совместные социалистические обязательства с предприятиями-смежниками, от которых зависит выполнение советских заказов, организуют курсы по изучению русского языка.

Большой вклад в развитие интернациональных связей между рабочими наших стран, в укрепление дружбы и взаимопомощи вносит движение трудящихся Чехословакии за звание коллективов имени чехословацко-советской дружбы, развернувшееся по инициативе СЧСД. Созданная к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции «Золотая книга» чехословацко-советской дружбы способствовала росту политической и трудовой активности масс, принявших повышенные социалистические обязательства в связи с этой датой. 10 329 коллективов включились в борьбу за звание коллектива имени чехословацко-советской дружбы, 5644 коллектива получили это почетное звание. Более 1000 коллективов и бригад социалистического труда имени чехословацко-советской дружбы внесено в «Золотую книгу» [6, с. 34].

Только в Праге, по данным газеты «Лидове демокрацие» от 30 октября 1978 г., насчитывалось 938 бригад имени чехословацко-советской дружбы. Характеризуя их деятельность, газета указывала, что последовательное применение методов советских новаторов помогло им выполнять и перевыполнять плановые задания. Кроме того, эти коллективы уделяют особое внимание своевременному и качественному выполнению заказов для СССР.

По инициативе ОСЧД и СЧСД в целях обмена опытом, более широкого использования прогрессивных методов организации труда, углубления интернациональных связей трудящихся СССР и ЧССР проводятся встречи, в которых принимают участие представители этих организаций, рабочие сотрудничающих предприятий двух стран, члены коллективов имени чехословацко-советской дружбы. Весной 1978 г. такая встреча состоялась на древней русской земле в городе Суздале, а в октябре 1979 г. — в североморавском городе Тршинец на тршинецком металлургическом комбинате. Место встречи было выбрано не случайно. Комбинат — современный промышленный комплекс, отметивший 140 лет со дня своего основания, более 20 лет связан прочной дружбой с советскими металлургами Днепродзержинского металлургического комбината им. Ф. Э. Дзержинского. Он удостоен многих чехословацких наград, первым в Чехословакии добился почетного звания предприятия социалистического труда, предприятия имени чехословацко-советской дружбы. Среди 20 тыс. работников комбината 75% участвуют в движении бригад социалистического труда. Таких бригад — 800, из них 119 носят имя чехословацко-советской дружбы [23, № 3, с. 19].

В настоящее время значительно возрастает роль союзов молодежи двух братских стран в претворении в жизнь Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Молодежь Чехословакии составляет 40% экономически активного населения [24, с. 211]. Доля рабочей молодежи в социально-классовой структуре советского рабочего класса составляет: в промышленности — 49,7%, в строительстве — 56,5, на транспорте — 41% [25, с. 6—7]. В профсоюзах, спортивных и других общественных организациях Чехословакии молодежь составляет почти одну четверть всего состава [26, с. 87]. В советских профсоюзах 53% — молодые люди в возрасте до 30 лет, большинство которых является членами ВЛКСМ [27, с. 357]. Поэтому, естественно, ВЛКСМ и Союз социалистической молодежи (ССМ) Чехословакии принимают активное участие в развитии и углублении всех форм интернациональных связей рабочего класса.

Накоплен немалый опыт совместного шефства над крупными национальными и международными промышленными объектами. Советские комсомольцы в 70-е годы участвовали в строительстве таких крупных электростанций в ЧССР, как «Тупимице-II», «Мельник-III». В свою очередь, молодежные бригады из Чехословакии принимали участие в создании Усть-Илимского лесопромышленного комплекса [28, с. 8—9; 29, с. 321].

При сооружении газопровода «Союз», где вместе с советской и чехословацкой молодежью по-ударному работали юноши и девушки Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, накоплен богатый опыт интернационального воспитания молодежи. По инициативе молодых строителей трассы проводились фестивали и вечера дружбы, смотры художественной самодеятельности, походы по местам революционной, боевой и трудовой славы. Проходили совместные собрания комсомольского актива, создавались кружки по изучению русского языка и языков народов стран СЭВ. Все это способствовало развитию дружбы и сотрудничества между народами стран социалистического содружества.

Непосредственные контакты между молодыми рабочими Советского Союза и Чехословакии имеют неопределимое значение. Ведь от того, какой вырастет молодежь, зависит ее будущее. Поэтому не случайно ВЛКСМ и ССМ Чехословакии, верные помощники коммунистических партий в осуществлении грандиозных планов строительства нового общества, уделяют так много внимания дальнейшему развитию советско-чехословацкого сотрудничества. Направляя свои усилия на совместные поиски наиболее эффективных путей коммунистического воспитания молодежи, молодежные организации двух стран способствуют ее активному участию в созидательном труде, упрочению интернациональных связей между молодыми рабочими.

Поистине всенародный размах приобрели дружеские связи породненных областей, районов и городов двух стран⁴. В Чехословакии сегодня нет ни одной области, района, завода, кооператива, вуза и т. п., которые бы не поддерживали дружеские связи с советскими партнерами или не обменивались бы с ними опытом работы [30, с. 39].

Коммунистические партии обеих стран уделяют сотрудничеству породненных областей, районов и городов большое внимание. Как отмечалось на совещаниях представителей соответствующих обкомов и горкомов братских партий с участием представителей отделов ЦК КПСС и ЦК КПЧ в Ужгороде в январе 1977 г. и в Кошице в начале 1978 г., это сотрудничество приобрело действительно всенародный характер, базировалось на общих идеях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, на единых целях социалистического и коммунистического строительства [19, с. 232—233; 6, с. 55].²

Необходимо подчеркнуть, что в основе интернациональных производственных связей рабочего класса стран социалистического содружества лежит обмен опытом работы, передовыми приемами, прогрессив-

⁴ В этом сотрудничестве ныне участвуют десять областей и три города СССР и ЧССР [6, с. 54].

ными формами и методами организации труда. «Сила примера,— писал В. И. Ленин,— которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность на земли и на фабрики,— не только потому, что здесь будут, может быть, следовать хорошему примеру, но и потому, что лучший пример организации производства будет сопровождаться неизбежным облегчением труда и увеличением суммы потребления для тех, кто эту лучшую организацию провел» [31].

Так, например, в Чехословакии широкое применение находит опыт бригадного хозрасчета советского новатора, Героя Социалистического Труда Н. А. Злобина. В 1976 г.— треть всех строителей ЧССР работали по этому методу, что позволило сократить сроки строительства каждого дома в среднем с 950—800 до 500—400 часов, одновременно уменьшив затраты и улучшив качество построек [3, с. 188]. В 1979 г. по методу Злобина работало почти 2000 бригад [16, с. 102].

Широко подхвачена в ЧССР и инициатива бригады коммунистического труда СУ-93 Государственного строительного-монтажного объединения № 1 Главмоспромстроя, руководимой Героем Социалистического Труда А. Д. Басовым,— «Работать высокопроизводительно, без травм и аварий!» К 1979 г. на призыв Басова откликнулось более чем 20 тыс. коллективов трудящихся ЧССР [16, с. 102]. Почин советского новатора находит все больше последователей, и не только в строительстве. Так, в основных цехах металлургического комбината по производству алюминия в Жьярна-Гроне (кислородном и электролизном) его поддерживали бригады имени чехословацко-советской дружбы, руководимые Яном Ягером и Юлиусом Томой. Их примеру последовало 50 трудовых коллективов, насчитывающих 1300 рабочих [23, № 11, с. 11].

Широкий отклик нашли в Чехословакии также движение саратовцев за бездефектное изготовление и сдачу продукции с первого предъявления, львовская комплексная система управления качеством продукции, щекинский метод и др. Причем советский опыт не просто «пересаживался» на новую почву, а применялся творчески, с учетом условий ЧССР⁵. Для изучения передового советского опыта на предприятиях ЧССР созданы школы социалистического труда, большую работу проводят «Кабинеты качества и надежности». В них рабочие совершенствуют свои политические и экономические знания, расширяют кругозор, повышают профессиональное мастерство.

Советские рабочие используют положительный опыт чехословацких товарищей. Так, сотрудничество коллективов Белорусского республиканского объединения «Белпиво» и пивоваренного объединения Южно-Чешской области помогло пивзаводам Белоруссии освоить процесс повторного использования белкового отстоя сусла. На Лидском пивзаводе была внедрена технология глубокого сбраживания пива, на Молодечненском пивзаводе установлено оборудование в пивоварочном производстве по опыту Будварского завода [14, л. 3]. Использование опыта чехословацкого предприятия «Текстилана» (Устина-Лабе) на Купавинской тонкосуконной фабрике им. И. М. Акимова (Московская область) позволило ежегодно экономить 60 тыс. рублей при значительном улучшении качества продукции [6, с. 59]. Работники обувной фабрики «Парижская коммуна» (Москва), ознакомившись в 1972 г. с технологией изготовления обуви на родственном предприятии им. 29 августа (Партизанск), высказали свои предложения о внедрении некоторых операций чехословацкого производства. По предложению ЦК профсоюза Министерство легкой промышленности изучало возможности применения этих процессов на других предприятиях страны [32, л. 6].

Заслуживает внимания и тщательного изучения и опыт профсоюзов Чехословакии по развертыванию широкого движения трудящихся «За

⁵ Например, инициатива автозаводцев г. Млада-Болеслав «За высокую эффективность производства и качество всей работы», получившая широкое распространение в шестой пятилетке, представляет собой чехословацкий вариант соединения саратовского движения со львовской системой.

профсоюзный миллиард». Его цель — сделать экономию сырья, материалов и энергии делом каждого рабочего, добиться сверхплановой экономии этих ресурсов в год на один миллиард крон.

Большие возможности заложены в движении комплексных рационализаторских бригад, способствующих использованию научно-технического прогресса в интересах социалистического строительства, укреплению связи науки с производством. В этих бригадах объединены опыт и знания рабочих, инженерно-технических и хозяйственных работников, которые ежегодно составляют обязательства по перевыполнению достигнутых показателей. Это тщательно разработанная, технически и экономически обоснованная рационализаторская программа, нацеленная на решение самых острых проблем повышения эффективности производства. Деятельность комплексных рационализаторских бригад способствует выполнению народнохозяйственных задач, особенно в области экономии материалов и сырья⁶.

При этом, необходимо отметить, что в результате производственных контактов рабочие обмениваются опытом не только в сфере материального производства, но и в области социальной, общественно-политической. Большое внимание уделяется вопросам идейно-политического воспитания трудящихся, культурно-массовой работе, воспитанию молодого поколения на трудовых традициях, вопросам труда и отдыха трудящихся, роли женщин в социалистическом и коммунистическом строительстве и т. д. В результате все ценное, что имеется в опыте работы сотрудничающих предприятий в братских странах, становится достоянием друг друга с учетом конкретных условий каждой страны. Следовательно, интернациональные связи рабочих в сфере материального производства помогают успешно решать не только производственные, но и социально-политические задачи.

Непосредственные контакты, общение между собой рабочих братских социалистических стран в процессе производства, помощь, оказываемая друг другу в строительстве нового общества, естественно, способствуют лучшему взаимопониманию, желанию узнать друг о друге еще больше, повышению трудовой и общественно-политической активности, развитию инициативы трудящихся.

Совместное участие рабочих различных наций в сооружении крупных народнохозяйственных объектов в братских социалистических странах приводило к созданию интернациональных коллективов. Например, при решении повседневных проблем строительства первого блока чехословацкой электростанции В-1 в Ясловске-Богунце из советских и чехословацких трудящихся спонтанно создался интернациональный трудовой коллектив, в котором родилась настоящая дружба. Совместно укладывали, сваривали, чистили, совместно проводили оперативные совещания и по ходу дела решали повседневные проблемы, планировали дальнейшую работу. Сложился и новый своеобразный международный язык, в котором русские слова чередовались с чешскими и словацкими.

В приветственном письме строителям генерального секретаря ЦК КПЧ, президента ЧССР Г. Гусака по случаю успешного завершения строительства электростанции отмечается, что «интернациональные бригады чехословацких и советских рабочих... особенно оправдали себя при решении наиболее сложных задач строительства» [11, 1980, 29 V].

Участники движения «От станка к станку» отмечают большой политико-воспитательный эффект данной формы связей и сотрудничества между родственными по профилю коллективами. По примеру советских предприятий на чехословацких заводах и фабриках, при заводских домах культуры организуются музеи революционных традиций, которые во все возрастающей степени начинают использоваться в политико-воспитательной работе, в особенности среди молодежи.

⁶ В результате их успешной работы в 1973 г. было сэкономлено 307 тыс. *т* условного топлива, 68 100 *т* стали и металла, 24 200 *т* неметаллических материалов, 4200 *т* цветных металлов [33, с. 138]. В первом полугодии 1975 г. экономия топлива составила почти 8 млн крон [3, с. 127].

Для рабочих делегаций в братских странах созданы оптимальные условия для демонстрации своих прогрессивных методов, для ознакомления с опытом работы на родственном предприятии, осуществляется большая культурная программа, включающая посещение исторических мест революционной, боевой и трудовой славы народов. Предусматривается участие рабочих из братских стран в общественно-массовых мероприятиях, профсоюзных собраниях, постоянно действующих производственных совещаниях (ПДПС) и т. п.

Так, например, в плане приема рабочей делегации из ЧССР в рамках обмена бригадами «От станка к станку» на Московском автомобильном заводе им. Лихачева в 1973 г. предусматривалось участие чехословацких рабочих в вечере трудовой славы «Знатные люди завода на вахте пятилетки» и Дне новаторов производства, посещение Мавзолея В. И. Ленина, Кремля, ВДНХ, музеев и достопримечательностей Москвы, мест отдыха трудящихся [34, л. 5]. План приема чехословацких строителей в ДСК-2 Ленинграда предусматривал знакомство с партийной жизнью коллектива, деятельностью ПДПС и построечного комитета профсоюза, организацией социалистического соревнования среди рабочих монтажных бригад. Планировалось также посещение членами делегации историко-революционных мест Ленинграда, музеев, театров, клубов, знакомство с семьями и жизнью рабочих ДСК-2. Намечалось проведение тематических вечеров, встреч с активом ДСК-2 и других предприятий, участие в общих спортивных мероприятиях, совместный отдых в пригороде Ленинграда с рабочими и их семьями [34, л. 5].

Интерес советской рабочей делегации шахты им. Абакумова производственного объединения «Донецкуголь», побывавших у шахтеров г. Остравы, вызвал опыт чехословацких коллег в строительстве индивидуального жилья для шахтеров с частичной выплатой в рассрочку. Этот вопрос был детально изучен ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности. В декабре 1978 г. Министерство угольной промышленности СССР издало приказ «О порядке организации индивидуального жилищного строительства на предприятиях и в организациях отрасли», при подготовке которого был учтен и чехословацкий опыт [15, л. 3].

Таким образом, отличительной чертой производственных связей рабочего класса СССР и Чехословакии в 70-е годы является взаимный обмен опытом коммунистического и социалистического строительства, его интернационализация, т. е. создание коллективного опыта, вбирающего в себя все самое лучшее из национального опыта каждой страны.

Примечательно, что интенсивный количественный рост объема интернациональных производственных связей между советскими и чехословацкими рабочими как новой конкретной формы проявления социалистического интернационализма в 70-е годы сопровождается определенными качественными сдвигами, что выражается в расширении их географии, включении новых отраслей, многообразии форм и т. п. Это объясняется рядом причин как внутренних, так и внешних. Во-первых, и в Советском Союзе, и в Чехословакии к 70-м годам значительно выросла и претерпела качественные изменения материально-техническая основа сотрудничества. Появились новые возможности для взаимного обмена материальными ценностями, передовым опытом. Во-вторых, с переходом на новую ступень социалистического и коммунистического строительства, особенно в условиях Комплексной программы социалистической экономической интеграции, влияния НТР, значительно возрос уровень народнохозяйственных задач в обеих странах, усилилась потребность в углублении связей и всестороннем сближении их экономик в целях повышения эффективности общественного производства. Возросла также потребность в интенсификации их экономических и научно-технических связей, в более активном использовании достижений НТР, передового производственного опыта рабочего класса, международного разделения труда и т. д.

Интернациональные производственные связи между советскими и чехословацкими рабочими в 70-е годы приобретают более систематический и долговременный характер, ориентируются на узловые проблемы обще-

ственного производства, прежде всего связанные с главной стратегической линией коммунистических партий и социалистического государства — повышением эффективности и качества всей работы. Если раньше производственные связи носили преимущественно ознакомительный характер, то в 70-е годы они служат основой для внедрения передовых форм и методов труда, организации производства, являются массовой базой обмена опытом работы, опытом социалистического и коммунистического строительства.

Характерной особенностью развития стран социалистического содружества в 70-е годы является интернациональное социалистическое соревнование. Вышедшее из внутренних рамок отдельных социалистических стран, оно вызывает огромный подъем трудовой и общественно-политической активности рабочего класса, оказывает влияние на развитие его международных производственных связей, обмен опытом строительства нового общества, вносит существенный вклад в развитие принципов социалистического интернационализма. Такие инициативы, как почин металлургов венгерского «Красного Чепеля», подхваченный трудящимися всех стран социалистического содружества, социалистическое соревнование в честь 30-летия СЭВ, 100-летия и 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, повышенные обязательства коллективов сотрудничающих предприятий в честь исторических дат и знаменательных событий в братских странах, получившие небывалый размах в 70-е годы — качественно новое явление в развитии социалистического общества. Это явление требует еще тщательного изучения и осмысления историками, философами, социологами и экономистами.

Непосредственные контакты между предприятиями и трудовыми коллективами социалистических стран становятся сегодня обычным явлением. «Живое, непосредственное общение десятков, сотен тысяч людей, строителей социализма и коммунизма, — говорил Л. И. Брежнев, — стало для нас обычным делом. Но и в этой кажущейся обыденности скрыт глубокий исторический смысл: так закладывается фундамент будущего всемирного братства народов» [35].

Изучение интернациональных производственных связей рабочего класса СССР и Чехословакии показывает, что эти связи в 70-е годы получили дальнейшее развитие, явились практическим воплощением в жизнь принципов пролетарского, социалистического интернационализма, важным фактором интернационализации хозяйственной и общественной жизни двух братских стран, опыта социалистического и коммунистического строительства.

Этот опыт является достоянием не только советского и чехословацкого народов и их компартий, но и всего содружества братских социалистических стран, обладает большой притягательной силой для всех народов, так как освещает пути осуществления взаимовыгодного, многогранного, целенаправленного и содержательного сотрудничества равноправных, независимых и суверенных социалистических государств, мобилизации трудящихся масс на успешное претворение в жизнь задач социалистического и коммунистического строительства.

«За годы социалистического строительства, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — братские страны накопили многообразный положительный опыт организации производства, управления, решения народнохозяйственных проблем». В материалах съезда указывается на необходимость «учиться друг у друга», «внимательнее изучать и шире использовать опыт братских стран» [36].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макеев А. В.* Производственные связи рабочего класса СССР с рабочими стран — членов СЭВ (1971—1975). — История СССР, 1978, № 2.
2. *Петрова Н. К.* Международные производственные связи рабочего класса СССР. 1959—1970. М., 1975.
3. *Виднянский С. В.* Консолидация профсоюзного движения в Чехословакии 1969—1975. Киев, 1979.

4. Нерушимое единство и дружба. Визит в ЧССР советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежневым. 30 мая — 2 июня 1978 года. Речи, документы, материалы. М., 1978.
5. XV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 12—16 апреля 1976 г. М., 1977.
6. СССР — ЧССР: Сотрудничество и сближение: К 10-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР от 6 мая 1970 г. М., 1980.
7. Правда.
8. *Aiha L.* 30 let vědeckotechnické spolupráce mezi SSSR a ČSSR. — *Nová mysl*, 1978, № 4.
9. *Ferfecký O.* 10 let sovětské pomoci při výstavbě pražského metra. — *Investiční výstavba*. Praha, 1980, № 3.
10. Внешняя торговля СССР, 1977, № 6.
11. *Rudé právo*.
12. Комсомольская правда. 1976, 25 сентября.
13. Текущий архив международного отдела и отдела по связям с профсоюзами социалистических стран ВЦСПС. Приложение № 1 и № 2 к постановлению Президиума ВЦСПС от 25 октября 1974 г., протокол № 22, п. 8.
14. Текущий архив международного отдела и отдела по связям с профсоюзами социалистических стран ВЦСПС. — Справка о сотрудничестве между одинаковыми по профилю советскими и чехословацкими предприятиями (20 8 78).
15. Текущий архив международного отдела и отдела по связям с профсоюзами социалистических стран ВЦСПС. — О связях с профсоюзами Чехословакии в 1978 г.
16. II встреча представителей Союза чехословацко-советской дружбы и Общества советско-чехословацкой дружбы «Роль первичных организаций СЧСД и ОСЧД в развитии непосредственных дружеских связей между чехословацкими и советскими предприятиями». Северо-Моравская область ЧССР, г. Острава. 30 IX — 7 X 1979 г. Прага, 1980, ч. I.
17. Советско-чехословацкие отношения. 1972—1976. Документы и материалы. М., 1977.
18. Текущий архив международного отдела и отдела по связям с профсоюзами социалистических стран ВЦСПС. — О связях с профсоюзами Чехословакии в 1976 г.
19. Породненные социалистическим интернационализмом. Дружественные связи и сотрудничество породненных областей и городов УССР и братских стран социализма. Киев, 1980.
20. *Пименов П. Т.* Пролетарский интернационализм в действии. М., 1973.
21. *Смольков В. Г., Ефременко Е. И.* Организация соревнования в социалистических странах. М., 1975.
22. *Уткин Э.* Социалистическое соревнование в трудовых коллективах стран СЭВ. — *Вопросы экономики*, 1979, № 4.
23. Социалистическая Чехословакия, 1980.
24. Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
25. *Алексеева В. Г.* На пороге самостоятельной жизни. М., 1979.
26. Социальная активность молодежи и коммунисты. Прага, 1975.
27. Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. М., 1978.
28. *Варголик Ю., Чмолик О.* Поколение: Очерк о современной молодежи социалистической Чехословакии. М., 1979.
29. *Тяжелыников Е. М.* Союз молодых ленинцев. М., 1980.
30. *Život strány*, 1978, № 7.
31. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 150.
32. Текущий архив международного отдела и отдела по связям с профсоюзами социалистических стран ВЦСПС. — О сотрудничестве советских и чехословацких профсоюзов в 1972 г.
33. Социалистическое соревнование в странах братского содружества. — Сб. статей о работе профсоюзов социалистических стран. М., 1975.
34. Текущий архив международного отдела и отдела по связям с профсоюзами социалистических стран ВЦСПС. — Информация об обмене бригадами передовых рабочих между советскими предприятиями и предприятиями ГДР и ЧССР в 1973 г.
35. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М., 1973, с. 464.
36. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 7.

НОСКОВА А. Ф., ПОП И. И.

ИЗ ИСТОРИИ СКЛАДЫВАНИЯ НОВОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы второй мировой войны страны Центральной и Юго-Восточной Европы находились в разных международно-политических лагерях. Польша, Чехословакия и Югославия, жертвы германской агрессии, с самого начала вошли в состав антигитлеровской коалиции. Для народов названных стран главной задачей являлась борьба за восстановление их национальной независимости. Ее решение было возможно только при объединении усилий всех антифашистских сил как внутри указанных стран, так и на международной арене. Из этого вытекала объективная необходимость нормализации их отношений с основной силой антифашистского блока — Советским Союзом. Весь ход развития международной обстановки, давление широких демократических сил, вынуждали эмигрантские правительства Польши, Чехословакии и Югославии, вопреки их антисоветским и антикоммунистическим позициям, пойти на военно-политический союз с СССР в целях общей борьбы против нацистской Германии и ее союзников. Однако представители буржуазной эмиграции Польши, Чехословакии и Югославии рассматривали союзные отношения с СССР как временные и конъюнктурные. Только коммунистические партии указанных стран считали союз с социалистическим государством принципиальной основой внешней политики своих стран как в период войны, так и в послевоенный период.

Другая группа государств региона — Венгрия, Румыния и Болгария — к началу агрессии гитлеровской Германии против Советского Союза была вовлечена реакционными правящими кругами в фашистский блок и фактически участвовала в войне против СССР [1, с. 152—154; 2, с. 197; 3, с. 183]. Вопреки национально-государственным интересам, ценой фактической потери национального суверенитета господствовавшие в Венгрии, Румынии и Болгарии фашистские группировки стремились сохранить свою власть, получив от нацистов в качестве приманки некоторые части территорий соседних стран, в том числе и СССР. Перед прогрессивными, демократическими силами названных стран встали задачи борьбы за разрыв с гитлеровской Германией и свержения реакционных фашистских режимов. Только выполнение этих задач могло спасти Венгрию, Румынию и Болгарию от полной утраты национальной независимости. Таким образом, подлинные национально-государственные интересы Венгрии, Румынии и Болгарии совпадали с целями антифашистских государств во главе с Советским Союзом и только разгром главных сил гитлеровской Германии на восточном фронте мог привести к воплощению указанных целей в жизнь. Но политика правящих кругов Венгрии, Румынии и Бол-

гарии вплоть до начала их освобождения Советской Армией была направлена на сохранение союза с нацистской Германией. Решающий поворот во внешнеполитической ориентации этих стран, поворот, за который неустанно боролись болгарские, венгерские и румынские коммунисты, начался лишь с момента освобождения их от фашизма.

Таким образом, разные внутренние условия и разное международно-политическое положение стран Центральной и Юго-Восточной Европы определили как их различный статус, так и формы и методы борьбы за новый внешнеполитический курс.

Разгром гитлеровцев под Москвой, провал нацистских планов «молниеносной войны» против СССР со всей убедительностью показали, что судьбы второй мировой войны, исход борьбы с фашистскими захватчиками решаются на советско-германском фронте и что СССР является основной силой антигитлеровской коалиции. Такой поворот в войне особое значение имел для оккупированных стран региона. Тысячи новых бойцов включались в национально-освободительную борьбу против фашистского порабощения, среди широких трудящихся масс нарастали антифашистские и демократические настроения.

Позитивную перспективу взаимного сотрудничества в борьбе против фашизма открывала позиция СССР по вопросам национальной независимости и государственного суверенитета стран, порабощенных нацистской Германией. Уже в начале июля 1941 г. НКВД СССР в телеграмме послу СССР в Англии И. М. Майскому четко сформулировал свое полное понимание чаяний порабощенных нацистами народов. В документе указывалось, что СССР выступает за «создание польского государства в границах национальной Польши..., за восстановление Чехословацкого и Югославского государств..., что вопрос о характере государственного режима является их внутренним делом» [4, VII, с. 198]. Позднее правительство СССР сделало заявление по вопросу о независимости албанского народа [5, с. 255].

Превращение советско-германского фронта сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР в решающий фронт второй мировой войны заставило буржуазных политических деятелей из оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы, образовавших правительства в эмиграции, признать необходимость нормализации государственных отношений с Советским Союзом. Летом 1941 г. были подписаны двусторонние соглашения между СССР и Польшей, СССР и Чехословакией, продиктованные взаимной заинтересованностью в разгроме фашизма. Основным постулатом советско-чехословацкого соглашения (18 июля 1941 г.) об обмене посланниками и советско-польского (30 июля 1941 г.) о восстановлении дипломатических отношений была взаимная помощь и поддержка в войне [4, VII, с. 208; 6, с. 14]. Возобновились дипломатические контакты между СССР и Югославией, оставался в силе советско-югославский договор от 5 апреля 1941 г. В июле 1941 г. в Москву прибыл югославский представитель [7]. Осенью 1942 г. СССР, Чехословакия и Югославия преобразовали свои миссии в ранг посольств [5, с. 234].

В течение всей войны СССР неоднократно заявлял о необходимости восстановления независимости государств, оккупированных гитлеровской Германией. Официально главные принципы внешней политики Советского Союза в отношении порабощенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы были сформулированы в Декларации Советского правительства на межсоюзнической конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. «Советский Союз, — указывалось в Декларации, — отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны» [8, т. I, с. 165]. Руководствуясь принципами интернациональной помощи порабощенным народам, Советский Союз в ноябре 1943 г. вновь заявил о своем содействии народам Европы не только в борьбе за национальное освобождение, но и в воссоздании их

национальных государств; о предоставлении освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве, а также о заинтересованности Советского государства в установлении такого порядка в послевоенной Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии. СССР выражал свое твердое намерение способствовать организации длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы [8, т. I, с. 118—119]. Это была развернутая программа прочного мира и международного сотрудничества. Большой победой советской внешней политики в период второй мировой войны были заявления о принятии этих принципов и другими странами — членами антигитлеровской коалиции [9, с. 145, 188—190].

Исходя из этого, Советский Союз стремился не только к сплочению антифашистских сил в едином фронте борьбы против гитлеровской агрессии, но и к налаживанию таких отношений с соседними государствами, которые гарантировали бы безопасность в послевоенный период СССР и его ближайших соседей — стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также способствовали бы установлению долговременных дружественных отношений с ними. Первым шагом в этом направлении были вышеуказанные двусторонние соглашения, заключенные Советским Союзом с буржуазными эмигрантскими правительствами оккупированных государств региона. Подписание этих соглашений эмигрантскими правительствами свидетельствовало об определенном реализме в понимании некоторыми буржуазными деятелями оккупированных стран региона роли и места СССР в войне с гитлеровской Германией. Важным фактором было и полевание настроений в рядах движения Сопротивления на захваченных гитлеровцами территориях. Здесь, несмотря на различные политические позиции участников, нарастали стремления к вооруженной борьбе с поработителями. Таким настроениям соответствовала только позиция коммунистов, что свидетельствовало о возможности роста и укрепления левых сил. Но пока положение в движении Сопротивления было сложным и, за исключением Югославии, буржуазия располагала в нем серьезными позициями.

Решающие победы Красной Армии в 1943 г. привели к коренному перелому во второй мировой войне. Становилось очевидным, что с освобождением от фашизма Центральной и Юго-Восточной Европы советскими войсками в условиях непрерывного укрепления демократических сил внутри движения Сопротивления этих стран создавалась реальная перспектива послевоенного демократического развития [10, с. 969—984]. И в оккупированных гитлеровцами, и в зависимых от «рейха» странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также в политических кругах эмиграции шла острая борьба по вопросам будущего общественного устройства. Проблемы внешней политики занимали в этой борьбе одно из важнейших мест.

Революционное крыло движения Сопротивления, руководимое коммунистами, рассматривало Советский Союз как всего политического, классового и идейного союзника. Начиная с первых подпольных воззваний 1939 г. Коммунистической партии Чехословакии, коммунисты настойчиво и непоколебимо отстаивали союз с СССР как главный принцип внешней политики страны [11, с. 334, 365].

Идея совместной с СССР борьбы против фашизма пронизывала партийные документы, воззвания и обращения КПЧ к народу [12, с. 193, 196, 198].

Первая декларация ППР — возрожденной партии польских коммунистов — провозглашала союз с СССР залогом победы над фашизмом, условием воссоединения польских земель и восстановления независимости страны [13, с. 11—15, 146].

Буржуазный лагерь, представленный на международной арене эмигрантскими правительствами Польши, Чехословакии и Югославии, стоял на позиции союза с западными державами и рассчитывал на их победу в войне. Это проявилось в планах создания блоков или конфедераций

малых государств в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе под эгидой Англии и США [14]. Эмигрантские правительства Польши и Чехословакии подписали ряд совместных документов на этот счет [15, S. 198, 205, 222, 228, 247, 254, 257, 261; 16, с. 411—412]. На первый план в условиях войны буржуазные деятели выдвигали антигерманскую направленность таких конфедераций. На самом же деле планы создания блоков малых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе имели антисоветский характер. В СССР они рассматривались как попытка возродить пресловутый «санитарный кордон» [17, с. 56—57, 193—194, 355—356].

Польские буржуазные деятели придерживались пресловутой теории «двух врагов» (Германии и СССР), и это привело в апреле 1943 г. к разрыву дипломатических отношений между СССР и польским эмигрантским правительством [8, т. I, с. 303].

Но Советский Союз продолжал отстаивать концепцию союза с Польшей. Такой союз вытекал из общности коренных внешнеполитических национально-государственных интересов — интересов безопасности обеих стран. Он был залогом самого существования Польши и обеспечивал спокойствие западных границ СССР. Приближение Красной Армии к польским границам способствовало усилению позиций революционного крыла в движении Сопротивления Польши, радикализации настроений народных масс, создавало благоприятную почву для восприятия ими внешнеполитической концепции коммунистов [18, с. 129].

Нежелание польского эмигрантского правительства признать объективные политические реальности, а именно результаты обсуждения польского вопроса на Тегеранской и Крымской конференциях привело к тому, что оно оказалось в значительной международной и определенной внутренней изоляции. Слепой антисоветизм, политическая близорукость ведущих политиков буржуазного лагеря, их классовая ограниченность в оценках военно-политической ситуации не позволили им понять истинного места, роли и необходимой для будущей Польши системы союзов [16, с. 416—426, 477—486].

Мюнхенский стовор вынудил чехословацкую буржуазию искать на Востоке реальный противовес германскому Дранг нах Остен [19, S. 207]. Однако ее лидеры в Лондоне продолжали занимать двойственную позицию в отношении Советского Союза, полагая, что конечная победа в войне будет все-таки на стороне США и Англии. Это, как надеялся Э. Бенеш, предотвратит революционно-демократические преобразования в Центральной Европе [20, s. 27]. Под давлением демократических сил Э. Бенеш отступил от проектов создания конфедераций в Центральной Европе и в 1943 г. высказался за установление трехстороннего союза между Польшей, Чехословакией и СССР [21, s. 450; 22, с. 176—184]. Такая его позиция обуславливалась и необходимостью решения важных внешнеполитических проблем, а именно — ликвидации последствий мюнхенского стовора, вопроса о выселении немецкого населения с территории Чехословакии, вопроса о ее южных границах. Западные государства отказывались признать мюнхенское соглашение недействительным с самого начала. Только СССР решительно и последовательно отвергал этот позорный акт. Таким образом, в деле восстановления целостности республики Чехословакия могла опереться только на Советский Союз.

Эмигрантские лидеры чехословацкой буржуазии понимали, что международный авторитет СССР настолько возрос, что без СССР, а тем более вопреки ему, уже нельзя решать вопросы, касающиеся Центральной Европы. Они опасались и того, что промедление с заключением договора с СССР может обернуться морально-политическим поражением чехословацкой буржуазии [23, с. 30—34].

Советское правительство рассматривало договор с Чехословакией как первую составную часть новой системы безопасности СССР и освобождаемых при его решающем участии народов от возможных в будущем агрессивных устремлений германского империализма. Каждое новое двустороннее соглашение Советского Союза с соседним государством призвано

было укреплять внешнеполитическое положение СССР: рушилась старая реакционная концепция «санитарного кордона» в Центральной и Юго-Восточной Европе.

12 декабря 1943 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой Республикой. В нем торжественно провозглашалось взаимное согласие сторон проводить постоянно политику дружбы, сотрудничества и взаимной помощи в военное и мирное время. Обе стороны обязывались оказывать друг другу всемерную помощь в войне. Предусматривались также меры по закреплению победы над фашизмом и обеспечению безопасности Советского Союза и Чехословакии в послевоенное время. Важное значение имели длительные сроки действия договора (20 лет), а также возможность его автоматического продления на последующее время [6, с. 32, 133].

Советско-чехословацкий договор означал для Чехословакии переход к внешнеполитической ориентации, способной обеспечить национальное существование чехов и словаков [24, с. 218]. К. Готвальд считал это подписание «событием в полном смысле слова историческим, поскольку этот договор закладывает прочную, нерушимую основу нашей будущей национальной и государственной жизни» [25, с. 24]. Но за упрочение этой основы, за наполнение ее новым содержанием прогрессивным силам Чехословакии предстояла еще долгая и упорная борьба.

Заключение советско-чехословацкого договора имело крупное международное значение, выходящее далеко за пределы отношений между двумя странами [26, с. 18]. Договор подтверждал возросшую роль Советского Союза в европейской и мировой политике, его положение великой державы, регулирующей свои отношения с малыми странами Центральной и Юго-Восточной Европы на демократических принципах равенства и уважения суверенитета. Подписание этого договора создавало международно-правовой прецедент, а сам договор стал прообразом ряда других аналогичных договоров, в частности, советско-югославского и советско-польского, подписанных представителями народных правительств Польши и Югославии.

Советско-югославские отношения в годы второй мировой войны осуществлялись как бы в двух плоскостях. Официальные контакты правительства СССР с эмигрантским правительством Югославии были установлены летом 1941 г., сохранял силу советско-югославский договор от 5 апреля 1941 г., но связи с эмигрантским правительством все более сокращались. СССР в своей политике в отношении Югославии учитывал интересы ее народов, признавал их суверенные права и самоотверженные усилия в борьбе с фашизмом. Начавшаяся летом 1941 г. под руководством КПЮ массовая вооруженная борьба югославских трудящихся против фашистских оккупантов и их пособников сразу вызвала горячий отклик и активную поддержку СССР [27].

С первых дней народного восстания в Югославии Советский Союз выражал полную солидарность с ним. По мере укрепления и расширения освободительного движения югославских народов, по мере возникновения в рамках этого движения новой народной власти и новых государственных институтов устанавливались контакты СССР с новой народной властью. Главные усилия СССР были направлены на оказание моральной, политической и военной помощи борющемуся под руководством КПЮ югославскому народу, на укрепление международного авторитета рождающейся народной власти [22, с. 77—153, 157]. В советской печати разоблачались предательские действия югославской буржуазии, напуганной размахом народного движения и фактически перешедшей на коллаборационистские позиции, деятельность военного министра эмигрантского правительства Д. Михайловича и руководимых им военных формирований — четников, сотрудничавших с оккупантами в борьбе против партизан. Рассматривая народно-освободительное движение, руководимое Коммунистической партией Югославии, как выразителя подлинных интересов народов страны и как единственно реального югославского союзника в борьбе против

фашистской Германии, СССР расширил связи с ним и оказывал ему всемерную поддержку [28, с. 12—14].

Правительства Англии и США пытались всячески игнорировать факт создания на сессии АВНОЮ Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) во главе с маршалом Тито, представлявшее собою, по существу, Временное народное правительство [12, с. 226—228], продолжали считать короля и эмигрантское правительство носителями югославской государственности. Одобрив решения второй сессии АВНОЮ Советский Союз отклонил предложение югославского эмигрантского правительства о заключении договора о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, аналогичного советско-чехословацкому. В сообщении ТАСС говорилось, что это предложение «не могло не вызвать недоумения в советских кругах, если учесть сложившуюся в Югославии ситуацию, профашистскую роль генерала Михайловича, до сих пор считающегося югославским военным министром, и его борьбу против народно-освободительной армии маршала Тито, а также образование Национального Комитета Освобождения Югославии, поддерживаемого широкими массами Югославии» [5, с. 353—354]. СССР не считал королевское правительство представителем борющихся югославских народов [12, с. 228; 29, с. 119—120].

Стремясь всемерно помочь борющейся Югославии и получить более подробную информацию о положении в стране, Советское правительство направило в Югославию военную миссию, которая прибыла в распоряжение НКОЮ и Верховного штаба НОАЮ 23 февраля 1944 г. [3, с. 90]. Весной 1944 г. СССР фактически прервал отношения с югославским эмигрантским правительством, отказавшись принять нового посла вместо С. Симича, который вместе с военным атташе М. Лозичем заявил о разрыве с буржуазной эмиграцией и переходе на сторону новой Югославии [3, с. 429; 28, с. 16].

Важным шагом на пути к укреплению боевого союза народов двух стран стало подписание в сентябре 1944 г. во время пребывания в Москве маршала Тито соглашения о взаимодействии Красной Армии и НОАЮ, в котором указывалось, что вопрос о вступлении войск Красной Армии на югославскую территорию согласован с НКОЮ и командованием НОАЮ [3, с. 236]. Это перечеркивало надежды реакции на помощь со стороны империалистических сил, делало фактически невозможной высадку англо-американских войск в Югославии, как это имело место в Греции. Симптоматично, что в соглашении вообще не упоминалось королевское правительство. Тем самым Советский Союз вновь давал понять своим партнерам по антигитлеровской коалиции, что рассматривает НКОЮ как подлинное правительство суверенной страны [30, с. 36, 39]. По существу, это было юридическое оформление и закрепление военного союза между СССР и новой Югославией в борьбе против гитлеровской Германии. Этот союз базировался на принципах пролетарского интернационализма и соответствовал интересам трудящихся масс обеих стран.

Защищая суверенитет народов Югославии, Советский Союз сводил на нет усилия Англии и США, направленные на поддержку реакционных югославских кругов и ущемление народной власти [28]. Он признавал неотъемлемое право югославских народов, как и право любого другого народа, самостоятельно решать вопрос о своем государственном устройстве. Руководствуясь этим принципом, Советское правительство 25 ноября 1944 г. заявило об одобрении соглашения между маршалом Тито и премьер-министром эмигрантского правительства И. Шубашичем и незамедлительном проведении его в жизнь. Создание в марте 1945 г. Временного народного правительства Югославии положило конец существованию эмигрантского королевского правительства, поддерживаемого западными державами. Были созданы условия для безоговорочного международного признания народной власти. В марте 1945 г. великие державы назначили своих послов в Белград [12, с. 249]. Таким образом, благодаря поддержке СССР, революционным силам во главе с Коммунистической партией Югославии удалось, развивая политические и социальные револю-

ционные преобразования внутри страны, добиться признания новой Югославии всеми государствами — союзниками по антигитлеровской коалиции [9, с. 188—190; 12, с. 249].

Отношения дружбы и сотрудничества, сложившиеся в годы борьбы против фашизма, закрепил подписанный 11 апреля 1945 г. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. В преамбуле Договора говорилось о решимости обеих сторон довести до победного конца войну против гитлеровской Германии и еще больше укрепить дружбу между народами Советского Союза и Югославии [31, с. 175—178; 5, с. 556—557]. СССР и Югославия провозглашали свое согласие сотрудничать в деле обеспечения послевоенного мира и безопасности, в деле укрепления дружбы и всесторонних связей между народами. Договор вызвал открытое недовольство западных держав, которые пытались политическими демаршами и экономическим давлением противодействовать подписанию этого документа, но были не в состоянии помешать его заключению и вступлению в силу. В те же дни представители СССР и Югославии подписали соглашение о взаимных поставках товаров — первое торговое соглашение народной Югославии [31, с. 185].

Советский Союз, уважая права поляков на самостоятельное решение всех своих внутренних и внешнеполитических проблем, содействовал позитивному развитию советско-польских отношений. Враждебная, анти-советская политика польского эмигрантского правительства делала невозможным восстановление с ним дипломатических отношений [4, т. VII, с. 367—368, 419—425]. Поборниками польско-советского сотрудничества являлись демократические силы народа, и СССР оказывал им посильную помощь и поддержку.

Возникновение народной Польши открыло возможность к правовому оформлению союза двух стран. Первым шагом на пути к этому было заключение 26 и 27 июля 1944 г. соглашений между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО), образованным 21 июля 1944 г. Соглашения регулировали отношения между советским Главным командованием и польской администрацией; определяли позицию сторон относительно восточной и западной границ Польши [4, т. VIII, с. 153—157]. Народная Польша признала право литовского, белорусского и украинского народов на воссоединение с союзными республиками СССР. Советский Союз взял на себя обязательство поддержать требование Польши о ее новой западной границе по Одру и Нейсе [4, т. VIII, с. 157]. Заключение этих первых межгосударственных актов было одобрительно встречено всеми политическими партиями, подписавшими манифест ПКНО [32, с. 19—20], всеми честными патриотами и демократами как в самой стране, так и в эмиграции.

По мере освобождения от оккупантов польских земель, по мере роста авторитета народной власти, с морально-политическим провалом польского эмигрантского правительства, с дискредитацией его наиболее рьяных сторонников в стране откровенные антисоветчики теряли свое влияние [32, с. 104—114]. Объективные условия способствовали претворению в жизнь идеи дружбы СССР и Польши [33, с. 165]. 5 января 1945 г. Советский Союз, продолжая оказывать поддержку молодому народно-демократическому государству, признал преобразование ПКНО во Временное правительство Польши и установил с ним дипломатические отношения на уровне посольств [4, т. VIII, с. 334; 34, с. 114]. Это имело важное значение для упрочения международных позиций Польши и народной власти в стране, для закрепления проводимых в ней демократических преобразований.

Внешнеполитическая программа Временного правительства была изложена 2 января 1945 г. на заседании Крайовой Рады Народовой [4, т. VIII, с. 327—331]. Выступая на этом заседании от имени ППР, В. Гомулка предложил Временному правительству вступить с правительством СССР в переговоры об оформлении фактического уже союза соответствующими документами, что и было сделано в конце января 1945 г. [35, с. 153—154; 38, с. 326]. 21 апреля 1945 г. был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей, оформив-

ший классовый союз социалистического государства и народной Польши [4, т. VIII, с. 414—416]. Договор юридически закреплял сложившиеся отношения союза и сотрудничества советского и польского народов в борьбе против фашизма, означал исторический рубеж в развитии отношений Польши и Советского государства. Советская сторона расценила этот документ как коренной поворот в отношениях между СССР и Польшей, как окончательную ликвидацию старой польской политики игры между Германией и Советским Союзом.

В Договоре были зафиксированы общие коренные интересы обеих стран — глубокая заинтересованность довести борьбу против нацистской Германии до окончательной победы, стремление «оказывать друг другу помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами». Кроме того, в нем учитывалась общность будущих целей обеих сторон по пресечению любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, объединившегося с ней в войне [4, т. VIII, с. 414—416].

Договоры, заключенные Советским Союзом с Чехословакией, Югославией и Польшей, базировались на совпадении национально-государственных интересов этих стран, на их стремлении к полному искоренению нацизма, милитаризма и реваншизма в Германии, на понимании необходимости создания демократического германского государства, которое не будет источником новой войны в Европе [37, с. 72].

Эти важные документы укрепляли связи и позиции демократических сил внутри антигитлеровской коалиции. Их можно рассматривать как первые составные части системы безопасности, которую начали создавать миролюбивые демократические силы Европы во главе с Советским Союзом еще до окончания войны.

Договоры, заключенные СССР со странами, бывшими жертвами гитлеровской агрессии, знаменовали рождение новых отношений в Европе. Они основывались на демократических принципах международных отношений: равенстве, взаимном уважении, невмешательстве во внутренние дела друг друга, обеспечении взаимовыгодного сотрудничества между участниками в политической, экономической и культурной областях.

Претворение в жизнь этих договоров правительством СССР и народной властью указанных стран свидетельствовало о начале процесса складывания новой исторической общности [38, с. 23—24], получившей позднее, по достижении высокой степени зрелости отношений в сфере политики, экономики и обороны, наименование — содружество социалистических стран.

Таким образом, в середине 40-х годов в регионе закладывались новые по сути межгосударственные связи, начался этап политического сплочения СССР и стран народной демократии, открывались возможности сотрудничества между ними на присущих только социализму принципах.

Победы Красной Армии в 1944 г. создали реальные возможности скорого освобождения от фашизма народов Румынии, Болгарии и Венгрии, правители которых вовлекли эти страны в преступный союз с гитлеровской Германией. Для названных стран в условиях приближения Красной Армии к их государственным границам главная, подлинно национальная внешнеполитическая задача состояла в разрыве с фашистской Германией и включении в вооруженную борьбу с ней. Именно из этого исходил Советский Союз, рассматривая безоговорочную капитуляцию стран-сателлитов как предварительное условие нормализации отношений с ними в какой-либо форме, степени и объеме [17, с. 186—187, 299, 395—397].

Весной 1944 г. правительства СССР, США и Великобритании опубликовали заявление, в котором сателлитам гитлеровской Германии предлагалось немедленно прекратить войну на стороне фашистского блока. Они предупреждали «союзников» Германии о последствиях продолжения сотрудничества с гитлеровцами [3, с. 132—133]. Но СССР и западные державы по-разному подходили к проблеме выхода Болгарии, Венгрии и Румынии из фашистского блока и к тем преобразованиям, которые сопро-

вождали процесс их избавления от фашизма. Советский Союз одобрял и поддерживал выдвинутую революционными силами этих стран программу коренных внутренних перемен и изменения внешнеполитической ориентации, западные же державы стремились воспрепятствовать утверждению в Болгарии, Венгрии и Румынии народно-демократической власти, не допустить установления новых, дружественных отношений этих стран с СССР [39, 51]. Коммунисты Болгарии, Венгрии и Румынии выдвигали требование разрыва с гитлеровской Германией, вступления в антигитлеровскую коалицию и союза с СССР. Еще 15 июля 1941 г. Компартия Румынии опубликовала документ «За мир и национальную независимость румынского народа», в котором говорилось: «Только политика тесной дружбы с Советским Союзом, его поддержка могут спасти румынский народ от катастрофических последствий империалистической войны, гарантировать национальную независимость страны и сохранить мир народам Румынии» [40, с. 281]. Уже накануне нападения гитлеровской Германии на СССР болгарские коммунисты выступили с декларацией, резко осуждающей присоединение Болгарии к Тройственному пакту и отклонение советского предложения о заключении договора о дружбе. Эта позиция Болгарской рабочей партии была неизменной в течение всей войны. Она легла в основу программы Отечественного фронта (ОФ) от 17 июля 1942 г. [41, с. 546, 576] и обращения ОФ к болгарскому народу от 9 сентября 1944 г. [42, с. 10—11].

В опубликованной Коммунистической партией Венгрии 30 ноября 1944 г. «Программе демократического восстановления и развития Венгрии» был провозглашен принцип установления дружественных отношений с соседними странами, прежде всего с Советским Союзом [43, с. 60].

В течение войны коммунисты Венгрии, Болгарии и Румынии являлись единственной политической силой, последовательно и принципиально отстаивавшей подлинные национально-государственные интересы своих стран и вытекавшую отсюда внешнеполитическую ориентацию.

С появлением симптомов военно-политического кризиса гитлеровского блока оппозиционные буржуазные группы в Венгрии, Румынии и Болгарии порой вместе с правящими кругами своих стран все настойчивее стремились восстановить связи с западными державами. Румынские правители, тесно сотрудничая с Германией, не теряли надежду на примирение последней с Англией и США на империалистической, антикоммунистической основе. По мере же ухудшения военно-политической ситуации Германии они активно искали пути к сепаратному миру с Западом [44, с. 418—425, 430—440, 449—457]. В поиски такого мира включились и оппозиционные режиму Антонеску политические силы — руководство так называемых «исторических партий» — национал-царанистов и национал-либералов [22, с. 226—227]. В условиях приближения советских войск к румынской границе западные союзники не могли уже пойти на заключенные сепаратного соглашения о перемирии с Румынией. Принятие советских условий перемирия, выдвинутых в апреле 1944 г., означало бы для правящих кругов Румынии разрыв с гитлеровской Германией [3, с. 174—175]. Но на такой крутой поворот они не решались, не заручившись гарантией англо-американской оккупации Румынии и недопущения советских войск на ее территорию [40, с. 376, 382, 387, 388]. На решительный разрыв с Германией и присоединение к Объединенным Нациям пошли Национально-демократический блок коммунистов, социал-демократов и представители некоторых патриотически настроенных буржуазных кругов. Последние были вынуждены участвовать в этом блоке и вести переговоры с СССР [22, с. 237], чтобы не оказаться в политической изоляции в послевоенный период. Антифашистское восстание 23 августа 1944 г. и свержение диктатуры Антонеску означали первый шаг на пути к новой внешней политике. Новое правительство Румынии в тот же день обнародовало декларацию о прекращении военных действий против Объединенных Наций и о принятии советских условий перемирия [45, с. 217, 218; 40, с. 411; 46, с. 51, 53].

12 сентября Советский Союз от имени союзников подписал соглашение о перемирии с Румынией, которое закрепило разрыв Румынии с фашистским блоком и переход ее на сторону антигитлеровской коалиции [3, с. 204—212]. Но заключение перемирия не решило окончательно вопрос о внешнеполитической ориентации Румынии [47, с. 18—21]. Началась борьба за осуществление внешнеполитических концепций, выдвигаемых буржуазно-либеральными и демократическими силами. «Исторические партии», занявшие после восстания 23 августа ведущие позиции в правительстве, выступали за тесный союз с западными державами, будучи убежденными в поддержке последних. Руководители буржуазных партий, члены правительства стремились превратно толковать текст соглашения о перемирии и цели советской внешней политики. Имели место попытки сорвать участие Румынии в войне против гитлеровцев, уклониться от выполнения условий соглашения [3, с. 333], воспрепятствовать процессу внутренних демократических преобразований [22, с. 249—254]. Это означало возобновление антисоветского курса Румынии, хотя до откровенных антисоветских акций дело не доходило. Такая политика вызывала недовольство широких народных масс и сопротивление демократических сил общества, поддерживавших внешнеполитическую концепцию коммунистов, влияние и авторитет которых возрастали. Они прямо указывали, что «управление страной правительствами, в которых преобладают реакционные элементы, препятствует установлению искренних, прочных и дружественных отношений с СССР» [48, с. 176].

Осенью 1944 — весной 1945 г. в стране прошли многолюдные митинги и собрания, на которых народные массы требовали не только проведения демократических преобразований, но и установления дружеских отношений с СССР. Именно под натиском народных масс в марте 1945 г. было создано первое демократическое правительство Румынии. Эта победа демократических сил означала решение вопроса о направлении внешней политики страны в пользу концепции, предлагавшейся КИР.

Вместе с приближением военной катастрофы Германии все отчетливее вырисовывался тот тупик, в который завела Болгарию внешняя политика монархо-фашизма и присоединение страны к Тройственному пакту [49, с. 217—229]. Это активизировало те круги болгарских имущих классов, которые традиционно были политически и экономически связаны с западными державами. Правительство Болгарии в течение лета 1944 г. прилагало некоторые усилия для заключения сепаратного мира с Западом, продолжая при этом враждебный курс в отношении СССР [50, с. 14—18; 22, с. 296, 300, 301]. В ответ на заявление Советского Союза правительству Болгарии о необходимости ее разрыва с Германией [3, с. 198], оно, стремясь прикрыть некоей ширмой свое сотрудничество с гитлеровцами, опубликовало 27 августа 1944 г. декларацию о «полном нейтралитете» в войне Германии с СССР. Советский Союз считал такой нейтралитет «совершенно недостаточным в условиях создавшейся обстановки» [41, с. 599].

Оказывая помощь фашистской Германии, правители Болгарии, хотя формально и не объявляли войны против СССР (боясь взрыва возмущения народных масс), вели ее фактически, предоставив территорию страны нацистским войскам, превратив порты страны в базы германского флота на Черном море. Исходя из этого, Советское правительство заявило 5 сентября 1944 г., что «не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, (...) но и Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией» [3, с. 183].

Вступление советских войск 8 сентября 1944 г. на болгарскую землю, народное восстание 9 сентября, свержение буржуазного правительства, образование кабинета Отечественного фронта пресекло попытки монархо-фашистских кругов Болгарии сменить прогерманскую ориентацию внешнеполитического курса на англо-американскую еще в период войны. Были перечеркнуты надежды реакционных сил Болгарии на заключение перемирия только с Англией и США и на недопущение советских войск в страну. С приходом к власти в Болгарии правительства ОФ свершился перелом во внешней политике страны. Болгария разорвала

союзные отношения с гитлеровской Германией и перешла на сторону антигитлеровской коалиции, начался этап борьбы за укрепление «неразрывных связей с Советским Союзом и новой Югославией» [42, с. 11].

Единственной политической силой, которая неустанно боролась не только за разрыв с Германией, но и за мобилизацию всех сил народа на разгром Германии, продолжали оставаться болгарские коммунисты. Отношение к вопросу участия Болгарии в войне против фашистского блока было практически пробным камнем для всех общественных сил в стране. Этот вопрос стал предметом борьбы в коалиционном правительстве ОФ. Программа ОФ от 17 сентября 1944 г. отражала достигнутое компромиссное его решение. Она декларировала вечный союз с СССР и западными союзниками, но не содержала положений о немедленном заключении перемирия и необходимости участия Болгарии в войне против «третьего рейха». Демократические силы Болгарии парализовали попытки буржуазных политиков предотвратить участие Болгарии в войне против гитлеровской Германии. Тысячи солдат и офицеров-патриотов старой болгарской армии вливались в состав формирующихся вооруженных сил народной Болгарии, которые приняли участие совместно с Красной Армией в военных действиях против гитлеровцев. Усилия коммунистов, которые играли руководящую роль в коалиционном правительстве, в условиях господствовавших антифашистских настроений среди широких народных масс, привели к выступлению болгарской армии против вермахта [22, с. 309—315]. 28 октября 1944 г. в Москве был подписан документ о перемирии с Болгарией [52, с. 20].

С приближением Красной Армии к Карпатам резко усилился кризис хортистского режима в Венгрии. Правящие круги во главе с регентом М. Хорти стояли перед дилеммой: или германская оккупация, которая означала бы приход к власти прямой агентуры гитлеровцев-нилашистов со всеми политическими, военными и экономическими последствиями этого, или поиски контактов с левыми силами. Они пошли на сближение с ультраправыми, нилашистами, подготовив тем самым беспрепятственную оккупацию Венгрии 19 марта 1944 г. гитлеровскими войсками и установление в стране полного политического и экономического контроля Германии.

В то же время усилился процесс объединения демократических сил Венгрии, активизировалось вооруженное движение Сопrotивления в захваченных Венгрией Южной Словакии, Закарпатье, Воеводине, северо-восточных венгерских комитатах [2, с. 414—420]. Но отсутствие единства антифашистской оппозиции привело к тому, что Венгерский фронт независимости не смог организовать широкие народные массы на решительное вооруженное восстание.

Ввиду изменения военно-политической обстановки на Балканах в августе — сентябре 1944 г. и под давлением сторонников немедленного выхода из войны М. Хорти обратился к Советскому Союзу с просьбой о заключении перемирия, однако, на разрыв с Германией так и не решился; в результате переговоры его представителей в Москве остались лишь дипломатической игрой [3, с. 464—472].

Победоносное наступление Красной Армии стало важным внешним фактором, ускорившим созревание революционного кризиса в Венгрии. На освобожденной территории развивалось демократическое движение, началась народно-демократическая революция.

Созданный в конце 1944 г. венгерскими коммунистами, социал-демократами, представителями Партии мелких сельских хозяев и национально-крестьянской партии Венгерский фронт независимости в своей программе объявил о необходимости кардинального изменения внешнеполитического курса страны: разрыв с Германией, объявление ей войны, вступление в антигитлеровскую коалицию, добрососедские отношения со всеми соседними странами, в первую очередь с СССР [2, с. 475].

В коалиционной программе, выработанной на основании предложений венгерских коммунистов, ставшей впоследствии и программой временного правительства, подчеркивалось, что предпосылкой демократи-

ческого возрождения Венгрии является разрыв союза с германским империализмом, отказ от антинародной, фашистской, ревизионистской идеи венгерской реакции, помощь СССР в освобождении страны и установление дружественных отношений с соседними демократическими государствами и другими членами антигитлеровской коалиции [54, с. 26—29].

В то же время буржуазные круги, согласившиеся войти во фронт независимости, не способны были реалистически мыслить и воспринимать внешнеполитическую ситуацию страны, они по-прежнему ориентировались только на Запад.

Временное национальное правительство, представлявшее демократические и патриотические силы страны, 28 декабря 1944 г. объявило войну гитлеровской Германии и уведомило об этом правительство СССР [55, 438—439. old.]. Менее чем через месяц союзники подписали соглашение о перемирии с Венгрией, что открыло венгерскому народу возможность выбора такой внешней политики, которая бы соответствовала национальным интересам страны и обеспечивала бы независимость и суверенитет Венгрии в будущем [54, с. 39—47].

Советский Союз, выступив с инициативой нормализации отношений с Венгрией, Болгарией и Румынией после заключения с ними перемирия, стремился разорвать международную изоляцию этих стран. На Потсдамской конференции союзные державы, каждая в отдельности, согласились изучить вопрос об урегулировании дипломатических отношений с бывшими союзниками Германии до заключения мирных договоров [56, с. 474]. Осенью 1945 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Венгрией, Болгарией и Румынией. Таким образом, благодаря усилиям СССР, с международной изоляцией этих стран было покончено.

Итак, к моменту окончания второй мировой войны страны Центральной и Юго-Восточной Европы сделали важный шаг в определении новых национально-государственных задач, нового направления внешней политики, соответствовавшего интересам широких народных масс и реализованного правительствами национально-демократических фронтов.

Для одной группы государств (Польша, Чехословакия, Югославия) этот процесс определения новой внешнеполитической ориентации и развития отношений с СССР был уже закреплён соответствующими международно-правовыми актами в форме двусторонних договоров. Заключённые договоры зафиксировали определённый этап на пути формирования новой системы союзов в регионе, базировавшихся на демократических нормах межгосударственного общения и постепенно переходивших на принципы пролетарского интернационализма. Отношения между этими странами стали приобретать характер политического союза, закреплённого договорами о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, основывающегося на классовой общности принципов, целей и задач Советского Союза и народной власти этих стран.

Другая группа стран (Венгрия, Болгария, Румыния) в 1945 г. находилась ещё в начале пути внешнеполитической переориентации. Внешнеполитическая активность этих государств была существенно ограничена статусом бывших союзников Германии. Но и в этих условиях Советский Союз, руководствуясь демократическими нормами международных отношений и принципами пролетарской солидарности в контактах с рождающейся народной властью названных стран, стремился к установлению с ними дружественных, добрососедских, равноправных отношений, отстаивал их национальные интересы на международной арене.

Содержание и формы сотрудничества между СССР и странами народной демократии на заключительной фазе войны определялись в первую очередь необходимостью доведения войны против гитлеровской Германии до победного конца. Закономерно поэтому, что во взаимоотношениях между ними преобладали военно-политическое сотрудничество и односторонняя экономическая помощь со стороны СССР.

Зарождение нового типа межгосударственных отношений происходило одновременно с борьбой рабочего класса за установление и укрепление народной власти в условиях жестокого противоборства буржуа-

зии, которая пыталась воспрепятствовать формированию нового внешнеполитического курса.

В развернувшейся борьбе как на международной арене, так и внутри каждой страны — в политике, экономике, культуре, в широко понимаемой национальной жизни каждого общества, в сознании миллионов представителей различных классов и социальных групп лишь коммунисты и их наиболее стойкие и последовательные сторонники до конца понимали суть претворявшейся в жизнь внешнеполитической переориентации стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Миллионам же тех, кто не считал себя врагом Советского Союза, еще предстояло разобраться и перейти с позиции пассивного сторонника дружбы с советским народом на позиции принципиального союзника СССР, что было возможно лишь в процессе коренных общественно-политических перемен внутри каждой страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинев, 1981.
2. Пушкаш А. И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. М., 1946.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. М., 1973; т. VIII. М., 1974.
5. Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. V. М., 1947.
6. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1960.
7. Известия, 1941, июль.
8. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М., 1946.
9. Тегеран — Ялта — Потсдам. Сб. документов. М., 1970.
10. Seeber E. Die Errichtung volksdemokratischen Staaten und die Veränderung im internationalen Kräfteverhältnis. 1944—1945. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1974, № 9.
11. История Чехословакии. Т. III. М., 1960.
12. История Югославии. Т. II. М., 1963.
13. Kształtowanie się podstaw programowych PPR. Warszawa, 1958.
14. Hodža M. Federation in Central Europe. London, 1942; Kühl J. Föderationspläne im Donaauraum und in Ostmitteleuropa. München, 1958.
15. Dokumenty z historie československé politiky. 1939—1943. Acta Occupationis Bohemiae et Moraviae, t. 1. Praha, 1966.
16. История дипломатии. Т. IV. М., 1975.
17. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19—30 октября 1943 г. М., 1978.
18. Кавко А. К. Польша: отечество и социализм. М., 1977.
19. Beneš E. Paměti. Od Mnichova k nové valce a k novému vítězství. Praha, 1947.
20. Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Praha, 1946.
21. Král V. Smlouvá československo — sovětská v roce 1943. — Slovanský přehled, 1973, № 6.
22. Советский Союз и борьба народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945. М., 1978.
23. Прасолов С. И. Советско-чехословацкий договор 1943 г. (К истории дипломатической подготовки). — Советское славяноведение, 1965, № 1.
24. Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. М., 1979.
25. Готвальд К. Избранные статьи и речи. М., 1970.
26. Внешняя политика ЧССР. М., 1981.
27. Славин Г. М. Освободительная война в Югославии. М., 1965.
28. Гибианский Л. Я., Зеленин В. В. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику. — Советское славяноведение, 1970, № 6.
29. Гибианский Л. Я. Закрепление победы югославской революции (Внешнеполитический аспект проблемы). — Новая и новейшая история, 1976, № 1.
30. Гибианский Л. Я. Борьба СССР за утверждение и международное признание новой Югославии в период освобождения страны от фашистской оккупации (осень 1944 г. — весна 1945 г.). — Etudes balkaniques, 1972, № 2.
31. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. М., 1947.
32. Поклад Б. И. Внешняя политика народной Польши. М., 1978.
33. Кавко А. К. Роль революционных традиций в формировании братского союза СССР — ПНР (1944—1948). — На путях нерушимой дружбы. М., 1977.
34. Парсаданова В. С. Формирование Национального фронта в Польше (1944—1946). М., 1972.
35. Gomułka W. Artykuły i przemówienia. t. 1. Warszawa, 1962.

36. СССР и Польша. Интернациональные связи: история и современность. Т. 2. М., 1978.
37. *Зеебер Е.* Внешнеполитическая концепция СССР о демократическом мирном урегулировании в Европе в 1943—1945 гг. Первые двусторонние соглашения СССР с Чехословакией и Польшей. — На путях нерушимой дружбы. М., 1977.
38. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948.
39. *Губианский Л. Я.* Позиции СССР, США и Англии в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции. — Советское славяноведение, 1981, № 3.
40. История Румынии. 1918—1970. М., 1970.
41. Советско-болгарские отношения и связи. Т. I. 1917—1944. М., 1976.
42. Советско-болгарские отношения. 1944—1948. М., 1969.
43. Освобождение Венгрии 1944—1945. Сб. документов. Будапешт, 1975.
44. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976.
45. Независимость Румынии. București, 1977.
46. Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. М., 1974.
47. *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики Румынской Народной Республики. 1948—1955. Кишинев, 1971.
48. *Шевяков А. А.* Становление и развитие советско-румынских дипломатических отношений в первые послевоенные годы (1944—1948). — На путях нерушимой дружбы. М., 1977.
49. *Тошкова В.* България и Третият райх. 1941—1944. (Политически отношения). София, 1975.
50. *Наков А.* Българо-съветски отношения. 1944—1948. София, 1978.
51. *Губианский Л. Я.* Подготовка Крымской конференции и позиции, СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии. — Советское славяноведение, 1981, № 4.
52. Външна политика на Народна Република България. Сб. от документи и материали в два тома. Т. I. 1944—1962. София, 1970.
53. Sprawa Polska w czasie drugiej wojny światowej. Warszawa, 1957.
54. Советско-венгерские отношения 1945—1948. Документы и материалы. М., 1969.
55. *Кот М.* Magyarország Ideiglenes Nemzeti Kormányja és a fegyverszünet (1944—1945). Budapest, 1981.
56. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. М., 1980.
57. *Зеленин В. В.* Советско-югославское боевое сотрудничество в годы второй мировой войны. — Вопросы истории, 1965, № 9.

КОТЛЯР Н. Ф.

КИЕВ В ИСТОРИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (ДО СЕРЕДИНЫ XIII в.)

Когда в 1096 г. разгорелись феодальные усобицы на Руси, Святополк Изяславич киевский и княживший тогда в Переяславе Владимир Всеволодович Мономах обратились к возмутителю спокойствия Олегу Святославичу черниговскому с предложением заключить мир. Олег было отказался, но Святополк с Владимиром силой оружия вынудили его просить мира и сказали ему: «Иди к брату своему Давыдови, и придета Киеву на стол отец наших и дед наших, яко то есть старейшей град в земли во всей, Киев» [1, с. 150].

Восточнославянское общество всегда считало Киев главнейшим и древнейшим городом Руси. И так было не только во времена относительно централизованной монархии Владимира Святославича и его потомков, но и в период феодальной раздробленности. В годы ожесточенной борьбы за общерусское первенство между наследниками Мономаха, когда в Восточной Европе выдвигались все новые и новые центры феодальной концентрации и, казалось бы, значение Киева должно было уменьшиться, летописец середины XII в. по-прежнему считает киевский стол главным на Руси и следующим образом объясняет это: «Изяслав же Давыдовичь не хотяше изыти из Киева, с великого княжения, зане возлюбил зело великое княжение Киевское. И кто убо не возлюбит Киевскаго княжения, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всем землям Русским Киев, и от всех далних многих царств стицахуся всякие человеци и купци, и всяких благих от всех стран бываше в нем?!» [2]. Современным ученым трудно не восхититься емкостью и глубиной этой характеристики, рисующей Киев средоточием восточнославянского мира, центром притяжения для людей из многих стран.

Хотя теория возникновения Киева в конце V—VI вв. и основывается на достаточном фундаменте вещественных и письменных источников, вплоть до настоящего времени высказываются сомнения по поводу необычно раннего (как кажется скептикам) рождения города у восточных славян. Однако датировка складывания так называемого города-эмбриона на месте позднейшего Киева последними десятилетиями V—VI вв. соотнобразует с современной теорией горообразования, основывающейся на трудах классиков марксизма-ленинизма.

Прежде всего, следует отказаться от догматической мысли, в соответствии с которой города у восточных славян появлялись чуть ли не одновременно. Между тем, даже в наиболее серьезных исследованиях историков прошлого вопрос о происхождении восточнославянских городов решался вообще, для всей их массы в целом, при этом отдельные города выступали разве что в качестве примеров, но генезис каждого из них не прослеживался с необходимой конкретностью. Такой вполне объясняемый уровнем науки 40—50-х годов недостаток присущ и трудам М. Н. Тихомирова и Н. Н. Воронина. На качественно новую ступень отечественная

теория градообразования поднялась благодаря исследованиям ученых последних лет, прежде всего — Б. А. Рыбакова.

Как упоминалось, Киев считался в Древней Руси старейшим городом, а летописец Нестор вообще ставил в прямую связь начало Древнерусского государства с основанием Киева. Это видно из самого зачина его труда: «Се повести времянных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киве нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть» [1, с. 9]. Эта взаимосвязь между возникновением городов и рождением государств признается наукой.

Города появляются не после того, как утвердятся классовое, в нашем случае — феодальное общество и государство, а в процессе создания этого общества, т. е. — на этапе перерастания родоплеменной формации в феодальную. Об этом точно и образно сказал Ф. Энгельс: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации» [3, т. 21, с. 164]. Тем самым он подчеркнул динамику процессов градообразования, охарактеризовав города как своеобразные мосты между двумя общественно-экономическими формациями.

Следовательно, города создавались в ходе складывания классовых, феодальных отношений, а не после их утверждения. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству...» [3, т. 3, с. 49—50]. Вместе! А не после состоявшегося уже перехода. Скажем больше: Ф. Энгельс допускал существование городов при родоплеменном строе — центров сосредоточения племени или союза племен.

Ясно, что в последнем случае речь идет не о классическом рабовладельческом или феодальном городе, а об его предтече. По этому поводу уместно вспомнить высказывание Б. А. Рыбакова: «Следует начисто отказать от мысли, что археологические раскопки (имеются в виду древнейшие, V—VI вв., слои Киева.— *Н. К.*) откроют классический средневековый город с кремлем и посадом, с торговыми площадями, ремесленными кварталами и несколькими концентрическими укреплениями. Рождающиеся города — это не сказочные палаты, возникающие в одну ночь» [4, с. 34].

Киев конца V—VI, да и двух-трех последующих веков был еще не подлинным феодальным городом с присущими ему разнообразными свойствами, но пока только зародышем города, возникшим в ходе развития родоплеменного строя, на одном из этапов его перерастания в феодальный. Есть основания полагать, что в таком зародыше содержались все основные элементы будущего классического города [5, с. 479]. Феодальный город называют «цветком средневековья». В этом красочном определении заложено понятие бутона, из которого и вырастает цветок с многообразными качествами развитого феодального города.

В науке издавна отмечается важное значение городов в процессе образования территориальных объединений-земель, в превращении племенных территорий в государственные [6]. Это осознавали древнерусские летописцы, обычно отождествляя понятия город и волость (или земля). Например, Любечский княжеский «снем» 1097 г. поставил знак равенства между отчиной-землей и городом: «Кождо да держити отчину свою: Святополк Киев Изяславлю, Володимир Всеволожю, Давыд и Олег и Ярослав Святославлю, а им же роздавал Всеволод города: Давыду Володимерь...» [1, с. 170—171] и т. д.

По всей вероятности, необычно раннее рождение Киева, опередившего в развитии другие восточнославянские города, ускорило быстрое возвышение Полянской, а затем и Русской земли, ставших тем территориальным ядром, вокруг которого сложилось Древнерусское государство [7, с. 70]. Гораздо слабее обозначена источниками обратная связь: зависимость возникновения древнерусских городов от процессов, происходивших в восточнославянском мире середины — второй половины I тыс. н. э., прежде всего — от образования союзов племен, перерастания их в государственные объединения.

Недавно Б. А. Рыбаковым высказана новая и перспективная в плане дальнейших исследований мысль о лидирующей роли Поднепровья в развитии восточнославянского общества: «История начиналась на юге, и первый суперсоюз славянских племен закономерно возник на месте древних скототских земледельческих царств» [8]. Речь идет о полянском, далее — русском союзе племен. В только что вышедшей книге ученый следующим образом выразил упомянутую мысль: древнерусская государственность берет начало от упомянутого мощного союза племен Среднего Поднепровья, в котором ведущую роль играли объединившиеся с Русью, вероятно, в VI в., поляне [9, с. 107].

Нет сомнения в том, что Древнерусское государство охватывало всех без исключения восточных славян и что с течением времени, примерно к рубежу I и II тыс. н. э., произошло выравнивание социально-экономического и культурного уровней земель, вошедших в состав Киевской Руси. Для нас важно другое: более раннее, в сравнении с другими союзами племен, возвышение (и, может быть, даже — само образование) полянского союза во многом объясняет причину возникновения Киева в конце V—VI вв.

Отнесение в настоящее время рождения Киева к концу V в. подвергает сомнению некоторые, казавшиеся еще недавно неизбежными датировки процессов, происходивших в славянском мире в середине — второй половине I тыс. н. э. Принято считать, что разделение общеславянского этнического массива на западных, восточных и южных славян относится в целом к VI в. Этим же временем в общем определяют складывание первых восточнославянских объединений — союзов племен [10]. Поскольку Киев возник как центр полянского союза племен, то, следовательно, к концу V в. общеславянская этническая общность должна была уже прекратить существование, а в среде выделившегося восточного славянства начали складываться племенные объединения. В связи со сказанным надо, однако, заметить, что даже к столь приблизительному определению хронологии долговременных процессов, какими были разделение общеславянского этнического целого и образование союзов племен, необходимо подходить с особой осторожностью, сознавая всю относительность подобных попыток.

При том, что Киев был древнейшим восточнославянским городом, его возникновение на одном из ранних этапов перерастания родоплеменного общества в феодальное не представляет собой нечто исключительное. Науке известны и другие, почти столь же древние протогорода в Восточной Европе, но не все они превратились затем в классические феодальные города. Назовем Зимновское городище VI—VII вв. (возле Владимира Вольнского), обладавшее несомненными признаками зародыша феодального города, хотя и не развившегося в последний. По-видимому, это городище принадлежало дулебскому племенному союзу [11]. Примером зародыша, выросшего в классический город, может служить городище VII—VIII вв. на территории Луцка [12].

Наука объясняет раннее возникновение и быстрое возвышение Киева также и важной ролью Днепровской водной магистрали, выгодными микрогеографическими условиями, значением днепровских высот в процессе расселения восточного славянства в V—VI вв. [9, с. 97]. Этому в значительной мере способствовало его расположение в центре нескольких племенных союзов: полянского, древлянского, северянского, уличского. Экономический и культурный обмен между восточнославянскими племенными объединениями, взаимное восприятие всего лучшего и прогрессивного как в области общественной жизни, так и в сфере производства, поддерживали высокий уровень социально-хозяйственного развития Киева [13, с. 23]. Город вобрал в себя все лучшее, свойственное восточнославянскому миру.

Постепенное распространение власти союза полянских (впоследствии русских) племен вначале на окрестные, а затем и на более отдаленные земли обеспечивало убыстренное экономическое развитие города. В недатированной части «Повести временных лет» содержится перечень сою-

зов племен, подвластных Киеву и выплачивающих ему дань (полюдь). Судя по контексту, этот перечень относится ко временам, недалеко отстоявшим от Кия и его братьев: «Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, нуугореды¹, полочане, дреговичи, север, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же вельяныне» [1, с. 13]. В процитированном списке (составленном, согласно предположению Б. А. Рыбакова, в VII—VIII вв.), мы не видим племенных союзов хорватов, тиверцев и уличей, радимичей и вятичей, кривичей и словен, вошедших в состав Древнерусского государства в конце IX — X вв.

Не отраженный, по существу, в письменных источниках до середины X в., Киев предстает в свете источников нумизматических экономически мощным организмом. Многочисленные находки кладов и отдельных арабских монет (куфических дирхемов) VIII — X вв. в Киеве свидетельствуют о его хозяйственном расцвете: ни в каком другом древнерусском городе, даже в известном своей торговлей Новгороде, до сих пор не выявлено подобного скопления этих нумизматических памятников, занесенных на Русь потоками мировой торговли и превратившихся в местные средства платежа. VII — VIII веками можно примерно датировать установление относительно постоянных экономических связей между восточнославянскими союзами племен, Византией и странами Востока. Главным очагом торговли с южными и восточными странами на Руси становится Киев [14].

Распространивший свою власть на большинство племенных объединений восточных славян, решительно превосходивший по размеру и значению все другие русские города (точнее, протогорода), Киев до середины X в. остается как бы вне поля зрения летописцев. Причина этого, казалось бы, странного явления заключается в том, что летописание на Руси началось довольно поздно, не ранее конца X в., и вся предшествующая история восточных славян отражена в «Повести временных лет», более ранних сводах и Новгородской летописи на основании устных народных исторических преданий, от которых не приходится ожидать фиксации каких бы то ни было дат или конкретного рассказа о тех или иных событиях.

Вместе с тем, сохранившиеся в составе летописей народные исторические предания отмечают непрерывный рост Киева в течение VIII—IX вв. Например, Аскольд и Дир «создаша градъ боле перваго» (т. е. «городка», заложенного Кием в конце V в.), а Олег «повеле заложити великой град Киев» [15].

«Повесть временных лет» умалчивает о строительстве фортификационных сооружений в Киеве конца IX — начала X вв. И все же не следует вовсе сбрасывать со счетов выше приведенное сообщение фольклорного источника. Тогда Киев был официально объявлен столицей складывавшегося Древнерусского государства: «Се буди мати градом русьским» [1, с. 20] (ср. тождественный по смыслу греческий термин: метрополис — мать городов) и должен был обзавестись более солидными, чем раньше, укреплениями.

Киев обладал немалыми преимуществами в качестве стольного града перед другими древнерусскими городами, в том числе и перед его северным соперником — Новгородом. Как экономический, общественный и культурный центр, Киев IX—X вв. возвышается над всеми остальными городами Восточной Европы. Он принадлежал к числу крупнейших городов европейского континента, возникших в феодальное время, был тесно связан с Византией и другими странами, расположенными на берегах Черного и Азовского морей. Выгодное географическое положение Киева давало возможность общерусским князьям более успешно осуществлять свою власть по всей территории восточных славян, чем если бы они обосновались на далеком северо-западе, у берегов озера Ильмень [16].

С конца IX в. завершается объединение восточнославянских племенных союзов в интенсивно складывавшемся Древнерусском государстве. Этот процесс отразился на страницах «Повести временных лет», которая под 882 г. сообщает: «Се же Олег (после утверждения на киевском столе. —

¹ Позднейшая вставка [4, с. 39].

Н. К.) нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери», обложил данью и Новгород. А в 883 г. «поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне». Затем данью были обложены объединения северянских и радимичских племен [1, с. 20—21].

Таким образом, летопись рисует динамический образ стремительно складывавшегося Древнерусского государства во главе с Киевом. Был упорядочен сбор дани с входивших в состав Киевской Руси земель, недавних территорий племенных союзов. Князь прилагает усилия к строительству все новых и новых городов, опорных пунктов центральной власти на местах, дабы иметь возможность «княжити и володети». Уместно привести важную мысль Б. А. Рыбакова: «Государственность в ее четкой форме возникает лишь тогда, когда сложится более или менее значительное количество подобных центров (городов.— *Н. К.*), используемых для утверждения власти над аморфной массой общинников» [9, с. 95].

«Повесть временных лет» подчеркивает, что в конце IX в. часть племенных союзов продолжала еще сопротивляться стремлениям киевского центра включить их в состав восточнославянского государства: «И бе обладая Олег поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тевверци имяше рать» [1, с. 20—21]. К началу X в. тиверцы оставались вне Древнерусского государства, о чем свидетельствует рассказ Нестора о походе Олега на греков в 907 г.: в длинном перечне представителей различных племенных объединений в войске киевского князя упомянуты и «тиверци, еже суть толковины» (союзники.— *Н. К.*) [1, с. 23]. Лишь в 944 г. тиверцы названы, наряду с другими восточными славянами, в составе войска Игоря, также выступившего против Византии [1, с. 33]. К этому времени, следовательно, их племенной союз вошел в государственное объединение восточных славян. В начале 40-х годов X в. киевским князьям удалось подчинить и племенное объединение уличей [17].

Как видим, Древняя Русь конца IX — первой половины X в. оставалась недостаточно централизованной, попытки ее централизации наталкивались на сопротивление знати сильных союзов племен. Тем не менее, в конце IX — начале X в. сделан решающий шаг в деле сплочения восточных славян, в едином государственном организме, что, в свою очередь, создало необходимые условия для последующего развития общности экономики, территории, языка, культуры, быта интенсивно складывавшейся древнерусской народности [7, с. 226—227].

Развитие Киевского государства шло параллельно с ростом его днепровской столицы. В результате археологических исследований выявлено большое количество памятников материальной культуры IX—X вв. на обширной территории древнего города: от Кирилловских высот на севере до Печерских на юге. Сотни языческих курганов (такого их количества не обнаружено ни в одном другом русском городе) сохранялись на Старокиевской горе, Подоле, вдоль Кирилловской возвышенности, в других местах нагорной части Киева вплоть до 60—70-х годов XIX в., свидетельствуя о том, что он был крупнейшим городом Древнерусской державы [18, с. 127 и сл.].

В первой половине X в. валы древнейшего «городка» Кия на Старокиевской горе начинают сдерживать рост Киева, и он выходит за их пределы. Под 945 г. Нестор замечает: «А двор княжбаше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин..., и бе вне града двор другой, ...двор теремный, бе бо ту терем камен» [1, с. 40]. Киевские археологи сумели найти остатки обоих сооружений, условно называемых дворцами княгини Ольги (начавшей править на Руси от имени малолетнего Святослава как раз в 945 г.). Это были монументальные постройки высотой в два или более этажей, украшенные фресковыми росписями, шиферными и мраморными архитектурными деталями, поливными керамическими плитами [19, с. 172—181]. Каменное зодчество распространяется из Киева по другим крупным городам Древнерусского государства.

Неуклонный рост производительных сил страны, развитие земледелия, ремесел, промыслов и торговли, упрочение и расширение Киевской державы в течение всего X в., громкие победы русского оружия (походы на

Византию Олега, Игоря и Святослава, разгром последним Хазарского каганата и Волжской Болгарии) создали экономический и политический фундамент дальнейшего прогресса древнерусских городов и прежде всего Киева.

Качественно новый этап в истории стольного града Руси начинается в годы княжения Владимира Святославича (978—1015). Это было героическое, богатырское время в жизни восточных славян, период бурного роста экономики, складывания и расцвета яркой культуры древнерусской народности. Закончился неоднозначный и длительный процесс вхождения племенных союзов в Древнерусское государство: власть киевского князя распространилась, наконец, на вятичское и хорватское объединения [1, с. 58, 84]. С той поры границы Киевской державы в основном соответствуют рубежам расселения древнерусской народности.

Наука владеет вескими аргументами в пользу мнения, что Киевская Русь конца X — начала XI в. была единым государством, раннефеодальной монархией [20, с. 359]. Княжеская власть провела административную реформу, теснее сплотившую вокруг Киева восточнославянские земли: в главных городах земель и княжеств взамен местных князьков были поставлены представители центральной власти, сеньория Владимира.

Для укрепления Киева в конце X в. было начато строительство новой городской крепости, известной под названием «города Владимира». Этот киевский кремль окружали высокие земляные валы, которые имели несколько ворот, главные среди них, Софийские — с каменной башней [21, с. 87—90].

После введения господствующей верхушкой Древней Руси в 988 г. христианства в качестве государственной религии Киев превращается в идеологический центр государства. В эпоху, когда религия была единственной формой идеологии, это имело громадное значение. Ф. Энгельс подчеркивал: «Мировоззрение средних веков было по существу теологическим» [22]. В 989—996 гг. в Киеве возводится величественное, пышно украшенное здание — Десятинная церковь Богородицы. Она стала главным, митрополичьим храмом Руси. В результате авторитет стольного града государства еще более укрепился.

Роль и значение Киева в Древней Руси продолжали повышаться и в годы правления сына Владимира Святославича Ярослава (1019—1054), прозванного за любовь к наукам и книжности Мудрым. В наследство Ярославу достался огромный город, далеко шагнувший своими улицами и площадями за земляные валы Верхнего Киева, или, как именуют его летописцы, — «Горы». Князь еще более расширил и укрепил город. Опираясь на городское население в подавлении феодальной оппозиции и укреплении своей власти, Ярослав был особенно благодарен киевлянам за поддержку в длительной и кровопролитной борьбе со Святополком Окаянным (1015—1019). Он уделяет древнерусской столице еще большее внимание, чем его предшественники.

В «Повести временных лет» под 1037 г. немногими словами описывается грандиозное строительство в Киеве 20—30-х годов XI в.: «Заложил Ярослав город великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святых Софья, митрополю, и посемь церковь на Золотых воротах святых Богородица благовещенье, посемь святого Георгия манастирь и святых Ирины» [1, с. 102]. Едва упомянутый Нестором, «город великий» Ярослава представлял собой гигантское оборонительное сооружение, по своей мощи не имевшее равных в древнерусской фортификации [18, с. 261]. Циклопические земляные валы «города Ярослава» имели по периметру длину более 3,5 км, высоту свыше 12 м, а толщину в основании около 28 м [19, с. 142].

Наиболее грандиозное сооружение Киева — Софийский собор был одним из крупнейших культурных центров государства. При нем организовали первую известную на Руси библиотеку, действовал скрипторий, в котором переводились с иностранных языков книги и переписывались оригинальные сочинения древнерусской литературы. Одно время при соборе велась общерусская летопись. Громадный, безукоризненных форм

и пропорций, с большим вкусом украшенный полихромными фресками и мерцающими мозаиками, Софийский собор послужил образцом монументального зодчества для других городов Восточной Европы. По его подобию сооружаются храмы св. Софии в Новгороде и Полоцке. С той поры и на все древнерусское время Киев делается законодателем мод в государстве в области архитектуры и искусства.

Уже в XI в. Киев превращается в один из красивейших городов Европы, и княжеская власть прилагала много усилий, чтобы уподобить его «столице мира» — Константинополю. На это указывают сами названия киевских сооружений, аналогичные константинопольским: Софийский собор, Золотые ворота. Знаменитый германский географ и историк второй половины XI в. Адам Бременский называл его украшением Руси и соперником Константинополя [23]. В свою очередь, Киев был примером для других, интенсивно застраивавшихся во второй половине XI—XII вв. русских городов. Так, по образцу киевских Золотых ворот были построены Золотые ворота во Владимире-на-Клязьме в 1164 г. [24].

Неуклонный рост производительных сил, подъем сельского хозяйства, ремесел, промыслов и торговли, строительство новых и развитие уже существующих городов на Руси были результатом творческой активности и созидательной деятельности народных масс. Их повседневный труд создал экономическую и культурную основу успехов Древнерусского государства.

Киев все более утверждался в качестве политического и административного центра раннефеодальной державы, чему способствовало дальнейшее упрочение законодательства. Около 1037 г. в Киеве были проведены кодификационные работы, следствием которых явилось появление «Русской Правды» [1, с. 102; 25]. «Русская Правда» отразила дальнейшую феодализацию восточнославянского общества, его усиливавшееся классовое расслоение. Законодательство совершенствовалось применительно к потребностям феодальной верхушки и во второй половине XI—XII вв.

С течением времени растет роль Киева как главного очага древнерусской письменности и культуры вообще. В городе работали школы, библиотеки, создавались произведения литературы, искусства, научной и философской мысли. Распространение письменности и образованности, рост этнического самосознания русских людей рождают в восточнославянском обществе потребность осмысления собственной истории. Начальная форма накопления и передачи знаний о прошлом — устные исторические предания более не могли удовлетворить эту потребность. В 1039 г. в Киеве родился Древнейший летописный свод (сохранившийся в составе «Повести временных лет»), проникнутый патриотическим духом, чувством гордости летописца за этнически, культурно и государственно цельную и могущественную Русскую землю. В этом своде проглядывает целостная концепция возникновения и развития древнерусской народности и ее государственности. Древнейший свод был своеобразным дипломатическим и юридическим актом, которым Киевская Русь объявила о своем равноправии с народами Европы [26]. Эта первая русская летопись повлияла на зарождение летописания в Новгороде, а затем и в других городах. А. А. Шахматовым доказано, что в состав Новгородского свода 1050 г. вошел Древнейший Киевский свод 1039 г. [27].

О высоком международном авторитете Киевского государства и его столицы свидетельствуют дипломатические связи Руси с ее соседями и более отдаленными странами. Эти связи хорошо изучены в литературе [28], поэтому ограничимся лишь одним примером. В 1046 г. византийский император Константин IX Мономах, нуждаясь в помощи русских дружин для ведения многочисленных войн в Малой Азии, Италии и на Сицилии, выдал дочь за сына Ярослава Мудрого Всеволода. От этого брака родился известный древнерусский государственный деятель и полководец Владимир Мономах. Сестра Владимира Евпраксия в 1088 г. вышла замуж за германского императора Генриха IV [29], а сам Мономах был женат (с 1074 или 1075 г.) [30] на дочери английского короля Гаральда Гите.

В XI — начале XIII в. Киев был одним из крупнейших в Европе городов, намного превосходя по количеству жителей (не менее 50 тыс. чело-

век) Лондон и Париж. В Киеве возводятся все новые монументальные сооружения. В 1070 г. началось строительство Михайловской церкви в Выдубицком монастыре (завершено в 1088 г.). А в 1073 г. был заложен и в 1078 г. закончен главный храм Печерского монастыря — Успенский, богато украшенный мозаичными картинами и фресковыми росписями. Новейшие исследования Успенского собора позволили подтвердить уже высказывавшееся мнение, что он «открывает новую страницу истории древнерусской архитектуры и становится образцом для строительства монастырских соборов по всей Руси» [19, с. 201—202]. В частности, по типу Успенского собора были возведены во времена Владимира Мономаха церкви в Смоленске, Ростове и Суздале [31].

Уже в период существования относительно единой раннефеодальной монархии на Руси (конец X — первая треть XII в.) достигло необычайно высокого уровня изобразительное искусство: мозаика, фреска, иконопись, книжная миниатюра и пр. Мозаики Софийского, Успенского (Печерского монастыря) и Михайловского Златоверхого соборов поражают совершенством композиции, тонкостью колористических решений, изысканностью рисунка. Они по праву входят в сокровищницу мирового искусства. Богатством цветовой гаммы, свежестью красок и оригинальностью линий радуют фрески киевских храмов, прежде всего Софийского. Они служили высокими образцами для художников, расписывавших общественные здания во многих городах восточнославянского государства.

Можно с уверенностью утверждать, что уже во второй половине XI в. в Киеве появились местные мастера иконописи, успешно соперничавшие с византийскими художниками. «Киево-Печерский патерик» сохранил поэтическое сказание о гениальном древнерусском иконописце Алимпии, чья деятельность в Киеве началась в годы княжения Всеволода Ярославича (1078—1093). По мнению искусствоведов, кисти Алимпия принадлежит одна из выдающихся древнерусских икон — Богоматерь Великая Панагия (написана около 1114 г.), хранящаяся в Третьяковской галерее. Одну из икон Алимпия приобрел для церкви в Ростове сам Владимир Мономах [32].

Киевская иконописная школа оказала благотворное влияние на развитие древнерусской живописи в целом, так же, как и художественные ремесла, культивировавшиеся в «матери городов русских». Киевские ювелиры занимали ведущее положение среди древнерусских «кузнецов злату, серебру и меди». Особенно прославились они высокохудожественными украшениями с перегородчатыми эмалями, зернью, чернением и сканью, популярными не только на всей обширной территории Древней Руси, но и за ее пределами. Известный трактат германского монаха Теофила о технике художественных ремесел, написанный не позже XII в., отмечает страны, прославившиеся тем или иным видом искусства. Русь отличается, по словам Теофила, тщательностью эмалей и разнообразием черни [33, с. 393].

Древнерусский Киев был одним из крупнейших торговых центров современного ему мира. В городе сосредоточивались международные экономические связи восточнославянского государства. Летописцы отмечают торговые пути, связывавшие стольный град Руси с Византией и странами Востока: Греческий, Соляной и Залозный. С разных концов Восточной Европы съезжались в Киев купцы продавать товары и покупать изделия киевского производства, сvezенные со всей Юго-Западной Руси, и доставленные из «заморских» стран. По всей Русской земле расходились пользовавшиеся высоким спросом изготовленные в Киеве стеклянные бусы, браслеты, ювелирные изделия, бытовые вещи, среди них — трубчатые замки [13, с. 155—157].

Во времена существования раннефеодальной, относительно централизованной монархии на Руси от Владимира Святославича до Мстислава Владимировича, сына Мономаха (умер в 1132 г.) Киев, естественно, был всеми признанной ее столицей, средоточием общественной, экономической, политической, идеологической и культурной жизни государства. Он превосходил во всех отношениях другие города, центры складывавшихся древ-

нерусских земель. Положение изменяется с наступлением эпохи феодальной раздробленности в 30-х годах XII в. С Киевом начинают соперничать и даже бороться за общерусское первенство Чернигов и Галич, Полоцк и Новгород, Владимир-на-Клязьме и Смоленск.

Однако должно быть пересмотрено бытующее и поныне мнение, будто бы рост других феодальных центров на Руси обуславливал ослабление Киева. Это явления разного порядка. И в годы феодальной раздробленности Киев оставался крупнейшим, многолюднейшим, наиболее развитым в экономическом и культурном отношениях городом.

В XII — первом десятилетии XIII в. ремесла и промыслы Киева переживали стадию расцвета. Развитие многоотраслевого ремесленного производства в центрах заметно обособившихся политически земель и княжеств вовсе не означало их затухания в Киеве [33, с. 432—433]. Стольный град продолжал оставаться законодателем мод в древнерусских ремеслах, особенно художественных, и во время феодальной раздробленности. Изделия киевских умельцев считались образцовыми, распространялись по всем русским землям и за их пределами. Речь идет как о дешевых медных литых украшениях и предметах культа (крестах-энколпионах, иконках) [34], так и о драгоценных изделиях с перегородчатыми эмалями. В XII в. производство последних налаживается в Новгороде, Галиче, Рязани и других крупных городах, но главным центром их производства оставался Киев. Новейшие исследования советских ученых доказали, что «высокоразвитое киевское ремесло XII—XIII вв. оказывало самое глубокое преобразующее влияние на ремесленное развитие всей страны» [35, с. 48—49, 53].

В беспокойные годы феодальной раздробленности Киев сохранил ведущую роль и в торговле Древнерусского государства. Уже анализ находок монет и монетных гривен в Киеве и других древнерусских городах показывает, что нет оснований говорить о каком-либо ослаблении экономических связей Киевского государства, вступившего тогда в пору расцвета всех видов торговли [36]. Распространенное в прошлом представление об экономической замкнутости отдельных земель Руси как якобы неизбежном следствии наступления феодальной раздробленности убедительно опровергается находками изделий киевских ремесленников в самых различных пунктах Восточной Европы. Трудно назвать какой-либо заметный древнерусский город, где бы во время раскопок не обнаруживали вещи, изготовленные киевскими ювелирами, стеклоделами, кузнецами, литейщиками, керамистами [35, с. 66]. В Киеве осуществлялся торговый кругооборот, обеспечивавший хозяйственные связи русских земель и княжеств XII—XIII вв.

Во времена ослабления политического единства восточнославянского государства Киев оставался основным носителем древнерусских архитектурных и строительных традиций. В парадных постройках крупнейших русских городов того времени «ясно выражено стремление возродить масштабы и величие Ярославова Софийского собора в Киеве» [37]. Во многих городах, чье быстрое развитие пришлось на годы феодальной раздробленности (Галич, Владимир-на-Клязьме и др.), ранее не велось каменного строительства, поэтому наследие Киева сыграло в их монументальном зодчестве решающую роль.

Одновременно необходимо отметить, что архитектура Киева эпохи феодальной раздробленности развивалась в творческом взаимодействии с зодчеством многих древнерусских городов. В Киеве, по всей вероятности, трудились строители и зодчие из Чернигова, Смоленска, Переяславля и других древнерусских центров [35, с. 75]. На благодатном фундаменте киевского наследия вырастают творчески самостоятельные архитектурные школы в Галиче и Переяславле Залесском, Полоцке и Смоленске, Новгороде и Владимире-на-Клязьме [38]. Каждая из этих областных школ пошла своим путем, определяемым особенностями развития экономики, политической и культурной жизни земель и княжеств, складывавшихся вокруг названных городов.

Как и во времена относительно единого Древнерусского государства,

Киев и в период феодальной раздробленности был одним из главных очагов восточнославянской культуры. Там действовали многочисленные школы и библиотеки, работали скриптории. В городе продолжала вестись общерусская летопись: Киевский летописный свод 1199 г., остающийся до наших дней важнейшим источником по истории Руси XII в. Как и прежде, в Киеве XII — первого сорокалетия XIII в. строились и расписывались фресками дворцы и храмы, создавались шедевры станковой живописи и книжной миниатюры.

Изменение формы государственного устройства вследствие вступления Руси в эпоху феодальной раздробленности ощутимо сказалось на политическом статусе Киева. 30-е годы XII — первое сорокалетие XIII в. в истории Древнерусского государства отмечены соперничеством князей, наследников Ярослава Мудрого за стольный град Киев. Этому вопросу посвящена обширная литература (работы Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто и других советских ученых), нам бы хотелось лишь подчеркнуть, что во многих случаях соперничество князей за обладание Киевом проходило под предлогом возобновления целостности государства. Ведь даже упорная и кровопролитная борьба за древнерусскую столицу в конце 40-х — начале 50-х годов XII в. между Изяславом Владимировичем и Юрием Долгоруким была для каждого из них, по меткому выражению И. Б. Грекова, борьбой за собственный вариант сбережения единства Русской земли, «но при этом такой вариант, реализация которого требовала обязательного утверждения Киева как города, все еще оставшегося едва ли не единственным символом целостности Руси» [39].

В высшей степени присущее восточнославянскому обществу представление о Киеве как о своеобразной оси, на которой вертелось колесо общественно-политической жизни страны, привело в середине XII в. (наряду с более материальными причинами экономического характера) к практике общего владения Русской землей князьями, наследниками Ярослава Мудрого. Киев и подвластный ему южный великокняжеский домен «Русской земли» (в границах Киевской, Переяславской и части Черниговской земель) превращаются в объект совместного владения членов дома Ярослава. Крупные князья считали себя коллективными собственниками Киева и «Русской земли», обычно добываясь в ней части (летописцы называют ее «причастьем»), а свои споры стремились улаживать на съездах — «снемах» [20, с. 365].

Совместное управление Русью объективно способствовало объединительным тенденциям в восточнославянском обществе, однако они тормозились практикой междукняжеских отношений, сводившихся к почти непрерывным феодальным войнам, пусть и проводившимся под знаменем защиты единства Древней Руси.

И в тяжелые времена феодальной раздробленности Киев в глазах русских людей продолжал оставаться не только главным символом, но и реальным воплощением высокой идеи восточнославянского единства. Эту идею древнерусская народность вынесла из времен существования относительно централизованного Древнерусского государства и продолжала развивать ее в XII—XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.
2. ПСРЛ, т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862, с. 202.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения.
4. Рыбаков Б. А. Город Кия. — Вопросы истории, 1980, № 5.
5. Нусишин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
6. Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. СПб., 1890, с. 4 и сл.
7. Мауродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
8. Рыбаков Б. А. Новая концепция предистории Киевской Руси (Тезисы). — История СССР, 1981, № 2, с. 48.
9. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
10. Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до кон-

- ца XV в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М. — Л., 1958, с. 14, 20 и др.
11. Ауліх В. В. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н.е. в Західній Волині, Київ, 1972, с. 28—29 и др.
  12. Кучера М. П. Археологические исследования Вольнского отряда. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971, с. 242—245.
  13. Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976.
  14. Греков Б. Д. Политическая и культурно-историческая роль Киева. М., 1944, с. 5.
  15. Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878, с. 70.
  16. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 453—454.
  17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М. — Л., 1950, с. 110.
  18. Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М. — Л., 1958.
  19. Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
  20. Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XII вв. — Исторические записки, 1972, № 89.
  21. Каргер М. К. Древний Киев. Т. II. М. — Л., 1961.
  22. Маркс К. и Энгельс Ф. О религии. М., 1955, с. 206.
  23. Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. II. Пг., 1915, с. 713.
  24. Высоцкий С. А. Золотые ворота в Киеве. Киев, 1982, с. 71—72.
  25. Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и «Русская Правда». — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1905, с. 164—165.
  26. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М. — Л., 1945, с. 96.
  27. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 532.
  28. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси, М., 1968.
  29. Розанов С. П. Евпраксия — Адельгейда Всеволодовна (1071—1109). — Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук, 1929, № 8.
  30. Орлов А. С. Владимир Мономах. М. — Л., 1946, с. 10.
  31. Асеев Ю. С. Джерела. Мистецтво Київської Русі, Київ, 1980, с. 114.
  32. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 120—125.
  33. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
  34. Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. — Советская археология, 1950, № 14, с. 220—227.
  35. Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев, 1980.
  36. Даркевич В. П. К истории торговых связей Древней Руси. — КСИА АН СССР, вып. 138, с. 102.
  37. Воронин Н. Н. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1950, с. 326, 328.
  38. Асеев Ю. С. Архітектура Київської Русі. Київ, 1969, с. 112.
  39. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 15.

ОХРИМЕНКО П. И., ОХРИМЕНКО О. П.

ТРАДИЦИИ И ОТЗВУКИ ЛИТЕРАТУРЫ КИЕВСКОЙ РУСИ В РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

Литература Киевской Руси, относящаяся к первому периоду литературного развития восточных славян, создавалась предками русских, украинцев и белорусов, в связи с чем она в одинаковой мере принадлежит этим трем братским народам. Она послужила прочной национальной основой собственно русской, украинской и белорусской литератур древнего периода. Литература Киевской Руси оказала большое воздействие на них и на их последующее развитие, проявляющееся вплоть до нашего времени, в чем и заключается ее непреходящее значение.

Говоря о литературе восточных славян первых периодов ее развития, В. Чивилихин отметил как характерную черту ее высокую гражданственность: «В старину авторы... не разменивались на тематические мелочи, а размышляли и писали с патриотических и гражданских позиций о главном — об исторических судьбах родины и народа» [1]. Эта черта четко проявилась уже в литературе Киевской Руси и в качестве плодотворной традиции нашла дальнейшее развитие в древних русской, украинской и белорусской литературах.

В русской литературе (как и в литературах украинской и белорусской) традиции художественной письменности Киевской Руси отчетливее всего сказались в период с середины XIII по начало XVI в., когда только начали формироваться ее национальные признаки на общекультурной восточнославянской основе. Это характерно и для героико-патриотических (воинских) повестей, и для летописей, и житий, и ораторского искусства (проповедей). Примером могут послужить «слова» Серапиона Владимирского и «Сказание о разорении Батыем Рязани», непосредственно выросшие из литературы Киевской Руси, а потому нерасторжимые с ее традициями. Такое явление обусловлено во многом временной близостью. Однако и в более поздних древнерусских произведениях нередко наблюдается самая тесная их связь с литературой Киевской Руси. Убедительным примером этого являются произведения так называемого Куликовского цикла, в первую очередь «Задонщина».

«Задонщина» сознательно ориентирована на подражание «Слову о полку Игореве» [2—3]. Это по сути его поэтическая перефразировка, возвестившая об осуществлении мечты автора «Слова», ратовавшего за необходимость объединения русских сил для успешной борьбы с захватчиками. Столь общественно важное идейное содержание положено в основу творческого замысла «Задонщины», развивающей высокие гражданско-патриотические традиции литературы предыдущего периода — периода Киевской Руси, которая была для многих позднейших авторов надежным ориентиром.

Примерно то же следует сказать об областном русском летописании середины XIII — начала XVI в., ориентировавшемся на традиции Киевской Руси, в первую очередь на «Повесть временных лет». Летописцы Ростова, Рязани, Новгорода продолжали «применять или варьировать те литературные формулы, которые были употреблены создателями „Повести временных лет“», подражали «имеющимся в ней характеристикам», заимствовали из нее цитаты и фрагменты. Больше того: «свое эстетическое обаяние „Повесть временных лет“ сохранила и до нашего времени, красноречиво свидетельствуя о литературном мастерстве древнерусских летописцев» [4].

Первый период развития собственно белорусской литературы охватывает, как и соответствующий период литературы русской, середину XIII — начало XVI в. Он тоже характеризуется самой непосредственной и тесной связью с литературными традициями Киевской Руси. Это касается всех жанров древнебелорусской литературы данного времени: житий, хождений, летописей, повестей воинского характера [5—6].

В ряде случаев трудно точно определить, когда именно возникло то или иное произведение первого периода развития собственно белорусской литературы. Это касается, например, «Жития блаженного Евфросиния», прозванной Полоцкой. Оно написано в целом в духе агиографии Киевской Руси, но имеет элементы «плетения словес» и многие черты конкретно-биографического жанра, что свойственно для житийной литературы, возникшей уже после монголо-татарского нашествия. В житии Авраамия Смоленского и в «Слове о Меркурии Смоленском» наблюдается то же сочетание традиции и новизны. Так, в «Слове о Меркурии Смоленском» уживаются элементы жития и воинской повести (что было свойственно для древнекиевского «Сказания о Борисе и Глебе») с фольклорной легендой, оживляющей повествование. Это же следует сказать о «Путешествовании» Игнатия Смолнянина (XIV в.), в котором традиции «Хождения» игумена Даниила (XII в.) уживаются со многими фольклорными и апокрифическими элементами (усиливающими занимательность рассказа), причем без обычного в традиционной паломнической литературе насыщения библейскими цитатами и т. п. Несмотря на эту новизну, традиции литературы Киевской Руси в подобных произведениях проявляются со всей очевидностью.

Столь же очевидны они в украинской литературе середины XIII — первой половины XVI в. [6]. Это подтверждают «слова» Серапиона (созданные в киевский период его деятельности), повесть о черниговском князе Михаиле и его боярине Федоре, «Галицко-Волынская летопись» (составленная в значительной мере на основе летописных материалов Киевской Руси), «Краткая Киевская летопись», «Книга о побоище Мамаю» — «западнорусское» переложение русского «Сказания о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», пользовавшееся в свое время популярностью в Белоруссии и на Украине, и другие (в общем немногочисленные) произведения первого периода развития собственно украинской литературы.

Традиции письменности Киевской Руси отчетливо сказываются в древней русской, украинской и белорусской литературах и в позднейшие периоды их развития. Причем это касается не только летописания, сохранившего характерные признаки своих начальных периодов времен Киевской Руси в русской литературе до первых десятилетий XVIII в. (включая исторические труды Татищева), а в белорусской и украинской — до конца этого века (вплоть до столь важного произведения древней украинской литературы последнего ее периода, как «История Русов»), но и произведений проповеднической и житийной литературы, основа восточнославянского трафарета которых возникла тоже в те времена, а также хождений (примером чего могут быть «Странствования» украинского путешественника первой половины XVIII в. В. Григоровича-Барского), поучений, довольно многочисленных воинско-патриотических повестей и в известной мере полемической литературы, зародившейся у нас еще в XI — начале XIII вв., но достигшей своей вершины — в связи с новыми обстоятельствами (обусловленными прежде всего задачами борьбы с унией) — в украинской и белорусской литературах конца XVI — первой половины XVII в.

Более того, к письменности Киевской Руси часто обращались и писатели новых восточнославянских литератур. Их внимание привлекало многое из ее наследия, но прежде всего — «Повесть временных лет» и особенно «Слово о полку Игореве».

Из «Повести временных лет» ряд писателей новой русской литературы черпал многие темы, образы и краски. Достаточно вспомнить трагедию Княжнина «Вадим Новгородский», ряд исторических «дум» Рылеева, «сагу» Кюхельбекера «Святополк», стихотворение «Олег» Языкова, «Песнь о вешем Олеге» Пушкина и др.

Разумеется, каждый из авторов, обращавшийся к летописному материалу Киевской Руси, использовал его по-своему, в зависимости от задач времени, собственных стремлений и творческих склонностей. Так, Я. Княжнин только отталкивался от летописной записи об убийстве варяжским князем Рюриком возглавившего возмущившихся новгородцев Вадима Храброго, чтобы нарисовать идеального с точки зрения прогрессивных классицистов героя-полководца. Революционный романтик Рылеев в таких «думах», как «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Святополк», «Мстислав Удалий», «Владимир Святый», стремился уже более точно передавать дух летописей Киевской Руси, в ряде случаев прямо ссылаясь на них, что отражено в прозаических предисловиях-справках (подготовленных в основном П. М. Строевым). Однако Рылеев был далек от самодовлеющего воспроизведения эпизодов летописания Киевской Руси (а в других «думах» — и позднейшего времени). Он обращался к далекому прошлому, чтобы развенчать самодержавие своего времени, заклеить тиранию и произвол всех времен. Рылеев страстно доказывал:

Вот... к чему ведет

Несправедливость власти;

И князь несчастлив и народ,

Где на престоле страсти...

(«Ольга при могиле Игоря»)

Лучшими достижениями литературы Киевской Руси, в особенности «Повестью временных лет», «Словом о полку Игореве» и «Киево-Печерским патериком», искренне восхищался Александр Пушкин. Чтение древних летописей подсказало ему тему широко известной «Песни о вешем Олеге», а также вдохновило на создание образа Пимена.

«Песнь о вешем Олеге» — гениальная трансформация летописной легенды о причине смерти овечьего славой князя-воина, проникшей в «Повесть временных лет» из древнерусского устнопоэтического творчества. Пушкин, как бы мимоходом описывая воинские подвиги этого героя, усилил гражданский пафос легенды, а художественно-литературную обработку ее поднял на уровень лучших достижений своего времени.

Столь же мастерски нарисован Пимен в трагедии «Борис Годунов». Воссоздавая образ русского летописца начала XVII в., Пушкин имел в виду и его прешественников — летописцев Киевской Руси, создателей знаменитой «Повести временных лет».

Многие строки древнерусского летописания обнаруживают связь с живительным источником народнопоэтического творчества. Это относится, в частности, к легенде о емшан-траве (полыни) из Галицкой летописи, которая привлекала внимание многих поэтов, в том числе А. Майкова. Им создана пронизанная патристическим пафосом небольшая поэма «Емшан», где в словах «Смерть в краю родном милей, чем слава на чужбине» звучит отголосок соответствующей идеи летописи: «Да лучше есть на своей земле costly лечи, нели на чюже славу быти».

Отзвуки летописей Киевской Руси явственно ощутимы и в новых украинской и белорусской литературах, хотя они не столь многочисленны, как в новой русской литературе.

Из писателей новой украинской литературы первыми обратились к летописанию Киевской Руси М. Шашкевич (стихотворение «Болеслав Кривоустий під Галичем, 1139») и Н. Костомаров. Последний в стихотворении «Співець Митуса» изобразил народного певца, который не покорил-

ся своевольному князю — не захотел воспевать его, несмотря на приказы и насилие, и даже не побоялся обличать князей, как жестоких угнетателей народа и сеятелей раздоров («коромоли»). Он гордо бросил клич: «...хай пропадає Русь із князями!», будучи уверенным в том, что «Знову розгонить яснее сонце туман віковичний./В той час-годину інших пісень співці заспівають...».

К летописям Киевской Руси обращался и Т. Шевченко, в частности, в поэме «Царі». В четвертой ее части он в соответствии с летописными записями нарисовал картину разгрома Владимиром Святославичем Полоцка с целью «поятия» княжны Рогнеды. Однако под пером революционера-демократа даже прославленный князь Владимир «Красное солнышко» выступает насильником, далеким от интересов народа (во всяком случае — в данной ситуации):

Владимир князь перед народом
Убив старого Роголода,
Потя народ, княжну поя,
Отиде в волості своя,
Отиде з шумом...

Тарас Шевченко, хорошо зная летописные характеристики Владимира, не пошел за ними, — он не выделил его из числа других князей, а поместил в одном ряду «з цими поганцями». В стилистическом же отношении украинский Кобзарь, воссоздавший образ князя Владимира раннего периода его деятельности, приближается к летописным записям. О близости к этому источнику, своеобразно использованному поэтом, свидетельствует весь речевой строй четвертой части поэмы «Царі».

Иным было обращение к достижениям литературы Киевской Руси, в первую очередь к текстам летописей и к «Слову о полку Игореве», Пантелеймона Кулиша. Он воспринимал их с пиететом, считая, что современная ему украинская литература в художественно-стилистической области еще не достигла их уровня. Отсюда архаизация языка многих его стихотворных и прозаических произведений, уместная, как правило, только при разработке исторических тем.

Из летописей Киевской Руси черпали темы и мотивы, в частности, такие украинские писатели, как И. Воробкевич (мелодрама «Василько Ростиславич — князь Теревовлі»), С. Руданский (баллада «Віщий Олег»), И. Франко (поэмы «Бунт Митуси», «Ольга», «Євшан-зілля», цикл стихотворений «На старі теми» и др.), М. Вороный (поэма «Євшан-зілля»), М. Кононенко (стихотворение «Заповіт Ярослава Мудрого»), М. Чернявский (стихотворение «Євшан»), Г. Хоткевич (пьеса «Рогнідь»), А. Олесь (книга «Княжі часи», включающая стихотворения «Смерть Олега», «Похід Ігоря на арабів і персів», «Княжна Ольга», «Юнацтво Святослава», «Похід на хозар», «Печенізька облога Києва» и др.). Эти украинские писатели XIX — начала XX в., как и писатели русские, по-разному интерпретировали летописный материал в соответствии со своими взглядами и творческими задачами. Особенно плодотворной оказалась ориентация на литературу Киевской Руси Ивана Франко. Не потеряли поэтической значимости и пересказы древнекиевских легенд типа «Євшан-зілля» М. Вороного, а также стихотворные рассказы о «княжих часах» А. Олесь.

Из писателей новой белорусской литературы к художественной письменности Киевской Руси творчески обращались Янка Купала и Максим Богданович. Их внимание привлекали тоже главным образом летописи и «Слово о полку Игореве».

Я. Купала в своих произведениях отразил то далекое прошлое родной земли, когда на ней господствовали феодалы, жестоко издевавшиеся над простым людом. Так, в поэме «Курган» ярко нарисована кровавая расправа князя-деспота над непослушным певцом-гусяром, что вызывает в памяти летописный рассказ о Митусе. Очевидно, этот рассказ был записан как одно из народных преданий, на которые в основном и ориентировался автор «Кургана».

Четко проявляется обращение к культурно-литературной обстановке Киевской Руси, нашедшей свое продолжение в древней Белоруссии (как и в древних России и Украине), в таких стихотворениях М. Богдановича, как «Летаписец», «Пераписчык», «Кніга». В них запечатлен культурно-литературный дух всей средневековой Руси с ее летописцами, переписчиками и книгами «кірыліцы прыгожай».

Не только оригинальная, но и переводная литература Киевской Руси нашла свой отклик в ряде произведений русских, украинских и белорусских писателей. Убедительным подтверждением этого является переложение и использование псалмов у таких поэтов XVIII — начала XX в., как Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Державин, Рылеев, Пушкин, Шевченко, Кулиш, Александров, Богданович и многих других. По-разному осуществлялось это обращение к традиции, выливаясь иногда в использование Священного писания для пропаганды самых передовых идей времени (например, у поэтов-декабристов). Даже у Державина переложение 81-го псалма, получившее название «Властителям и судиям», было не без оснований воспринято его современниками как «якобинские стихи». Действительно, для екатерининского времени оно прозвучало слишком смело в защиту «невинных», «несчастливых», «бессильных», которых не замечают «лукавые» — «земные боги» — цари, заслуживающие грозной кары «всевышнего бога»:

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса...
Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

Еще более радикально «обыгрывал» псалмы поэт-революционер Шевченко, своеобразно перелагая их в цикле «Псалми Давидові». Он не только призывал бога судить «судей лукавих» (т. е. царей), но был уверен в том, что, наконец, «язики» «Окують царей неситих В залізній пута...».

Многие сюжетные элементы, образы и стиливые приемы как оригинальных, так и переводных произведений Киевской Руси насыщают в целом всю дооктябрьскую литературу восточных славян. Они свойственны, например, одам Ломоносова, Державина, «Отцу Сергию» Л. Толстого, «Братьям Карамазовым» Достоевского, ряду стихотворений и поэм Шевченко, Кулиша, Франко, Богдановича, Брюсова, Есенина и еще многим произведениям новой русской, украинской и белорусской литератур. Следует подчеркнуть, что этот разнородный материал использован весьма различно, но в данном случае важна констатация его живучести как ценного культурного наследия далекого прошлого, нашедшего свой отклик в литературах русского, украинского и белорусского народов.

Из произведений Киевской Руси особое значение активного «фермента», в том или ином проявлении действующего на литературу восточных славян вплоть до нашего времени, имеет «Слово о полку Игореве». Литературное влияние этого поэтического памятника с новой силой возобновилось — после четырехвекового перерыва — со времени его открытия в конце XVIII в. (а точнее — с 1800 г., с появлением первого издания «Слова»).

Русская, украинская и белорусская литературы нового и советского периодов обогатились целым рядом художественных переводов и переложений (в особенности поэтических) «Слова о полку Игореве» [8—11]. Лучшими из них в новой русской литературе являются переводы и переложения Жуковского и Майкова, а в советской — И. Новикова, В. Стеллецкого, А. Югова, Н. Заболоцкого, Н. Рыленкова, И. Шкляревского; в украинской — П. Мирного, М. Чернявского, В. Щурата, М. Рыль-

ского, Н. Забины, А. Коваленко, а в белорусской — Я. Купалы (прозаический перевод и стихотворное переложение). Еще больше насчитывается переводов и переложений «Плача Ярославны» (В. Капниста, И. Козлова, В. Белинского, Л. Мея, Н. Гербея, М. Шашкевича, Т. Шевченко, О. Федьковича, Б. Гринченко, М. Вербицкого, Н. Заблоцкого, А. Прокофьева, Д. Семеновского, И. Лукьяненко, Р. Чумака, В. Соболевского и др.) — самой поэтической части «Слова», не случайно привлекающей внимание многих поэтов.

Довольно часты в восточнославянских литературах прошлого и нашего времени те или иные отзвуки «Слова о полку Игореве» [12—15; 9, с. 43—49; 10, с. 166—169, 174—178; 11, с. 19—20, 23—28, 31—35], разнообразные и по характеру, и по силе, и по значению. Это точное и свободное цитирование памятника, эпитафия и перефразировки из него, использование его образов, поэтических картин, словесно-художественных образов и приемов, это и реминисценции, ссылки на «Слово», упоминания об его авторе, о Бояне, — т. е. самые различные проявления влияния гениального произведения Киевской Руси, начиная от простых заимствований и подражаний и кончая творческими переосмыслениями.

Из писателей новой русской литературы первым обратился к «Слову о полку Игореве» А. Радищев. «Слово» послужило для него стимулом в изображении героического прошлого русского народа в поэме «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам». В самом начале прозаического предисловия к этой поэме, имеющей эпитафию из «Слова о полку Игореве», он упоминает Бояна, к которому обращается за помощью, характеризую его в духе автора «Слова»: «Певец лет древних славных... Боян, певец сладчайший, коего глас, соловьиному подобный, столь нежно щекотал слухи твоих современников; возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспосли ко мне песнь твою из горних чертогов света...» И далее: «Зане обычай был таков, что сокол, поражающий лебедя, назначал чреду в песнопении, и чей был первый, тот первую воспевал песнь, и все другие по чреде своих соколов». Все это своеобразные заимствования и перифразы из «Слова о полку Игореве», вдохновившего Радищева на прославление далеких предков. Однако писатель-революционер не только гордится прошлым, но подобно певцу Игореве похода устремлен в прекрасное будущее своего народа:

О народ, народ преславный!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным...
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных
Ниц падут цари и царства.

В целом с романтических позиций подходили к использованию «Слова о полку Игореве» и летописных материалов такие писатели первой половины XIX в., как Н. Львов («Храм славы российских ироев...», поэма «Повесть о Мстиславе»), В. Нарезный (сборник «Славенские вечера»), А. Вельтман (романы «Кашей бессмертной», «Святославчик»), М. Загоскин (роман «Аскольдова могила»), П. Катенин (поэма «Мстислав Мстиславович») и др. У некоторых писателей, не отличавшихся прогрессивностью взглядов, встречаются простые стилизации и подделки «под старину», иногда ощущается недостаточная глубина творческого осмысления богатейшего материала литературы Киевской Руси.

Разнообразна трактовка образа Бояна в творчестве русских поэтов: у Жуковского это певец доблести Руси («Певец во стане русских воинов»); у поэтов-декабристов, в частности, у Рыльева («Боян», «Владимир Святый», «Рогнеда») и Языкова («Боян к русскому воину») он выступает вдохновителем и певцом борьбы за свободу; специфичен этот образ у Пушкина («Руслан и Людмила») [9, с. 43—44].

Воздействие «Слова о полку Игореве» часто выступает в форме использования стилистических и образных элементов: в «Снегурочке» Островского — песня слепых гуляров; в повести Б. Лавренева «Кровный узел» — мифический Див как предсказатель жестоких битв между белыми и Красной Армией, описание в духе «Слова» разрухи страны и т. д. [9, с. 47]; в поэме Э. Багрицкого «Дума про Опанаса» — лай «рыжих лисиц» и Див, сулящий «гибель Приднестровью», заимствованы из «Слова»; в стихотворениях «Певцу Слова» В. Брюсова и «Новая Америка» А. Блока, в поэме «Слово о Мамаевом побоище» В. Саянова и целом ряде других. К ним близки произведения (чаще всего поэтические), в которых воспевается Ярославна — героиня «Слова» — одноименные стихотворения В. Звягинцевой и Л. Татьянической.

В украинской литературе творческое обращение к «Слову о полку Игореве» можно отметить у многих авторов, начиная от И. Котляревского и кончая писателями нашего времени. Например, в поэме «Царі» и повести «Близнецы» Т. Шевченко использовал некоторые элементы поэтики этого гениального произведения Киевской Руси. Особенно часто к поэтике «Слова» и образу Бояна обращался П. Кулиш («Побоянщина»), а также М. Шашкевич (стихотворение «Згадка» и рассказ «Олена»), О. Федькович (стихотворение «Воскресни, Бояне!» и неоконченная поэма «Слава Ігоря»), Б. Гринченко (рассказ «Князь Ігор»), И. Франко (цикл «На старі теми», поэма «Кончакова слава»), М. Чернявский (стихотворение «Князь Ігор», цикл «Донецькі сонети»), К. Гриневичева (повесть «Шоломи в сонці»), А. Олесь (книга «Княжі часи») и многие другие. Из них наиболее творчески к освоению «Слова о полку Игореве» подходил И. Франко, глубоко проникая в идейную сущность этого памятника Киевской Руси.

Идейно-художественные богатства «Слова о полку Игореве» явились источником вдохновения для таких украинских советских писателей, как П. Тычина (диптих «Плач Ярославни»), Г. Хоткевич (пьеса «О полку Ігоревім»), М. Рыльский (стихотворения «Свиснув Овлур за рікою», «Слово про рідну матір»), М. Бажан (стихотворение «Слово о полку», поэма «Данило Галицький»), И. Кочерга (драма «Ярослав Мудрий»), А. Малышко (стихотворение «Мати», сборник «Ярославна»), А. Хижняк (роман «Данило Галицький»), С. Скляренко (романы «Святослав» и «Володимир»), Д. Мищенко (роман «Сіверяни»), П. Воронько (поэма «Ярославна»), В. Симоненко (триптих «Русь»), П. Загребельный (романы «Диво», «Первоміст», «Смерть у Києві», «Евпраксія») и целый ряд других, в том числе таких известных представителей «крылатой» (с романтическим уклоном) прозы, как А. Довженко, Ю. Яновский, О. Гончар. Трудно не только более или менее подробно охарактеризовать, но даже перечислить все произведения украинской (как и русской) советской литературы, в которых нашло отклик «Слово о полку Игореве». В некоторых из них выступает образ Бояна (прежде всего у М. Рыльского) как эталон певца-гражданина, воспринятый через традицию времен Киевской Руси.

Заимствуя сюжетно-тематические эпизоды из «Слова о полку Игореве», советские писатели стремятся интерпретировать их по-своему, оригинально. Так, стихотворение М. Рыльского «Свиснув Овлур за рікою», воссоздавая картину побега Игоря из половецкого плена, по содержанию близко к соответствующему эпизоду «Слова» и в то же время имеет самостоятельную идейно-художественную ценность. В данном случае советский поэт как бы состязается в мастерстве с автором «Слова», оригинально варьируя одну из его сцен в соответствии с современными эстетическими представлениями:

Князеві спиться — не спиться,
Вітер колише намет,
Крикнула вісниця-птиця,
Віщо шумить очерет.
Покотом сплять половчани,
Ніч — мов криниця без дна...

Клонить обличчя кохане
До узголів'я жона.
Ні, вже не знати спокою!
Туга пече, як змія!
Свиснув Овлур за рікою,—
Чуєш ти, земле моя?
Сідлані коні готові...
Геть із ласкавих тенет!..
Сон увірвавсь Кончакові,
Буря колише намет.

Сказанное о русской и украинской литературах в плане использования идейно-художественных богатств «Слова о полку Игореве» касается также и литературы белорусской. В ней еще в дооктябрьский период на материале одного из эпизодов этой поэмы М. Богданович написал стихотворение «Песня пра князя Ізяслава Полацкага», с подзаголовком, указывающим на источник: «З „Слова о полку Игореве“». В этом стихотворении отчетливо чувствуется не только идейно-тематическое, но и стилистическое влияние «Слова», что видно хотя бы из такого отрывка:

Засмуцілася вясёласць,
Песні замаўкаюць,
І жалобна, сумна трубы
У Гародні граюць.

В советское время белорусские писатели часто обращаются к «Слову о полку Игореве». Его отзвуки слышатся и в стихотворении Я. Коласа «Баяну-Кабзару», и в поэме А. Куляшова «Сцяг брыгады», и в поэмах В. Дубовки «Брані слава», «Сляпы баяніст», а также в таких стихотворениях, как «Слова прысягі», «Слова міру», «Жывое слова» П. Глебкі, «Слова да Аб'яднаных нацый» А. Куляшова, где присутствует публицистически заостренное обращение к слушателям и читателям, выражаются патриотические устремления, художественное воплощение которых восходит к публицистическим насыщенной литературе Киевской Руси, прежде всего к гениальному «Слову о полку Игореве».

В белорусской советской литературе, как и в русской и украинской литературах, довольно часто встречаются творческие вариации на тему плача Ярославны. Они являются характерными, в частности, для периода Великой Отечественной войны. Образ Ярославны — патриотки и любящей жены — в то время обычно переосмысливался соответственно военным условиям нашего времени, наполнялся новым содержанием, близким чувствам и стремлениям советских женщин. Это нашло удачное воплощение в стихотворении белорусского поэта К. Киреенко «Ты — мая Яраслаўна»:

Ты — мая Яраслаўна.
І калі табе сніўся крумкач
Над параненым мной,—
што ж, не сорам, паплач...
Мне сляза твая шчырая
Будзе збавай ад смутку і стомы.
З ёй з ваеннага выраю
Пераможцам вярнуся дадому...
Залатымі зарніцамі
Наша доля яшчэ запалае.
Сіл салдацкіх крыніцаю
Стала ты для мяне, дарагая!

Особое место занимают произведения, посвященные автору «Слова о полку Игореве» и походу Игоря на половцев. Таковы русские повести «Сын тысяцкого» И. Новикова (о предполагаемом авторе «Слова») и «Иду на вы» Л. Троицкого, а в современной украинской литературе — роман В. Шевчука «Велесич». К ним примыкает пьеса Е. Пермяка

«Шумите, родные знамена», написанная по мотивам «Слова о полку Игореве» и летописей, что следует также сказать и о выше упомянутой пьесе украинского писателя Г. Хоткевича «Слово о полку Игоревім». В подобных произведениях отзвуки «Слова» и летописей часто сочетаются, подвергаясь всякий раз особой авторской интерпретации. Такое сочетание характерно и для нового романа-эссе В. Чивилихина «Память», где древние летописи и «Слово» оригинально использованы и с литературной, и с научной целью.

Из этого далеко не полного обзора видно, что литература Киевской Руси вошла органичной составной частью в культуру русского, украинского и белорусского народов (как и многих других народов нашей страны). Она в течение многих веков активизировала литературный процесс, что довольно ощутимо и в наше время и является одним из подтверждений жизнеспособности и актуальности лучших достижений литературы Киевской Руси, традиции и отзвуки которой в литературах восточных славян особенно значительны и важны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чивилихин В. Память. — Наш современник, 1980, № 12, с. 127.
2. Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». — Русская литература, 1964, № 3, с. 84—107.
3. Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 292—343.
4. История русской литературы. Т. I. Л., 1980, с. 48.
5. Ахрыменка П. П., Ларчанка М. Р. Старажытная беларуская літаратура. Мінск, 1968, с. 41—57.
6. Охрименко П. П. Древняя белорусская литература. Днепропетровск, 1978, с. 10—15.
7. Охрименко П. П., Пильгук И. И., Шлапак Д. Я. История украинской литературы. М., 1970, с. 22—29.
8. Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии. — Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, вып. 13, 1948, с. 33—39.
9. Дмитриев Л. А., Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой культуры. — В кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1952, с. 32—43.
10. Білецький О. І. «Слово о полку Игоревім» та українська література ХІХ—ХХ ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Київ, 1959, с. 168—173.
11. Махновець Л. У віках безсмертне. — В кн.: Слово о полку Игоревѣ та його поетичні переклади і переспіви. Київ, 1967, с. 19—35.
12. Сиповский В. В. Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины XIX столетия. — Известия по русскому языку и словесности АН СССР, т. III. Л., 1930.
13. Шамбинаго С. К. Художественные переложения «Слова». — В кн.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1934, с. 199—228.
14. Елеонский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. М., 1947, с. 93—123.
15. Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980.

ТВЕРДИСЛОВА Е. С.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Всякая нация может и должна учиться у других» [1] — эти слова К. Маркса из предисловия к «Капиталу» точно выразили суть эпохи XIX в., когда тип общения — литературного, культурного, общественно-политического — стал объектом научного познания. В начале XIX в. появляются «Сравнительная анатомия» Г. Кювье [2], «Сравнительная география» К. Риттера [3], вскоре — «Курс сравнительных литератур» Ф. Ноэля [4].

Сегодня трудно сказать, в какой же стране была впервые сформулирована идея новой научной дисциплины — сравнительного познания, думается, что у каждого народа существует своя «точка отсчета», однако сам метод историко-сравнительного анализа обязан своим научным «крещением» именно XIX веку. К концу XIX столетия в европейском литературоведении четко обозначились три «компаративистские» школы: английская (представителем которой был Г. М. Познетт), скандинавская (Г. М. Брандес) и русская (А. Н. Веселовский), которые в польском литературоведении рассматриваются как основополагающие в становлении и развитии современного сравнительного литературоведения [5]. Познетт, стремясь соединить принципы теоретического и исторического изучения литературы, выдвинул понятие системности литературного процесса. Английский ученый рассматривал эволюцию человеческого общества на примере мировой литературы, делая основной акцент на типологически близких явлениях. Брандес, сторонник правдивого отображения действительности в литературе, видел в историко-сравнительном методе средство объективной оценки литературных явлений. Веселовский выдвинул концепцию самозарождения мотивов и бродячих сюжетов, «бытовых и психологических основ» фольклора и так называемых «встречных течений» — теорию, по которой заимствование предполагает сходное направление в развитии воспринимающей «среды» и обуславливает усвоение «чужого» материала. Для его работ были характерны интерес к типологическим сопоставлениям литературных явлений у разных народов, генетически между собой не связанных, а также установка на однотипность структур общественного развития на его разных стадиях.

В своем экскурсе в историю компаративистики чешский литературовед Д. Дюришин [6] также выделяет три наиболее существенных направления, заостряя свое внимание на важнейших традициях русского и славянского сравнительного литературоведения: учении Веселовского, в котором, по его мнению, нашли выражение основные тенденции историко-литературной мысли второй половины XIX в.; концепции русских формалистов, «которые сумели отстоять главные теоретические посыпки литературной компаративистики, сознавая их значимость для изучения литературного явления вообще». К третьему направлению Дюришин относит чешский

структурализм и прежде всего компаративную теорию Я. Мукаржовского. Подобная интерпретация компаративистского наследия, с нашей точки зрения, чревата некоторой ограниченностью и прямолинейностью. Исключая совершенно опыт западного сравнительного литературоведения, Дюришин не только не видит его роли в современной науке о литературе, что уже само по себе является искажением литературного процесса (роли, как отрицательной, так и положительной), но и тех истоков, которые определили русло сравнительного изучения литератур, возникшего во многом в противовес западным учениям.

Болгарский литературовед В. Смоховская-Петрова считает родиной сравнительного литературоведения как научной дисциплины Францию (Бальденсперже, Поль Азар, Ван Тигем) [7]. При этом особую роль исследователяница отводит трудам В. Тигема, который, по ее мнению, сформулировал основной тезис современной компаративистики: любая национальная литература, соприкасаясь с другими литературами, является частью мирового литературного процесса [8]. Следует сказать, что Тигемом был теоретически обоснован и сам тип сравнительного познания как метода, а также проведены различия понятий «сравнительная литература» (т. е. изучение двусторонних литературных связей) и «всеобщая литература» (исследование отношений различных литератур), причем оба эти термина ученый рассматривал как составную часть более общего понятия — «мировой литературы»¹. И хотя вклад Тигема в разработку методологии сравнительного литературоведения очевиден, тем не менее нельзя не учитывать и того факта, что в европейской науке требования сравнительно-исторического подхода одним из первых обосновал Гердер, который рассматривал литературное движение как явление, взаимообусловленное историческим и культурным развитием каждой нации, уделяя особое внимание своеобразию их литературных памятников. Развивая гердеровскую идею о самобытности творчества у разных народов, Гете выдвинул понятие «всеобщей мировой литературы» — процесса, включающего в себя все наиболее значительные памятники мировой культуры. Концепция Гете была направлена против национальной замкнутости. Заметную роль в дальнейшем развитии методики сравнительного анализа сыграли работы французских энциклопедистов, мифологическая школа братьев Гримм, применивших в изучении фольклора методологию сравнительного языкознания, и труды Сент-Бёва. Немаловажное значение в аспекте исследований связей и аналогий между литературами имела широко распространенная в XIX в. идея славянского единства, изложенная, в частности, А. Мицкевичем в парижских лекциях по истории славянских литератур.

По-новому начинают разрабатываться сравнительные принципы в литературоведении разных стран после первой мировой войны. Многие ученые стремились преодолеть односторонность сравнительного подхода, присущего, в частности, сторонникам и последователям позитивизма, когда, например, под сравнительным изучением литературных явлений понимались прежде всего влияния и заимствования, которые трактовались как сугубо «частный случай». Этому преодолению во многом способствовала марксистская методология. Именно исследование литературных отношений в их социально-исторической обусловленности стало исходным пунктом марксистского понимания сравнительного изучения литератур.

В настоящее время развитию сравнительного литературоведения содействуют прежде всего регулярно созывающиеся международные съезды славистов (на последнем из них — VIII, который состоялся в Любляне в августе 1978 г., сравнительное изучение литератур было специальной темой) и конгрессы Международной ассоциации сравнительного изучения литератур (АИЛК — Международная ассоциация литературной компаративистики). В 1954 г. было создано Международное общество сравнительного литературоведения, которое объединило ученых Европы и Америки.

Немаловажную роль в разработке методологических и теоретических

¹ На это также указывается в [5].

проблем межлитературной коммуникации сыграла деятельность славистов социалистических стран. По инициативе советских ученых — сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский дом) в мае 1971 г. в Москве была организована научная конференция по проблемам межлитературного общения, на которой встретились ученые из различных социалистических стран. Одной из важнейших ее особенностей явилось широкое обсуждение задач сравнительного изучения славянских литератур, общих закономерностей развития и специфических национальных черт [9]. Эта конференция знаменовала собой как бы целый этап в развитии сравнительного литературоведения социалистических стран. Предыдущая конференция по этой же теме (Москва, 1960), организованная Институтом мировой литературы им. М. Горького [10], обосновала необходимость сравнительно-сопоставительного изучения социалистических литератур. Она также показала, что в настоящее время в науке о литературе существует два различных по своим методологическим принципам направления: буржуазная компаративистика и сравнительное изучение литератур [11, 12].

Буржуазная компаративистика трактует «сравнительное литературоведение» как замкнутую в самой себе область науки, находящуюся вне так называемого «общего» литературоведения. Внутри буржуазная компаративистика неоднородна. В ней довольно четко обозначились два течения: американское (его периодические издания: «Comparative Literature», University of Oregon и «Comparative Literatur Studies», University of Maryland) и французское (его журнал «Revue de la littérature comparée»). Кроме того, в последние десятилетия приобрели популярность в современной науке исследования компаративистов ФРГ (журнал «Arcadia»), Австрии (широко известен Инсбрукский институт по сравнительному литературоведению, ставший инициатором Международного конгресса по проблемам межлитературного общения, который состоялся в Инсбруке в 1979 г.), а также Японии (преимущественно на страницах периодически издающегося «Хинкоку Бунгаку»).

Представители американского компаративизма рассматривают мировой литературный процесс сквозь призму сменяющих друг друга стилей, характеризующих каждую эпоху и каждую национальную литературу данной эпохи. При этом американские ученые исходят из понятия «ведущего» стиля, свойственного только литературному процессу определенного народа в определенный отрезок времени, а другие литературы в различные периоды своего развития они интерпретируют как явления, зависимые от этого стиля. Идея мирового литературного процесса, подчиненного в своем развитии «ведущему» стилю, лежит в основе книги «Основы сравнительного изучения литератур от Данте до Юджина О' Нила» (1954). Однако к концу уже 50-х годов ощутился несомненный застой в американской компаративистике, который отметил один из наиболее крупных ее представителей — Ренэ Уэллек, указавший на кризис методологических принципов компаративизма. В докладе на II Международном конгрессе в Чейпел-Хилл (1958) Уэллек подчеркнул, что «сравнительная литература возникла как реакция на национализм, выдвинутый значительной частью ученых XIX в., как протест против изолированности многих историков французской, немецкой, итальянской и др. литератур... Патриотические мотивы, лежавшие в основе работ сравнительного характера во Франции, Германии, Италии и т. д., вели, однако, к некоему культурному балансу, к стремлению каждого народа выяснить какой из них имеет наибольшее влияние на другие...» [13]. Так называемая «интернационалистическая» позиция Р. Уэллека была подвергнута критике в нашем литературоведении [14, 15]. Но, как показывает дальнейшее развитие буржуазной компаративистики, призыв Р. Уэллека перейти от изучения эстетических, этических или общественных ценностей литературы, ее связей с жизнью и идеологическим содержанием данного времени к исследованию литературного текста и его формальных достоинств, не был одиноким. Ориентация Р. Уэллека на методологию «пражского» структурализма, а также на традиции русского формализма, немецкой школы стилистики

и американской «новой критики» совпадает с позицией французского компаративиста Рене Этьембля, изложенной им в книге «Сравнение — не доказательство. Кризис сравнительного литературоведения» [16]. По его утверждению, предмет сравнительных исследований составляют формальные признаки литературного произведения — язык, стиль, жанр, в связи с чем в сравнительном литературоведении приобретают значение методы классической риторики, поэтики и метрики, а само оно развивается в сторону «сравнительной поэтики».

Все-таки, несмотря на определившийся в последние годы в буржуазной компаративистике выход из кризисной ситуации, по-прежнему остается расплывчатым само понятие области компаративистики. При этом спор ведется отнюдь не по вопросам терминологии («литературная компаративистика» или «сравнительное литературоведение»), а по поводу определения области научных исследований: какие явления при сопоставлении разноязычных литератур должны учитываться, какие методы анализа привлекаться.

По мнению американского ученого Гарри Ремэйка, изложенного им в статье «Сравнительное литературоведение: метод и перспективы», область сравнительного литературоведения составляет изучение инациональных литератур, т. е. литератур за пределами своей страны. Сравнительное литературоведение, считает Ремэйк, подразумевает как исследование межлитературных связей, так и взаимоотношений литературы с другими формами общественного сознания: философией, историей, социальными науками, религией и т. п. Кроме того, автора интересуют в качестве предмета сравнительных штудий «средства выражения, свойственные разным гуманитарным сферам» [17]. Идею о формальном подходе к изучению сравниваемых текстов, выдвинутую Уэллеком, развивает А. Родье, который трактует историю литературы как группу отдельно взятых текстов, иначе говоря как историю текстов [18].

Несмотря на то, что Этьембль, как и Уэллек, видит выход из кризиса компаративизма в развитии формалистических методов, в отличие от последнего он не перечеркивает исторического и социологического подхода к литературе. В целом позиция Этьембля остается открытой, она представляется более приемлемой, поскольку не страдает догматическим отрицанием марксистского литературоведения.

О возможном творческом синтезе историко-генетических и компаративистских методов анализа в этой области на основе принципов диалектического материализма пишут Р. Самарин, В. Смоховская-Петрова и другие. Работы ученых, занимающихся сравнительным литературоведением, свидетельствуют о стремлении пересмотреть принципы сопоставительного анализа, переосмыслить традиции сравнительного изучения литератур в свете новейших достижений науки о литературе².

Проблемы изучения межлитературных отношений широко освещаются на страницах литературоведческой и критической прессы, где, обмениваясь опытом, регулярно выступают ученые социалистических стран. В нашей стране статьи по данной проблематике регулярно публикуются в разного рода периодических изданиях. Трудно переоценить роль в развитии славистической науки органа литературоведов ГДР «Zeitschrift für Slavistik». В Польше аналогичную задачу выполняют «Slavia Orientalis», «Pamiętnik Słowiański» и др. Материалы по сравнительному литературоведению печатаются на страницах «Литературна мисъл» и «Език и литература» (Болгария), «Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae» (Венгрия), а также «Slavica», «Slavistica Slovaca», «Československa rusistika» (Чехословакия). Особо следует отметить роль польского журнала «Pamiętnik Literacki» (1968, № 3), на страницах которого были опубликованы статьи ученых разных стран (В. М. Жирмунского, И. Шётера, Д. Дюришина, Р. Уэллека и Р. Этьембля), дающие достаточно полное представ-

² Только за последние годы у нас были изданы книги теоретического и обобщающего характера, в которых в разных аспектах анализируются проблемы сравнительного изучения литератур [19—22]. Переведены книги ученых социалистических стран [23, 6].

ление о том, какие из проблем межлитературной коммуникации сегодня наиболее актуальны и какие точки зрения характеризуют представителей разных школ и направлений³.

Подходя к исследованию процесса литературной коммуникации с марксистских позиций, ученые социалистических стран не рассматривают литературные связи вне историко-литературного процесса. Они уделяют одинаковое внимание как совпадениям и аналогиям, так и различиям, стремясь выявить в общем развитии всемирной литературы национальные особенности каждой в ее «идейном и психологическом содержании, в мотивах и сюжетах, в поэтических образах и ситуациях, в особенностях жанровой композиции и художественного стиля, разумеется — с весьма существенными расхождениями, обусловленными различиями социально-исторического развития» [10, с. 54]. Исследования в области сравнительного литературоведения в настоящее время активно ведутся в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии. Характерно при этом, что ученые-слависты в нашей стране и в других социалистических странах интерпретируют сравнительно-сопоставительный метод как один из способов познания общей истории литературы. К ним, в частности, принадлежат Д. Ф. Марков, Н. И. Кравцов, И. Г. Неупокоева (СССР), Э. Георгиев (Болгария), Г. Цигенгайт (ГДР) и др.

При всех отдельных расхождениях ученые социалистических стран имеют, говоря словами Д. Дюришина, «единую методологическую базу, создавшую реальные предпосылки для сближения точек зрения и помогающую целенаправленной выработке объективных методических критериев и приемов» [6, с. 23]. С развитием науки о процессе литературного общения изменилось и содержание самого понятия сравнительное литературоведение. Если в прошлом под «сравнительным методом» подразумевали, по словам В. М. Жирмунского, только изучение так называемых «влияний» и «заимствований», т. е. литературных связей в прямом и узком смысле этого слова, то в настоящее время вопрос стоит иначе: почему эти связи возникают, какова их специфика и какую роль они играют в общем литературном процессе.

Труды В. М. Жирмунского, в частности его статья «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур» [10], явились ценным вкладом в развитие современной науки о сравнительном изучении литератур [28]. Развивая основные положения советского сравнительного литературоведения, И. Неупокоева сформулировала многие важные проблемы, стоящие сегодня перед учеными, в частности, проблему построения истории всемирной литературы, углубила представление о методе сравнительно-сопоставительного анализа, не ограничивая его содержание только изучением связей и зависимостей, а рассматривая этот метод как способ исследования общих закономерностей литературного процесса на основе марксизма. Точка зрения И. Неупокоевой близка взглядам многих наших ученых. Главная задача сравнительного исследования литератур, по мнению Д. Ф. Маркова, — установление «закономерностей литературного развития во всей его сложности и противоречивости, в многообразных соотношениях и борьбе различных идейно-эстетических тенденций в границах всемирной литературы» [9, с. 18]. Для чешского слависта Я. Мукаржовского «история национальных литератур неотделима от сравнительного литературоведения» [29]. О необходимости изучения литературного процесса на сравнительно-исторической основе, целью которого является раскрытие как общего, так и национально-специфического в художественных явлениях и в литературе в целом, пишет болгарский славист Г. Димов [9, с. 82]. Его коллега Э. Георгиев рассматривает сравнительный метод как необходимый элемент марксистско-ленинской методологии, считая, что он должен быть направлен на выявление общих закономерностей литературного развития. Причем, если по Э. Георгиеву национальную специфику можно выявить путем сопоставления типологических параллелей и раз-

³ Библиографию накопленного за последние 20 лет материала историко-литературного и теоретического характера см. [24—27].

личий между литературными [30], то И. Конев, подчеркивая роль типологических обобщений в изучении прямых литературных контактов и типологических схождений, выступает против опасности приравнивания понятия национальной специфики к явлению неповторимости [31]. По мнению А. Димы, сравнительное литературоведение, как любая другая дисциплина, «стремится выявить общие закономерности межлитературных связей, учитывая прежде всего общественно-экономические факторы при научной характеристике явлений» [23, с. 29]. Сам предмет сравнительного исследования, пишет И. Шётер, исключает возможность его познания только одним методом. Исходя из этого, Шётер выступает не только сторонником многоаспектного изучения литературного явления. Он выдвигает в связи с этим идею «комплексного сопоставления», под которой подразумевает литературоведческое сотрудничество специалистов разных стран [32].

Польские литературоведы высказывают суждение о том, что сравнительное литературоведение является областью исследований, в которой пересекаются различные гуманитарные дисциплины: история, фольклор, языкознание, философия, психология, социология, а способность этой науки сочетать различные методики анализа (историко-культурный, структурный, социогенетический, психологический) и является залогом ее перспективности [33]. Неоднократно указывалось и на перспективные возможности сравнительного метода [34].

Сегодня мы вряд ли встретим научную работу, в которой не применялись бы методы сравнительного анализа, однако до сих пор нет пока единого мнения по вопросу определения сравнительного литературоведения как самостоятельной научной дисциплины. Например, одни ученые считают сравнительное изучение литератур отдельным принципом исследования, а другие — самостоятельным разделом науки.

В нашем литературоведении сравнительный принцип был сформулирован и обоснован В. М. Жирмунским, который утверждал, что «сравнение ... это методический прием исторического исследования, который может применяться с разными целями в рамках различных методов, однако является необходимым для любой исследовательской работы в области исторических наук» [22, с. 67].

Развивая это положение, но интерпретируя его «в рамках национальной и в конечном счете в масштабе мировой литературы», Д. Дюришин главную цель сравнительных исследований видит «в установлении типологической сущности литературного явления (произведения, направления, процесса и т. п.)» [6, с. 68]. Советский ученый Ю. Богданов, однако, замечает, что «до сих пор нет единства мнений по вопросу включения в эту область материала внутри литературных (т. е. ограниченных пределами одной литературы) сопоставлений» [6, с. 10]. Точка зрения Д. Дюришина о наличии диалектических отношений между национально-литературным и межлитературным исследованиями совпадает с позицией эстонского ученого Н. Басселя [35].

Для югославского слависта А. Флакера без сравнительного метода невозможно построение истории литературы, которая, по его мнению, «... показывая историко-литературный процесс, не упускала бы из виду единство этого процесса внутри больших комплексов, выходящих за национальные рамки, и, указывая на общие закономерности, в то же время вскрывала бы национальное своеобразие каждого писателя и каждого произведения» [36]. В нашем литературоведении на эту точку зрения откликнулись Г. Я. Ильина [37] и И. К. Горский [38].

Вместе с тем другие ученые, например, Г. М. Фридендер, рассматривают сравнительное литературоведение как самостоятельный раздел науки о литературе наряду с историей и теорией литературы, поэтикой, стилистикой и т. д. [39]. Венгерский филолог Л. Нирё включает сравнительное литературоведение в область истории литературы [40]. Эти проблемы решаются также в работах чешских ученых, в частности, в монографии Й. Грабака [41], в многочисленных статьях и исследованиях ныне покойного К. Крейчи, который рассматривал сопоставительный анализ как неотделимый компонент в изучении истории литературы. Кстати сказать, его

статья [42] в настоящее время — единственный в своем роде опыт типологического сравнения и выявления жанровой специфики шедевров русской и польской литератур.

В настоящее время стремительное развитие сравнительного литературоведения, разнообразных форм и типов межлитературных отношений повлекло за собой неоднозначность многих его понятий и указанную выше терминологическую неточность. На это, в частности, обращает внимание Л. С. Кишкин [43]. В советском литературоведении существует определенное исследование сравнительно-сопоставительного характера как сравнительное изучение литератур. Правда, следует заметить, что сам термин в нашей науке оформился совсем недавно, по существу он вошел в научный обиход на конференции 1971 г., хотя вопрос о расплывчатости его содержания был поставлен еще десять лет тому назад И. Неупкоевой в статье «Некоторые вопросы изучения взаимосвязи и взаимодействия литератур» [10, с. 21], которая, стремясь провести четкие границы между буржуазной компаративистикой и марксистской наукой, выдвинула понятие «взаимосвязи и взаимодействие литератур». Впоследствии В. Жирмунский предложил охарактеризовать этот термин более точно: «литературные связи и взаимодействие» [10, с. 58]. Вместе с тем, в работах ученых социалистических стран по-прежнему остается активным и весьма распространенным термин компаративистика, который, на наш взгляд, благодаря своей емкости и лаконичности более удобен в научном обращении и не противоречит своим синонимам: сравнительное литературоведение, сравнительное изучение литератур⁴.

Не менее сложным представляется в современной науке и вопрос о наполнении понятия генетические и контактные связи, а также типологические схождения и исторические аналогии. В процессе развития теории литературной коммуникации обретают особый смысл проблемы восприятия литературы, литературной рецепции и т. п. Все это послужило важным стимулом к созданию определенной системы различных видов литературной коммуникации. Одной из первых существенных попыток такого рода обобщений оказалась классификация форм межлитературного процесса, предложенная В. М. Жирмунским: 1) простое сопоставление литературных явлений; 2) сравнение историко-типологическое; 3) сравнение историко-генетическое; 4) сравнение, устанавливающее генетические связи на основе культурных взаимодействий. И. Г. Неупкоева разграничила понятия литературные связи на генетические (или контактные) связи и типологические схождения. Н. И. Кравцов в статье «Итоги и задачи сравнительного изучения славянских литератур в русском литературоведении 60—70-х годов» рассматривает систему межлитературного процесса как: 1) сопоставление явлений литературы различных народов; 2) выявление в них общего, сходного и различного и 3) объяснение причин возникновения общности или сходства и различия [9, с. 44]. В то же время иную точку зрения по вопросу различения видов литературных связей высказывает М. Б. Храпченко, который считает сравнительное изучение литератур и литературную типологию самостоятельными областями. «Эти два подхода, — подчеркивает М. Б. Храпченко, — в определенной мере близки друг другу, но отнюдь не идентичны» [44].

Венгерский ученый Д. М. Вайда предлагает свою систему построения различных явлений межлитературной коммуникации: «На низшей ступени... стоит освещение отдельных частных связей... На более высокой — какого-либо отдельного процесса (восприятие, параллелизм,

⁴ В настоящее время в современном литературоведении существуют следующие понятия: «la littérature comparée», «la littérature general», «la littérature universelle» (фр. яз.); «comparative literature», «World Literature» (англ. яз.); «litteratura camparata» (итал. яз.); «litteratura comparada» (испан. яз.); «vergleichende Literaturwissenschaft», «vergleichende Literaturgeschichte», «Weltliteratur» (нем. яз.); «světová literatura», «porovnavací literatura» (чеш. яз.); «literárná komparatistika» (словац. яз.); «komparativna književnost», «poredbena književnost» (сер.-хорв. яз.); «literatura porównawcza», «porównawcze badania literackie», «komparatystyka literacka», «literatura ogólna», «literatura powszechna» (польск. яз.); «literatura comparată» (рум. яз.); «сравнительного литературознание», «литературоведение с повече измерения» (болг. яз.); «ószehasonlító irodalomtörténet» (венг. яз.).

аналогии). Далее следует сравнение литературных регионов и соответственно периодов их развития. Достигнутые частные результаты должны реализовать обобщающая история всей мировой литературы. Это — синтетическая вершина сравнительно-аналитических исследований» [45]. А. Дима классифицирует возможные, по его мнению, формы и типы межлитературных отношений следующим образом: 1) прямые отношения, или контакты между литературами; 2) параллелизмы, т. е. типологические схождения, не предполагающие генетического родства и 3) отношения зависимости, которые устанавливаются при сопоставлении литератур с целью выявления оригинальных структур каждой из них» [23, с. 121].

Более сложную схему различных аспектов сравнительного изучения литературы строит Д. Дюришин. В его классификации наряду с генетическими (контактными) межлитературными связями, национально литературными и типологическими схождениями учитываются определенные виды контактов (литературно-публицистические выступления, переводы, художественные произведения) и различные формы рецензий (аллюзия, заимствование, стилизованное подражание, филиация, плагиат, адаптация, перевод, литературная полемика, пародия, траверсы и т. п.) [6, с. 287]. Автор разграничивает литературные аналогии на генетические (контактные) связи и типологические схождения, подчеркивая, что «цели и предшествующая практика сравнительного изучения требуют последовательного разукрупнения компонентов в рамках этих двух сфер, предусматривая при этом классификацию явлений воспринимающей и воспринимаемой литературы, а также анализ и освещение наднационального развития литературы» [6, с. 102].

Все эти факты говорят о том, что сравнительное изучение литератур в последние годы составляет одно из ведущих направлений в литературоведении социалистических стран, существенный элемент в развитии таких аспектов науки о литературе, как теория литературной коммуникации, «тенология» — теория жанров, поэтика, фольклор, социология литературы, история литературы, психология творчества, семиотика и др.

О психологии и логике художественного творчества как предпосылке дальнейшего развития сравнительно-исторического изучения литератур пишет болгарский ученый П. Русев [9, с. 248—259]. Для литературоведов ГДР, например, одной из актуальных проблем сравнительного литературоведения является проблема диалектической связи между функцией, структурой и эстетическим воздействием литературы, ее взаимоотношения с читателем в социалистическом обществе. Об этом, в частности, пишет Г. Цигенгайт [9, с. 116—119]. Против методологической изолированности исторических реконструкций от диалектически иной интерпретации марксистского сравнительного литературоведения выступает также Р. Вейман [46]. На исторической поэтике, в основе которой лежат принципы сравнительных исследований, настаивал М. Бакош, развивая теорию А. Н. Веселовского [47].

В этом смысле немаловажный интерес для ученых социалистических стран представляет наследие «пионеров» сравнительных исследований. В настоящее время наблюдается возросшее внимание к трудам основоположников сравнительно-исторического метода: в нашей стране — А. Н. Веселовского [48]⁵, в ГДР — Гете⁶, в Болгарии — к работам И. Шишманова [49] и Б. Пенева [50], в Венгрии — Ш. Петефи⁷, в Поль-

⁵ Так, например, книга И. К. Горского о Веселовском [38], а также отдельные его статьи и заметки на эту же тему способствовали возрождению идей русского ученого в советском литературоведении. Эта монография, на наш взгляд, имеет важное значение как с исторической, так и с методологической точки зрения, она не только содержит необходимый материал об учении Веселовского, но демонстрирует дальнейшие пути развития его теорий, их преимущества и ограниченность на фоне современных дискуссий по вопросу сравнительного изучения литератур.

⁶ Мы не называем здесь работ ученых ГДР и других стран о творческом наследии Гете, число их достаточно красноречиво, заметим лишь попутно: знаменательно, что И. Неупокоева в качестве эпитафии к своей последней книге «История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа» взяла слова Гете: «Каждое решение какой-либо проблемы есть новая проблема».

⁷ На это, в частности, указывает советский унгарист О. К. Россиянов [9, с. 98]

ше — лекциям А. Мицкевича по истории славянских литератур [51], в Румынии — трудам Н. Йорги, С. Пушкарю, Н. Картожана [23, с. 66—89].

Наиболее активно изучается наследие представителей сравнительно-сопоставительного метода в Чехословакии. В работах ученых прослеживаются традиции первых чешских и словацких компаративистов: П. Шафарика и Л. Штура [52, 53]. Характерно, что и вопрос о пересмотре учения А. Н. Веселовского был поддержан также в Чехословакии: на конференции по фольклору (Прага, 1956) выступил Ф. Вольман с защитой позитивных сторон теорий А. Н. Веселовского [54]. Д. Дюришин рассматривает учение Веселовского как целый исторический этап в развитии форм межлитературной коммуникации. «В теории Веселовского, — подчеркивает он, — наибольшую ценность представляют его толкование исторической поэтики, концепция „встречных течений“, конкретность целей и результатов компаративного изучения литературы» [6, с. 57].

Современное состояние сравнительного литературоведения в зарубежных социалистических странах позволяет сделать вывод о том, что сегодня сравнительное изучение литератур в науке о литературе занимает существенное место. В то же время приходится констатировать, что существуют некоторые расхождения относительно определения содержания этого понятия: является ли оно отдельной дисциплиной в науке о литературе или только методикой исследования. Теоретическая систематизация и терминологическая упорядоченность, к которой стремятся современные ученые, как раз и будет способствовать, на наш взгляд, обретению сравнительным изучением литератур своего самостоятельного научного статуса.

Сравнительный подход и сравнительное изучение литератур не идентичны друг другу, как например, не тождественны между собой теория литературы и теоретический аспект исследования, социология литературы и социологический метод анализа. Они не противостоят друг другу, не исключают друг друга и уж тем более не противоречат друг другу, а находятся в отношениях части (определенный научный подход) к целому (определенная наука или область науки). И также как история литературы, теория литературы и т. п. — самостоятельные области в науке о литературе, вероятно, что и сравнительное литературоведение представляет собой одну из отраслей современного литературоведения, обладающую наряду с другими разделами науки о литературе своим объектом исследования, своими законами развития, характеристиками, системой и эволюцией. Правда, остается пока дискуссионным вопрос о предмете сравнительного изучения литератур. Одни ученые (в частности В. М. Жирмунский) считают объектом подобного исследования литературные связи и типологические схождения [55], другие — только литературные влияния (Б. Г. Рейзов) [56] или только литературные связи (М. Б. Храпченко) [44, с. 246].

Правда, стоит заметить, что сторонников столь узко трактуемого предмета сравнительного литературоведения в сегодняшней науке значительно меньше, чем ее противников. «... Историческая типология литературно-художественных структур, — пишет Д. Ф. Марков, — важнейший путь исследований, проведение которых является условием для создания подлинной истории отдельной национальной литературы и вместе с тем — базой для ее изучения в широком сравнительно-типологическом плане — в соотношении с историческим развитием других национальных литератур» [57]. С. Вольман также считает, что типология дает широкие и очень ценные возможности для литературных сопоставлений [9, с. 156]. Думается, что взгляд на литературные связи, типологию и влияния как на явления разных областей исследования не только не точен — поскольку подчас просто трудно провести границы между этими понятиями, он до некоторой степени противоречит логике развития сравнительного литературоведения, все более явно и властно заявляющего о широких границах своих «владений».

Д. Дюришин, например, расширяет границы традиционной интерпретации сравнительного изучения литератур, подразумевая под его объектом «...литературный процесс, который осуществляется через совокупность

взаимообусловленных национально-литературных и межлитературных связей и схождений, и в котором находит выражение поступательное движение мировой литературы» [6, с. 66—67]. А. Дима считает, что сравнительное литературоведение «изучает взаимоотношения различных литератур, иными словами прямые контакты, влияния, заимствования, типологические схождения, а также специфические процессы развития национальных литератур» [23, с. 94].

И. Шётер настаивает на включении в область сравнительного литературоведения изучения экономических и социальных основ, классовых позиций и связей с другими видами искусства [6, с. 95]. Точка зрения Шётера нам представляется наиболее перспективной. Она позволяет с большей точностью и глубиной выявить специфику литературных связей, которые, возникая в сфере культуры, оказываются подчас следствием изменений, происходящих в области экономической, политической и других сторон общественной жизни⁸.

К сожалению, ограниченные рамки данной работы не позволяют конкретно остановиться на анализе видов связей (контактных и генетических, «внешних» и «внутренних», литературных и межлитературных), типологических сходств и параллелей, различных форм восприятия литературы, инонациональной рецепции, теории перевода и т. д., словом, тех аспектах сравнительного литературоведения, которые играют сегодня заметную роль в науке о литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.
2. Cuvier G. Anatomie comparée. Paris, 1849.
3. Ritter K. Die Erkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte der Menschen, oder allgemeine vergleichende Geografie. Berlin, 1817—1818.
4. Noël F. Cours de Littérature comparée. Paris, 1818.
5. Pamiętnik Słowiński, 1978, t. 28, s. 19—61.
6. Дюринин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979, с. 35—59.
7. Сможовская-Петрова В. Сравнительного литературоведение на нов этап.— Литературна мисъл. София, 1973, № 6, с. 47—66.
8. Van Thiegem P. La littérature comparée. Paris, 1946.
9. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.
10. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. М., 1961.
11. КЛЭ. М., т. 7, с. 126—130.
12. Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
13. Wellek R. Kruzys literatury porównawczej. Pamiętnik Literacki, 1968, z. 3, s. 274.
14. Самарин Р. М. О современном состоянии сравнительного изучения литературы за рубежом.— В кн.: Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973, с. 161—173.
15. Самарин Р. М. О современном состоянии сравнительного изучения литератур в зарубежной науке. М., 1959.
16. Etiemble R. Comparaison n'est pas raison: La crise de la littérature comparée. Paris, 1963.
17. Remak H. Comparative Literature: method and perspectives. Illinois University Press, 1961.
18. Roddier H. Principes d'une histoire comparée des littératures européennes. RLC, 1963, № 2.
19. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.
20. Неупокоева И. Г. Проблемы взаимодействия современных литератур. М., 1963.
21. Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976.
22. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979.
23. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977.
24. Крацов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. МГУ, 1973.

⁸ В этой связи следует отметить также статью Л. С. Кипкина, опубликованную в Краткой Литературной Энциклопедии. В ней дана характеристика сравнительного литературоведения на современном этапе, намечены пути его дальнейшего развития. Объем энциклопедической статьи не позволил автору в равной степени развернуть все затрагиваемые проблемы. Стоит, однако, отметить, что в некоторых своих выводах эта статья перекликается с точкой зрения тех ученых, которые считают, что при изучении литературы следует учитывать ее связи с другими видами искусства и формами общественного сознания [58]. На наш взгляд, одна из главных особенностей методологии сравнительного изучения литератур — использование принципов и методов анализа других гуманитарных дисциплин.

25. Studia Polono—Slavica—Orientalia. Acta Litteraria 1. Wrocław a. e., 1974, s. 7—51.
26. *Константинович З.* О савременім теоріјама о упоредном проучавању књижевности. — В кн.: Упоредна истраживања. Београд, 1976.
27. *Ђурићин Д.* Дејини словенскеј литерárнеј компаратистики. Slavica Slovaca, 1968, № 2.
28. *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного эпоса. М., 1958.
29. *Мукаржовский Я.* О современных задачах исследования межлитературных отношений. — В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968, с. 9—33.
30. *Георгиев Э.* Литературоведение с повече измерения. София, 1974.
31. *Конев И.* Литературни взаимоотношения и литературен процес. София, 1974.
32. *Sötér J.* Of the comparatist method. Т. 2. Neohelikon, 1974, N 1—2, p. 9—10.
33. *Ruch Literacki*, 1966, z. 1.
34. Acta Litteraria, Budapest, 1962, s. 175—183.
35. *Бассель Н.* Некоторые методологические аспекты сравнительного изучения литературы. — Известия АН Эстонской ССР, т. 21, 1972, с. 196.
36. *Flaker А.* Književne poredbe. Zagreb, 1968.
37. *Ильина Г. Я.* Русско-хорватские литературные связи. — Вопросы литературы, 1970, № 6, с. 225.
38. *Горский И. К.* Александр Веселовский и современность. М., 1975, с. 30, 31.
39. *Фридлиндер Г. М.* О некоторых проблемах поэтики сегодня. — В кн.: Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972, с. 1.
40. *Nyirő L.* Problèmes de littérature comparée et théorie littéraire. Littérature hongroise, littérature européenne. Budapest, 1964, s. 505.
41. *Hrabák J.* Literární komparatistika. Praha, 1976.
42. *Krejčí K.* Heroikomiczna geneza «Eugeniusza Onegina» i «Pana Tadeusza». — Pamiętnik Literacki, 1963, z. 1—2.
43. *Кишкин Л. С.* О современном содержании понятия «сравнительное литературоведение». — Советское славяноведение, 1968, № 4, с. 31—39.
44. *Храпченко М. Б.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1975.
45. *Vajda Gy. M.* Goethe a világirodalom és összehasonlító irodalomtörténet. Helikon, 1970, 2 sz.
46. *Weimann R.* Gegenwart und Vergangenheit in der Literaturgeschichte. Ein Ideologiegeschichtlicher und methodologischer Versuch. Weimar Beiträge, H. 5, 1970, S. 47.
47. *Vakoš M.* Istoričeskaja poetika i istorija literatury. Slavica Slovaca, 1968, № 4.
48. Академические школы в русском литературоведении, гл. III. — В кн.: Сравнительно-историческое литературоведение. М., 1975, с. 202—300.
49. *Димов Г.* Иван Шишманов. София, 1964.
50. *Радев И.* Боян Пенев. София, 1976.
51. Pamiętnik Literacki, 1968, № 2, s. 41—55.
52. *Novotný J.* Jozef Šafařík, Praha, 1971.
53. *Juriček J.* L'udovit Stur. Bratislava, 1971.
54. *Wollman F.* Srovnávací metoda v literární vědě. — Slovenské Studie, 1959, № 2, s. 16.
55. *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. — В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960, с. 253.
56. *Реизов Б. Г.* Сравнительное изучение литературы. — В кн.: Вопросы методологии литературоведения. М.—Л., 1966, с. 170—217.
57. *Марков Д. Ф.* Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 38—39.
58. *Кишкин Л. С.* Сравнительное литературоведение. — КЛЭ, Т. 9. М., 1978, с. 707—710.

ПРОБЛЕМА КРИТИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ПЕРВОГО ПИСЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ

1. В настоящее время подавляющее большинство славистов считает, что первым письменным памятником кирилло-мефодиевской традиции был выполненный византийским миссионером Константином Философом в 860-е годы перевод греческой книги, относящейся, согласно принятой сейчас текстологами классификации, к лекционным типам Lesk. Автографа этого перевода или копий, снятых непосредственно с него, до нас не дошло, но именно к нему подавляющее большинство славистов возводит ряд сохранившихся рукописей, называемых «краткими апракосами».

Отдельные ученые высказывают сомнения в том, что Константин Философ в 860-е годы действительно выполнил приписываемый ему перевод (ср., напр., [1]). Но независимо от того, насколько обоснованы эти сомнения, славянская книга, к которой возводят так называемые «краткие апракосы», является, несомненно, древнейшим памятником славянской письменной литературы, о котором можно говорить с уверенностью. Поэтому вопрос о характере этой книги по праву занимает важнейшее место среди проблем, стоящих перед исследователями культурного наследия средневековых славян.

Очевидно, что единственным полноценным источником для решения вопроса о характере названной книги может быть лишь критическое издание, созданное на основе «кратких апракосов» — издание, которым славистика, к сожалению, до сих пор еще не располагает.

Предлагаемая статья имеет задачей кратко охарактеризовать сложившееся к настоящему времени положение с критическими изданиями древнейших славянских переводов (раздел 2), оценить взгляды славистов прошлого на общий характер и цели таких изданий и определить степень необходимой корректировки этих взглядов в наши дни (раздел 3), выделить главные проблемы, решение которых должно предшествовать созданию собственно критических изданий древнейших славянских переводов (раздел 4) и, наконец, указать возможные пути решения этих проблем (раздел 5).

2. Публикация отдельных рукописей, на основании которых можно делать те или иные заключения о характере древнейших славянских переводов с греческого, началась еще в первой половине XIX в. Во второй половине XIX в. такие рукописи начинают публиковаться вместе с вариантами для тех или иных мест, заимствуемыми из других рукописей. Но лишь в середине 1930-х годов Й. Вайс выпустил в свет четыре первых и до сих пор единственных критических издания древнеславянских переводов с греческого — издания, в которых основной текст является не типографским воспроизведением той или иной отдельной рукописи, а реконструкцией самого издателя, построенной путем комбинирования данных различных рукописей.

И. Вайс в своих изданиях, опубликованных в вышедшей в Праге с 1927 г. серии «*Kritické studie staroslovanského textu biblického*» не ставил задачей реконструировать какой-либо реально существовавший памятник древнеславянской письменности, поэтому его основной текст — это а б с т р а к ц и я, не связанная обязательным соответствием с тем или иным типом древнеславянских книг.

Еще большими недостатками этих критических изданий древнеславянских переводов с греческого являются следующие. Во-первых, И. Вайс не приводит полностью всех вариантов из использованных им древнеславянских рукописей. Во-вторых, в своей реконструкции он выступает как «грекоцентрист». Его главной целью было реконструировать не столько древнеславянский перевод как явление славянской культуры, обращенное прежде всего к славянам, сколько древнеславянский перевод как отражение греческого текста определенного типа.

3. В последние годы благодаря введению в научный оборот не известных ранее материалов по истории отечественной славистики начала нашего столетия появилась возможность сказать, что русскими учеными были разработаны принципы критического издания древнеславянских письменных текстов, коренным образом отличавшиеся от принципов И. Вайса и нашедшие отражение в программе деятельности Комиссии по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции (Комиссия работала в 1915—1929 гг. сначала в Петрограде, а с 1921 г. — в Москве). Важнейшим пунктом программы Комиссии было издание критических текстов, каждый из которых обязательно соответствовал определенному типу древнеславянских книг. Иными словами, Комиссия намеревалась — в отличие от И. Вайса — осуществлять критические издания именно древнеславянских письменных памятников (а не абстрактных «текстов», отражаемых в этих памятниках). Вот почему сотрудники Комиссии были обязаны постоянно иметь в виду конкретные типы славянских рукописей.

Эти не известные ранее славистам факты позволяют, рассматривая сейчас проблему критического издания первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции, брать за основу теоретические положения, выработанные Комиссией и прежде всего фактическим руководителем ее И. Е. Евсеевым (ср. [2, 3]).

Но при этом, разумеется, необходимы определенные коррективы — прежде всего, когда речь идет о главной цели, которая должна быть достигнута выпуском критических изданий древнеславянских письменных памятников. Комиссия полагала, что ей удастся осуществить в первую очередь реконструкцию переводов, выполненных Константином Философом (Кириллом) и его братом Мефодием. Так, И. Е. Евсеев в 1916 г. писал: «Общая схема научного издания славянского текста малых пророков мне представляется в следующем виде: 1. На первом месте будет стоять древнейшая редакция... Она должна быть восстановлена по Паримийникам. Будет содержать отрывочные чтения из пророков. Это — рука... Кирилла. 2. На втором месте будет стоять полная редакция, затерянная в списках. ... Это — рука... Мефодия» [4, д. 1, л. 178]. Однако представляется, что в наши дни вопрос о реконструкции кирилло-мефодиевских автографов должен быть снят с повестки дня. В этой связи нужно обратить особое внимание на следующее: хотя у текстологов, работающих с памятниками грекоязычной раннехристианской литературы, точно так же, как и у текстологов, имеющих дело с их древнеславянскими переводами, нет ни автографов изучаемых произведений, ни копий, снятых непосредственно с этих автографов, текстологи, занимающиеся грекоязычными памятниками, находятся в значительно лучшем положении, чем их коллеги-слависты и с точки зрения количества имеющегося в их распоряжении рукописного материала и с точки зрения разработанности методов изучения последнего. И тем не менее в настоящее время задача реконструкции первоначального облика памятников раннехристианской литературы, написанных на греческом языке, считается принципиально неразрешимой. «Относительно Павловых Посланий, — говорит по этому поводу один из ведущих современных текстологов М. Блэк, — самое

большее, на что мы можем надеяться — это восстановить текст, который был отредактирован и выпущен в свет неизвестным составителем и редактором первых десятилетий второго века, впервые составившим канонический Павлов „корпус“ и подготовившим его к распространению. О том, насколько такой текст отражает оригинальные слова... мы можем, конечно, строить предположения, но мы не можем никогда знать это наверняка» [5, р. 1]. Аналогично этому следует считать столь же неразрешимой и задачу реконструкции первоначального облика древнейших славянских переводов с греческого. Но кроме этой аналогии, есть и дополнительные аргументы в пользу подобной точки зрения.

Текстологи-профессионалы настойчиво подчеркивают, что необходимой предпосылкой правильной оценки разночтений рукописей (без чего невозможно обоснованное предпочтение одного из них всем остальным и тем самым невозможна никакая реконструкция) являются исторические знания [6, р. 217], настоятельно указывают, что любое текстологическое построение основывается в конечном счете на тех или иных предположениях относительно истории изучаемого текста [7, р. 43, 77]. Нельзя сказать, что в славистике отсутствуют концепции истории древнейшей славянской письменной культуры. Однако, если, например, познакомиться с критическими высказываниями Л. П. Жуковской в адрес О. Неделькович или с ответом Л. П. Жуковской на критику в ее собственный адрес со стороны Н. Б. Тихомирова [8, с. 121—128, 264—269], то становится очевидным, что ни автор той или иной концепции, ни тот, кто с ним полемизирует, не могут пока привести в пользу своей правоты действительно убедительные исторические доказательства. В частности, что касается первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции, никто из славистов не располагает пока историческими данными для убедительного ответа на следующие важнейшие вопросы: 1) каков конкретно был текст лекционария, переводом которого являлся названный славянский памятник, и 2) каким был метод перевода этого текста. А без таких данных любой разговор о реконструкции «кирилло-мефодиевских автографов» является, по меньшей мере, лишь благим пожеланием. Решать же, скажем, вопрос о «греческом оригинале первого перевода Константина Философа» на основании лишь сопоставления данных сохранившихся греческих и славянских рукописей невозможно по ряду причин. Так, общеизвестно, что среди греческих рукописных книг типа *Lesk* (как и вообще среди лекционариев) нет даже двух с одинаковым текстом, точно так же, как нет даже двух «кратких апракосов», текст которых был бы одинаков. Единственное, что можно сделать в этой ситуации без привлечения внешних исторических данных — это установить пары, состоящие из одной греческой и одной славянской рукописи с максимальным сходством текста. Но при этом всегда следует иметь в виду, что в текстологии аксиомой является положение, что «сам процесс создания перевода часто делает неясной текстуальную основу последнего, и сходства (для данного случая: сходство греческих и славянских рукописей.— *К. Л.*) могут быть просто случайными, особенно если перевод является относительно свободным» [9, р. XXXII].

Поэтому главная цель, которая может быть реально достигнута в наши дни выпуском критических изданий древнеславянских письменных памятников, должна быть сформулирована иначе. В случае первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции целью должна быть не реконструкция «автографа Константина Философа», а установление тех редакций этого памятника, которые могут быть выделены при систематизации данных дошедших до нас «кратких апракосов», без претензии на то, чтобы какую-либо из этих редакций, даже старейшую, объявлять «кирилловской». Последняя оговорка особенно необходима, поскольку старейшую из редакций, которые могут быть выделены на основании «кратких апракосов», в условиях отсутствия достоверных исторических сведений о славянской письменной культуре второй половины IX в., можно с одинаковой степенью вероятности считать и «кирилловской», и «послекирилловской», созданной на основе предшествующей ей и не

отражаемой сохранившимися рукописями кирилловской», и наконец вообще «некирилловской», даже генетически.

4. Установлению редакций, отраженных в дошедших до нас «кратких апракосах», обязательно должно предшествовать, во-первых, определение основы для критических сопоставлений рукописных данных, во-вторых, уяснение возможности предварительной группировки используемых рукописей.

Комиссия по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции, судя по всему, считала оба эти вопроса очень важными, однако смогла рассмотреть их лишь предварительно. Так, уже на учредительном собрании Комиссии 28 января 1915 г. ставился вопрос о наискорейшем издании ряда рукописей, «чтобы иметь тексты для подведения к ним вариантов» [4, д. 1, л. 24], но отбор этих рукописей никак не обосновывался. На первом общем собрании Комиссии, состоявшемся на следующий день, И. Е. Евсеев выступил, среди прочего, с негативной оценкой основных критических изданий конца XVIII—XIX вв. (Р. Хоумза и Дж. Парсэна, К. Тишендорфа) в связи с тем, что использованные в этих изданиях «для разночтений многие сотни рукописей... объединены самым элементарным способом под одним основным списком в самых разнообразных и причудливых сочетаниях, без всякой попытки подметить и указать какую-нибудь систему в этих сочетаниях» [4, д. 3, л. 66—67]. Вместе с тем И. Е. Евсеев поставил в пример издателей «Геттингенской Септуагинты», которые признали «необходимым предварительно изучить рукописный материал и внести в него надлежащую классификацию» [4, д. 3, л. 67]. Интересно, что хотя современные текстологи считают принципиально неосуществимой ту цель, которую ставили перед собой издатели «Геттингенской Септуагинты» (реконструкция оригеновской, лукриановской и исихиевской рецензий текста Семидесяти), они высоко оценивают проведенную в рамках геттингенского проекта работу по классификации многих греческих рукописей [10, р. 164—167].

Что касается предлагавшихся самим И. Е. Евсеевым принципов группировки славянских рукописей, то они определялись его убеждением, что, поскольку «наши тексты почти все переведены с греческого», главным способом «для уяснения течений в наших славянских текстах» является не использование «языковых» или «графических» признаков, а точное установление оригинала перевода. «Отыскание оригинала,— утверждал И. Е. Евсеев,— сразу ставит славянский текст известного извода в определенное русло. Наибольшая степень соответствия перевода с оригиналом даст возможность установить основное русло перевода и определить последовательный ряд списков, наиболее точно отражающих первоначальный вид перевода; характер отклонений от оригинала в такой же степени будет говорить о степени отдаления известного славянского списка от его основного русла... Уяснение указанным путем основного извода славянского... текста в значительной степени облегчает ознакомление и использование всех известных списков этого извода. Достаточно выписать наиболее характерные пробные стихи..., проверить по этим пробным местам все списки..., и **общий** характер сохранности текста извода в каждом списке, а вместе с тем и степень близости каждого списка к основному руслу извода будет определена вполне ясно. По этим пробным отметкам можно составить разрядный список всех рукописей по степени их важности, и для восстановления извода возможно воспользоваться первыми номерами этого списка, пятью-шестью списками... Остальные списки, как несамостоятельные свидетели текста, могут быть совершенно оставлены без привлечения в издание: вид и значение извода от этого несколько не пострадают» [4, д. 3, л. 73—75].

Как и главная цель, которую ставила Комиссия, взгляды И. Е. Евсеева на возможность предварительной классификации славянских рукописей должны быть подвергнуты сейчас определенной корректировке. Безусловно, очень интересна его идея «разрядного списка». Однако классификационная оценка славянских рукописей того или иного памятника методом их прямого сопоставления с греческим оригиналом этого памятника

представляется вряд ли осуществимой. Вопрос о конкретных греческих оригиналах для большинства славянских переводных памятников до сих пор остается открытым. Кроме того, здесь уместно повторить уже приводившуюся выше текстологическую аксиому: «сам процесс создания перевода часто делает неясной текстуальную основу последнего, и сходства могут быть просто случайными».

5. Как же в наши дни следует в применении к «кратким апракосам» решать вопросы об основе для критических сопоставлений рукописных данных и о возможности предварительной группировки используемых рукописей?

В 1899 г. комитет ученых под руководством В. Антониадиса приступил к изучению греческих лекционариев с целью выработать основанный на лекционариях текст. Такой текст был издан впервые в 1904 г. в Константинополе. В 1933 г. начала выходить серия публикаций, специально посвященная греческим лекционариям и отражающая результаты работ, проводившихся группой американских текстологов на основе методологических положений, выдвинутых в 1928 г. Э. К. Колвалом¹. В результате сейчас имеется возможность составить достаточно ясное представление о характере греческого лекционарного текста. Более того, опубликованные материалы позволяют создать такую текстологическую конструкцию, как «общий текст» для лекционариев типа Lesk. Используя же древнейшие «краткие апракосы», можно создать славянскую кальку этого «общего текста», которую и представляется наиболее целесообразным использовать в качестве основы для критических сопоставлений рукописных данных — разумеется ни в коем случае не называя ее «реконструкцией протографа» или еще чем-либо в таком роде.

Создавать славянскую кальку «общего текста» лекционариев типа Lesk можно, например, изменяя в соответствии с этим «общим текстом» текст такого известного «краткого апракоса», как Остромирово Евангелие. Так, чтобы создать на основе листов 127—128 данной славянской рукописи соответствующую часть славянской кальки «общего текста», следует, исходя из материалов, опубликованных в части 1 тома II серии «Studies in the Lectionary Text», изменить 1) трѣбока на потрѣбѣж имѣла ѳетѣ, 2) иже вѣдѣхъ съ нимъ на иже съ нимъ, 3) храмъ на домъ, 4) ѣщциимъ съ нимъ на съ нимъ ѣщциимъ, 5) възста а не на възста не, 6) члѣцкзи ѣжвотѣ на члѣцкзи и ѣжвотѣ, 7) ржкж имъ на имъ ржкж, 8) на на кззгѣжта на кззгѣжта на на, 9) имѣщцоуоумоу соухъ на соухъ имѣщцоуоумоу, 10) добро творити на добро сътворити и 11) ѣко и другата на ѣко другата.

Необходимо подчеркнуть, что варианты — результаты замен 3 и 10 представлены в другом известном «кратком апракосе» — Ассеманиевом Евангелии, а варианты — результаты замен 1, 2, 6, 7, 9 и 11 представлены в поздних славянских текстах калькирующего типа. Следовательно, славянская калька «общего текста» лекционариев типа Lesk оказывается содержащей в себе такой набор вариантов, которые в подавляющем большинстве будут по отдельности обнаруживаться в не использовавшихся при ее создании тех или иных конкретных славянских рукописях. Иными словами, полученная текстологическая конструкция оказывается имеющей известную «предсказующую силу». Это свойство текстологической конструкции, о которой идет речь, может быть дополнительно усилено, если к кальке «общего текста» добавить кальки так называемых «вариантов меньшинства» греческих лекционариев. Так, варианты глѣта ѣа оучителю (в дополнение к глѣта ѣа ѣказано оучителю) и кзде жикѣши и оу него прѣвѣста (в дополнение к кзде жикѣши гла има прѣвѣта и видѣта прѣвѣта же и видѣта кзде жикѣше и оу него прѣвѣста), которые можно добавить, исходя из материалов, опубликованных в ча-

¹ Автор пользуется случаем выразить признательность д-ру Б. М. Метцгеру, д-ру Ю. А. Найде и д-ру А. Ст. Хелиотису за помощь в ознакомлении с отсутствующими в библиотеках СССР константинопольским изданием 1904 г. и серией «Studies in the Lectionary Text of the Greek New Testament».

сти 4 тома II серии «Studies in the Lectionary Text», к созданной на основе листов 6—7 Остромирова Евангелия части славянской кальки «общего текста», представлены: первый — в рукописях БАН Никольск 2, ГПБ Погод 11, ГПБ Погод 16 и ГПБ Q п I 23, второй — в рукописи ГПБ Q п I 26.

Теперь о возможности предварительной группировки рукописей, данные которых критически сопоставлялись бы со славянской калькой «общего текста» лекционариев (к которой могут быть присоединены «варианты меньшинства»). Мнение, что подобная группировка не только возможна, но и настоятельно необходима, было высказано в последнее время Л. П. Жуковской. «Спискам Евангелия,— пишет она,— присущи и разный состав, и разная последовательность составных частей, и неодинаковое членение на самостоятельные отрывки, предназначенные для чтения в тот или иной день года. Наличие нескольких сотен рукописей, содержащих этот памятник, потребовало не только обычного текстологического анализа их, но и стоящего над ним анализа „типологического“, представляющего, на наш взгляд, особый вид текстологического» [8, с. 351]. При этом под «типологическим анализом» Л. П. Жуковская понимает «такую часть текстологического исследования, которая охватывает лишь элементы структуры изучаемых списков одного и того же по происхождению памятника» [8, с. 19]. Вследствие этого, говоря о первой по важности, с ее точки зрения, «текстологической примете», она подчеркивает, что «главное внимание уделяется компоновке отдельных составных частей текста» [8, с. 21]. Однако в одном из разделов своей работы, озаглавленном «Группировка рукописей X—XI вв. по краткоапракосным чтениям» [8, с. 253—263], она фактически признала невозможность применения «лингвотекстологического метода» к древнейшим «кратким апракосам», так как, по ее же собственным словам, в отношении «набора чтений» и «южнославянские рукописи... не предстают как единство», и «русские рукописи... тоже не оказываются вместе, как противостоящие... южнославянским рукописям, вместе взятым или каждой из них в отдельности».

Невозможность применения «лингвотекстологического метода», предложенного Л. П. Жуковской, к «кратким апракосам» вряд ли случайна. Еще члены комитета В. Антониадиса заметили, что в пределах одного и того же лекционария могут быть соединены части, представляющие разные типы текста и восходящие к разным рукописям. Гетерогенность текста лекционариев стала аксиомой для Э. К. Колвэла и его последователей, и, исходя из этой аксиомы, они предложили неоднократно оправдавший себя впоследствии путь исследования лекционарных рукописей. Прекрасно зная, что лекционариям присуще «большое разнообразие содержания» и что «это разнообразие содержания... идет рука об руку с разнообразием текстуальных особенностей», они, тем не менее, не поставили над текстологическим анализом чего-либо вроде «типологического анализа», и перспективы раскрытия истории лекционарного текста видели не в изучении компоновки лекционарных рукописей, а в обработке этих рукописей «по чтениям».

«Краткие апракосы» обнаруживают не меньшую гетерогенность, чем лекционарии. Хорошим примером этого может служить чтение I/7 в кириллической рукописи ГПБ Q п I 26, датируемой XIV в. В начале чтения проставлен номер Аммониевой главы — 24. Простановка номеров Аммониевых глав в начале чтений — особенность, присущая меньшинству «кратких апракосов», причем в это меньшинство входят и рукописи наиболее старые — такие, как Остромирово Евангелие, Ассеманиев Евангелиарий, Саввина книга. Интересно, что в данном случае номер «24» совпадает с номером чтения I/7 даже не в кириллическом Остромировом Евангелии (где стоит «25»), а в глаголическом Ассеманиевом Евангелиарии. Однако наряду с этой архаичной чертой, ГПБ Q п I 26 дает в том же самом чтении вместо *енонз* (Остр., Асс., некоторые другие «краткие апракосы») совершенно неожиданное *нерданз*, вместо *саммз* (Остр., Асс.) — представленное в большинстве, «кратких апракосов» (*и*)*ероусалммз*,

вместо *рѣчки* (Остр., Асс., большинство остальных «кратких апракосов») — редкое *оучителюу*.

Текстуальная гетерогенность и лекционариев и «кратких апракосов» обязана, по-видимому, прежде всего, отсутствию жесткой повсеместной регламентации содержания этих книг. Отсутствие таковой открывало широкий простор для творчества создателей конкретных рукописей (если, конечно, речь не шла о простой механической переписке): они сами в соответствии с какими-то неизвестными нам местными или личными соображениями отбирали источники для своей работы. Ставить «типологический анализ» над текстологическим можно было бы лишь в том случае, если бы существовали неопровержимые данные, что при создании «кратких апракосов» компоновка книги обязательно связывалась с тем или иным типом текста. Но таких данных ни у кого из славистов нет, факты же (вроде приведенного выше) показывают, что создатели этих рукописей нередко мешали «старое и новое вино» и вливали эту смесь как в «старые», так и в «новые мехи».

Таким образом, при подготовке критического издания первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции нужна не типологическая классификация «кратких апракосов», проводимая лингвотекстологическим методом, а анализ привлекаемых рукописей по чтениям.

Каждое конкретное чтение в той или иной из привлекаемых рукописей может быть охарактеризовано количеством вариантов в нем по сравнению с соответствующим чтением в славянской кальке «общего текста» лекционариев типа Lesk. Если, например, взять чтение IV/1 по кальке «общего текста», Остромирову Евангелию, Ассеманиеву Евангелиарию и Саввиной книге, то картина будет следующей:

калька	Остр.	Асс.	Савв.
врѣмѣ оно		оно врѣмѣ	оно врѣмѣ
сжботы			сжботж
и фарисей			фарисей же
творять			творитъ
сжботы			сжботж
и тѣ			онъ же
николиже чѣли			чѣли николиже
потребѣж имѣль			
иствѣ	трѣбовѣ	трѣбовѣ	трѣбовѣ
иже съ нимъ	иже вѣхѣж съ нимъ	иже вѣхѣж съ нимъ	иже вѣхѣж съ нимъ
домъ	храмъ		храмъ
авнагарѣ		авнагарѣ	авнагарѣ
прѣдъложенна			прѣдъложенна
съиствѣ			иствѣ
нереомъ и		нереомъ	
и дасть и съ	и дасть и	единѣмъ и	(отсутствует)
нимъ	сжцинимъ	и дасть и	
сжцинимъ	съ нимъ	сжшцимъ	
вѣствѣ не	вѣствѣ а не	вѣствѣ а не	вѣствѣ а не
и	(отсутствует)	(отсутствует)	(отсутствует)
имъи ржкж	ржкж имъи	ржкж имъи	ржкж имъи
сжботы		сжботж	сжботж
възгѣжтъ	на нь	на нь	на нь
на нь	възгѣжтъ	възгѣжтъ	възгѣжтъ
соухѣж	имжцоуоумоу	имжцоуоумоу	имжцоуоумоу
имжцоуоумоу	соухѣж	соухѣж	соухѣж
посрѣдѣ и		сжботж	посрѣдѣ ихъ и
сжботы			сжботж
сѣтворити	творити		творити
сѣтворити		(отсутствует)	творити
сѣ			
срѣца		срѣца	срѣца
престрѣ и		престрѣ тѣ и	
сѣдрава			цѣла
иже дроугаи	иже и дроугаи	ѣже и дроугаѣ	иже и дроугаи

Именно здесь кажется целесообразным применить идею «разрядногo списка» рукописей, предложенную И. Е. Евсеевым. Отнесение конкретной рукописи к тому или иному разряду (следует настоятельно подчеркнуть — не вообще, а по отношению к чтению, в критическом аппарате которого будут использоваться данные этой рукописи) будет определено, в таком случае, количеством вариантов, которые наличествуют в этой рукописи по сравнению со славянской калькой «общего текста».

На только что приведенном примере (чтение IV/1) нетрудно показать познавательную ценность критического аппарата, где разряд рукописи определяется подобным образом. С одной стороны, количество вариантов по сравнению с калькой не может не характеризовать стиль создателя рукописи (или, если рукопись просто механически переписывалась, — стиль создателя оригинала, лежавшего перед переписчиком). Так, при рассмотрении аппарата к чтению IV/1 очевидно, что создатель Саввиной книги или ее оригинала либо не придерживался калькирующего метода перевода, либо имел перед собой греческий оригинал, не содержащий текста, близкого к «общему тексту» лекционариев типа Lesk. С другой стороны, сопоставление набора вариантов, извлеченных из рукописи одного разряда, с набором вариантов из рукописи другого разряда, не может не давать хотя бы предварительного представления о текстологическом соотношении этих рукописей. Так, если в приведенном выше примере исключить варианты, общие для Остромирова Евангелия, Ассеманиева Евангелиярия и Саввиной книги, то у первой рукописи останется 3 варианта, у второй — 9, у третьей — 19 вариантов, причем из этих 3 вариантов Остромирова Евангелия 2 имеют соответствия среди вариантов Саввиной книги и 1 — среди вариантов Ассеманиева Евангелиярия. Из 9 вариантов Ассеманиева Евангелиярия 5 соответствуют вариантам Саввиной книги и 1 — варианту Остромирова Евангелия. Из 19 вариантов Саввиной книги 5 оказываются соответствующими вариантам Ассеманиева Евангелиярия и 2 — вариантам Остромирова Евангелия. Это не может не наводить на мысль о существовании в кругу данных трех рукописей несколько большей текстологической связи Ассеманиева Евангелиярия с Саввиной книгой, чем того же Ассеманиева Евангелиярия с Остромировым Евангелием (разумеется, пока только в отношении к чтению IV/1).

Естественно, что в критическом аппарате разряды одних и тех же рукописей и текстологические соотношения между ними будут меняться при переходе от чтения к чтению. Это с необходимостью вытекает из признания факта гетерогенности «кратких апракосов».

Именно работа по созданию критического аппарата к славянской кальке «общего текста» лекционариев типа Lesk позволит в конечном счете установить редакции, отраженные в дошедших до нас «кратких апракосах», и тем самым дать исследователям новый материал для решения важнейших проблем истории славянской письменной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tachiaos A.* — *E. N. L'oeuvre Litteraire de Cyrille et de Methode d'après Constantin Kostenecki.* — *Balkan Studies*, 1973, 2, p. 293—302.
2. *Логачев К. И.* Отечественная кирилло-мефодиевская текстология в 1910—1920-е годы. — *Советское славяноведение*, 1977, № 4, с. 66—80.
3. *Логачев К. И.* Первый этап развития советского славяноведения. Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1979.
4. *ЛЮ ААН СССР*, ф. 109, оп. 2.
5. *Black M.* The Beginnings and the Classical Period of New Testament Textual Criticism. St. Andrews, 1973.
6. *Metzger B. M.* The Text of the New Testament. Second Edition. New York and Oxford, 1968.
7. *Buck H. M. Jr.* Johannine Lesson in the Greek Gdspel Lectionary. Chicago, 1985.
8. *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
9. *The Greek New Testament.* Third Edition. United Lible Societies, 1975.
10. *Roberts B. J.* The Old Testament Text and Versions. Cardiff, 1951.

ГЕРД А. С.

АРЕАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТОВ XV — XVI ВЕКОВ

С 1962 по 1977 годы коллективом ленинградских филологов впервые в славистике было осуществлено широкое сопоставительное изучение древнеславянских текстов XI—XVI веков на статистической основе, результаты которого изложены в двух монографиях [1, 2]. Учитывая небольшие тиражи этих книг, в данной статье, использующей полученные результаты для целей ареальной типологии, уместно напомнить об исходном материале, методике исследований и основных выводах авторов.

Обследованию были подвергнуты 104 наиболее авторитетных славянских источника XI—XVI вв., в частности такие, как Евангелия — Зографское, Мариинское, Остромирово, Мирославово, Галицкое, Добрейшево, Вуканово, Саввина книга; Псалтыри — Синайская, Чудовская, Погодинская, Болонская, Симоновская, Софийская, Бухарестская; Изборники 1073 и 1076 гг.; Синайский патерик; Новгородские минеи; Апостолы — Охридский, Слепченский, Толковый 1220 г., Шишатовский; Жития — Ф. Печерского, Бориса и Глеба, Нифонта, Саввы Освященного; Летописи — Новгородская, Псковская, Суздальская; сочинения Евф. Тырновского, Синодик царя Борила, Мерило Праведное, Манасиева хроника, Повесть временных лет; большой объем актовой литературы Москвы, Пскова, Новгорода, Западной Руси, Сербии, Хорватии, Боснии, Дубровника, Польши, Чехии; Домострой, Русский судебник 1589 г.; Полицский статут; ряд «Хождений»¹.

Объем выборки по одному тексту (автору, локальному центру) — 12000 словоупотреблений; общий объем всех выборок по XI—XVI вв. — свыше 1200000 словоупотреблений. Использовались только тексты, известные из современных им памятников. Все источники были распределены хронологически, ареально и в жанровом отношении.

Для каждого текста (12000 словоупотреблений) в упомянутых монографиях приводится полный список всех зафиксированных флексий и их частот.

Каковы основные выводы авторов этих книг? Развитие именного склонения шло отнюдь не по прямому пути унификации и устранения дублетных форм. Активные типы (старые *o*-основы м. р. и ср. р., старые *a*-основы ж. р.) во мн. числе всегда обнаруживают больше флексий, чем в ед. числе, слабые — наоборот. Во всех источниках, независимо от жанра, времени и места их написания, отмечены высокочастотные типы форм, которые восходят к праславянским и являются во всех славянских текстах сильными элементами парадигмы. Основной костяк именной парадигмы в XI—XVI вв. остается ненарушенным, сохраняя морфологические контуры праславянской парадигмы. Особых флексий, которые были бы ха-

¹ Список использованных повествовательных и конфессиональных источников XV—XVI вв. см. в конце статьи.

рактены только для какого-то одного славянского текста, нет. Деловые, летописно-хроникальные, повествовательные, конфессиональные тексты противопоставляются друг другу не по наличию или отсутствию определенных флексий, а прежде всего по их относительной частоте. В этой связи весьма показательны, что параллельный, достаточно широкий анализ именного склонения в славянских диалектах также свидетельствует о том, что основные сильные (праславянские) элементы парадигмы представлены во всех диалектах (кроме болгарских) от Белого моря на севере до Адриатического на юге [3].

В XI—XVI вв. большая часть низкочастотных и среднечастотных неисконных флексий падает на болгарские и сербские памятники. По реестру низкочастотных флексий и статистике их употребления русский язык в известной мере противопоставлен болгарскому и сербскому.

В XIV—XVI вв. по частоте отклонений от системы первых старославянских (древнеболгарских) памятников выделяются две группы источников — западнорусские и сербохорватские; первые наиболее консервативны, вторые наиболее динамичны.

Летописи во многом представляют жанр наиболее устойчивый и традиционный. В то же время ни один текст, даже конфессиональный, в XIV—XVI вв. не проявляет строгого следования старославянской системе именного склонения.

Новые (по сравнению со старославянскими) флексии шире всего представлены в XV—XVI вв. в Пскове, Бресте, Вильне, Остроге, Пересопнице, в Польше, Чехии. Показательно, что и из современных славянских диалектов наибольшее разнообразие флексий характерно для говоров Польши, Чехословакии.

Основные тенденции в эволюции славянского именного склонения связаны с противопоставленностью жанров, типов текста (деловой, летописно-хроникальный, конфессиональный), типа основ, а не с различием по хронологии или по ареалу.

Таким образом, в названных монографиях содержатся материалы по эволюции славянского именного склонения, по собственно морфологической интерпретации данных, по характеристике жанровых и хронологических различий. Однако, учитывая специфику подачи этих материалов — книги построены в виде справочников, своеобразных морфологических частотных словарей — представляется, что собранные факты во многом нуждаются в дальнейшем раскрытии и интерпретации. Нет в этих монографиях, в частности, и эксплицитного представления ареально-типологического распределения текстов внутри одного жанра.

Всем этим и определяется цель настоящей статьи — наметить ареальную типологию славянских текстов XV—XVI вв. в пределах только конфессионального и повествовательного жанров.

Статистически сильными являются праславянские формы единственного числа. Исходя из этого, представим ниже группировку славянских текстов XV—XVI вв. по данным склонения в единственном числе.

Подобная задача требует перегруппировки части материала, представленного в [2], в форме частотных списков флексий по ареалам и конкретным текстам. В большинстве случаев именно ранговое распределение текстов по убыванию частот флексий уже достаточно наглядно группирует тексты в ареальном отношении. Приведем эти данные.

Род. падеж о-основ м.р. — флексия -а/-я/-а

365 — М., 15, Задонщина ²	146 — ЗР., 16, Перес. ев.
300 — О., 16, Василий	135 — П., 16, пов.
266 — М., 15, Иосиф Волоцкий	135 — П., 16, Скарга
243 — Псков, 16, Пов. о Батории	130 — Б., 15, Константин Кост.
236 — Н., 15, пов.	122 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского

² Здесь и ниже в списке слева — абсолютная частота флексии на 12000 словоупотреблений, далее сокращенное обобщенное название ареала текста, указание на век и текст (или тип текстов в их совокупности).

218 — М., 16, Степенная книга
 217 — М., 16, пов.
 208 — ЗР., 16, Иван Вишенский
 200 — Б., 15, Владислав Граматик
 200 — В., 16, конф.-пов.
 176 — М., 15, Похомий Логофет
 175 — С., 15, пов.
 164 — Б., 16, Матей Граматик
 160 — М., 15, Епифаний Премудрый
 147 — В., 15, конф.-пов.

114 — П., 15, конф.-пов.
 105 — М., 16, Четьи-Минеи
 99 — Б., 15, Димитр Кантакузин
 96 — Ч., 15, Ян Гус
 85 — П., 16, конф.-пов.
 78 — Ч., 16, пов.
 61 — Сл., 16, Далматин
 51 — Ч., 15, Троянская история
 49 — Сл., 16, Трубер.

Род. падеж *о*-основ м. р. — флексия *-у/-ю/-ж*

75 — Ч., 16, пов.
 50 — П., 16, Скарга
 50 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
 46 — Ч., 15, Троян ист.
 46 — П., 16, конф.-пов.
 46 — ЗР., 16, Перес. ев.
 45 — Псков, 16, Пов. о Батории
 39 — Ч., 15, Ян Гус
 37 — ЗР., 16, Иван Вишенский
 35 — П., 15, конф.-пов.
 34 — П., 16, пов.
 23 — О., 16, Василий
 17 — В., 16, конф.-пов.
 15 — М., 16, пов.
 13 — М., 15, Задонщина

7 — Н., 15, пов.
 7 — М., 15, Епифаний Премудрый
 6 — М., 15, Иосиф Волоцкий
 5 — В., 15, конф.-пов.
 5 — М., 16, Степенная книга
 4 — М., 15, Похомий Логофет
 4 — Сл., 16, Далматин
 3 — Б., 15, Константин Кост.
 3 — М., 16, Четьи-Минеи
 2 — Б., 15, Владислав Граматик
 1 — С., 15, пов.
 1 — Б., 15, Димитр Кантакузин
 0 — Б., 16, Матей Граматик
 0 — Сл., 16, Трубер

Дат. падеж *о*-основ м. р. — флексия *-у/-ю/-ж*

220 — М., 15, Задонщина
 181 — Псков, 16, Пов. о Батории
 161 — М., 15, Иосиф Волоцкий
 159 — М., 15, Похомий Логофет
 157 — Б., 16, Матей Граматик
 152 — Б., 15, Владислав Граматик
 150 — М., 16, Степенная книга
 133 — В., 16, конф.-пов.
 123 — В., 15, конф.-пов.
 123 — М., 16, Четьи-Минеи
 56 — Ч., 16, пов.
 56 — Сл., 16, Далматин
 55 — П., 15, конф.-пов.
 52 — ЗР., 16, Перес. ев.
 38 — П., 16, конф.-пов.

122 — Н., 15, пов.
 118 — Б., 15, Константин Кост.
 117 — М., 16, пов.
 109 — С., 15, пов.
 103 — О., 16, Василий
 88 — Б., 15, Димитр Кантакузин
 64 — М., 15, Епифаний Премудрый
 63 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
 58 — ЗР., 16, Иван Вишенский
 56 — Ч., 15, Ян Гус
 34 — П., 16, пов.
 28 — Ч., 15, Троянская история
 26 — Сл., 16, Трубер
 14 — П., 16, Скарга

Дат. падеж *о*-основ м. р. — флексия *-ови/-еви*

52 — ЗР., 16, Перес. ев.
 34 — П., 16, пов.
 33 — Б., 16, Матей Граматик
 29 — Ч., 15, Ян Гус
 20 — В., 15, конф.-пов.
 21 — С., 15, пов.
 19 — П., 15, конф.-пов.
 18 — П., 16, конф.-пов.
 15 — Ч., 15, Троянская история
 12 — В., 16, конф.-пов.
 13 — М., 15, Похомий Логофет
 13 — Ч., 16, пов.
 13 — М., 16, Четьи-Минеи
 9 — О., 16, Василий
 9 — П., 16, Скарга

7 — М., 16, пов.
 6 — М., 15, Епифаний Премудрый
 5 — Б., 15, Владислав Граматик
 4 — ЗР., 16, Иван Вишенский
 3 — Б., 15, Димитр Кантакузин
 3 — Б., 15, Константин Кост.
 2 — М., 15, Задонщина
 1 — Н., 15, пов.
 1 — М., 16, Степенная книга
 1 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
 0 — М., 15, Иосиф Волоцкий
 0 — Псков, 16, Пов. о Батории
 0 — Сл., 16, Далматин
 0 — Сл., 16, Трубер

116 — ЗР., 16, Иван Вишенский	91 — М., 15, Задонщина
100 — Псков, 16, Пов. о Батории	91 — М., 16, Четьи-Минеи
95 — Б., 15, Владислав Граматик	90 — Н., 15, пов.
95 — Ч., 16, пов.	85 — М., 16, Степенная книга
93 — С., 15, пов.	82 — Б., 15, Константин Кост.
80 — Б., 16, Матей Граматик	54 — М., 16, пов.
75 — ЗР., 16, Перес. ев.	51 — В., 15, конф.-пов.
74 — В., 16, конф.-пов.	49 — Ч., 15, Троянская история
72 — Ч., 15, Ян Гус	48 — П., 16, Скарга
69 — М., 15, конф.-пов.	42 — Б., 15, Димитр Кантакузин
66 — М., 15, Похомий Логофет	36 — П., 15, конф.-пов.
66 — О., 16, Василий	36 — П., 16, конф.-пов.
65 — П., 16, пов.	28 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
64 — М., 15, Епифаний Премудрый	27 — Сл., 16, Далматин
	23 — Сл., 16, Трубер

Местн. падеж о-основ м.р. — флексия -ѣ/-е

78 — Б., 16, Матей Граматик	38 — ЗР., 16, Иван Вишенский
77 — О., 16, Василий	34 — П., 16, пов.
68 — М., 16, Степенная книга	30 — В., 15, конф.-пов.
61 — В., 16, конф.-пов.	31 — С., 15, пов.
58 — Б., 15, Владислав Граматик	28 — Б., 15, Димитр Кантакузин
57 — Б., 15, Константин Кост.	27 — П., 15, конф.-пов.
57 — П., 16, Скарга	25 — Ч., 15, Ян Гус
56 — П., 16, конф.-пов.	23 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
55 — М., 15, Иосиф Волоцкий	20 — Ч., 16, пов.
55 — М., 16, пов.	18 — М., 15, Задонщина
53 — М., 15, Похомий Логофет	7 — Н., 15, пов.
49 — М., 16, Четьи-Минеи	6 — Ч., 15, Троянская история
41 — Псков, 16, Пов. о Батории	2 — Сл., 16, Трубер
40 — ЗР., 16, Перес. ев.	1 — Сл., 16, Далматин
38 — М., 15, Епифаний Премудрый	

Местн. падеж о-основ м. р. — флексия -у/-ю

45 — П., 16, пов.	11 — Б., 16, Матей Граматик
30 — П., 15, конф.-пов.	9 — Сл., 16, Далматин
29 — Ч., 16, пов.	7 — Н., 15, пов.
22 — Ч., 15, Ян Гус	5 — М., 15, Епифаний Премудрый
22 — П., 16, конф.-пов.	5 — Б., 15, Владислав Граматик
21 — ЗР., 16, Перес. ев.	5 — М., 16, Четьи-Минеи
20 — С., 15, пов.	4 — М., 15, Иосиф Волоцкий
18 — ЗР., 16, Иван Вишенский	4 — Б., 15, Константин Кост.
18 — Сл., 16, Трубер	4 — В., 16, конф.-пов.
16 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского	3 — М., 15, Похомий Логофет
14 — П., 16, Скарга	2 — Б., 15, Владислав Граматик
13 — Ч., 15, Троянская история	2 — М., 16, Степенная книга
13 — М., 16, пов.	1 — В., 15, конф.-пов.
12 — Псков, 16, Пов. о Батории	0 — М., 15, Задонщина
12 — О., 16, Василий	

Местн. падеж о-основ м. р. — флексия -ы/-и

27 — М., 16, Четьи-Минеи	7 — С., 15, пов.
15 — Ч., 16, пов.	7 — В., 15, конф.-пов.
15 — ЗР., 16, Перес. ев.	7 — В., 16, конф.-пов.
15 — Б., 16, Матей Граматик	6 — Ч., 15, Троянская история
12 — М., 15, Задонщина	6 — Б., 15, Димитр Кантакузин
12 — Сл., 16, Далматин	6 — ЗР., 16, Иван Вишенский
11 — М., 15, Похомий Логофет	5 — М., 15, Иосиф Волоцкий
10 — Б., 15, Владислав Граматик	5 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского

10 — М., 16, Степенная книга	4 — Н., 15, пов.
8 — О., 16, Василий	4 — М., 15, Елифанй Премудрый
3 — Б., 15, Константин Кост.	0 — П., 16, пов.
1 — Псков, 16, Пов. о Батории	0 — П., 16, Скарга
0 — Ч., 15, Ян Гус	0 — П., 16, конф.-пов.
0 — П., 15, конф.-пов.	0 — Сл., 16, Трубер

Род. падеж а-основ ж. р. — флексия -ѣ/-е/-ѣ/-а

54 — Сл., 16, Далматин	9 — П., 16, пов.
35 — Ч., 15, Троянская история	8 — Ч., 15, Ян Гус
32 — П., 15, конф.-пов.	8 — М., 15, Елифанй Премудрый
25 — Ч., 16, пов.	6 — ЗР., 16, Иван Вишенский
25 — В., 16, конф.-пов.	2 — Н., 15, пов.
23 — В., 15, конф.-пов.	2 — М., 16, пов.
22 — Б., 15, Константин Кост.	2 — М., 16, Четьи-Минеи
21 — Б., 16, Матей Граматик	2 — М., 16, Степенная книга
20 — Б., 15, Владислав Граматик	2 — Псков, 16, Пов. о Батории
16 — Б., 15, Димитр Кантакузин	0 — М., 15, Задонщина
15 — ЗР., 16, Перес. ев.	0 — М., 15, Похомий Логофет
13 — Сл., 16, Трубер	0 — М., 15, Иосиф Волоцкий
12 — П., 16, конф.-пов.	0 — О., 16, Василий
10 — П., 16, Скарга	0 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
9 — С., 15, пов.	

Род. падеж а-основ ж. р. — флексия -ы/-и

119 — М., 16, Степенная книга	83 — О., 16, Василий
118 — ЗР., 16, Иван Вишенский	75 — Б., 16, Матей Граматик
97 — Псков, 16, Пов. о Батории	73 — М., 15, пов.
92 — М., 16, Четьи-Минеи	72 — Ч., 16, пов.
84 — Ч., 15, Троянская история	69 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
84 — П., 16, пов.	67 — В., 16, конф.-пов.
64 — М., 15, Иосиф Волоцкий	47 — Ч., 15, Ян Гус
63 — С., 15, пов.	44 — Н., 15, пов.
60 — П., 16, конф.-пов.	42 — П., 15, конф.-пов.
55 — ЗР., 16, Перес. ев.	36 — В., 15, конф.-пов.
53 — М., 15, Похомий Логофет	32 — М., 15, Елифанй Премудрый
53 — Б., 15, Владислав Граматик	24 — Б., 15, Димитр Кантакузин
53 — П., 16, Скарга	9 — Сл., 16, Далматин
50 — Б., 15, Константин Кост.	1 — Сл., 16, Трубер
47 — М., 15, Задонщина	

Дат. падеж а-основ ж. р. — флексия -ѣ/-е

32 — Б., 16, Матей Граматик	15 — Б., 15, Константин Кост.
31 — Б., 15, Владислав Граматик	13 — О., 16, Василий
23 — М., 16, пов.	13 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
23 — П., 16, пов.	12 — П., 15, конф.-пов.
23 — М., 16, Степенная книга	12 — ЗР., 16, Перес. ев.
22 — М., 15, Елифанй Премудрый	11 — М., 16, Четьи-Минеи
22 — П., 16, конф.-пов.	10 — Псков, 16, Пов. о Батории
20 — М., 15, Иосиф Волоцкий	10 — ЗР., 16, Иван Вишенский
19 — М., 15, Похомий Логофет	8 — Ч., 15, Ян Гус
19 — В., 15, конф.-пов.	7 — Н., 15, пов.
19 — Ч., 16, пов.	3 — П., 16, Скарга
17 — Б., 15, Димитр Кантакузин	3 — Сл., 16, Трубер
16 — С., 15, пов.	0 — Сл., 16, Далматин
16 — В., 16, конф.-пов.	
15 — М., 15, Задонщина	
15 — Ч., 15, Троянская история	

Тв. падеж *a*-основ. ж. р. — флексия *-ою/-ею/-а/-е/-р*

56 — М., 16, Степенная книга	27 — М., 16, пов.
47 — М., 15, Задонщина	26 — М., 15, Похомий Логофет
47 — Псков, 16, Пов. о Батории	23 — ЗР., 16, Иван Вишенский
43 — В., 15, конф.-пов.	22 — Н., 15, пов.
42 — Б., 16, Матей Граматик	20 — ЗР., 16, Перес. ев.
41 — Б., 15, Константин Кост.	19 — П., 16, конф.-пов.
39 — Б., 15, Димитр Кантакузин	18 — П., 16, Скарга
39 — С., 15, пов.	17 — О., 16, Василий
38 — М., 15, Епифаний Премудрый	14 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
37 — П., 16, пов.	11 — Ч., 16, пов.
35 — Б., 15, Владислав Граматик	0 — Ч., 15, Ян Гус
34 — В., 16, конф.-пов.	0 — Ч., 15, Троянская история
33 — В., 15, конф.-пов.	0 — Сл., 16, Далматин
31 — М., 16, Четьи-Минеи	0 — Сл., 16, Трубер
27 — М., 15, Иосиф Волоцкий	

Местн. падеж *a*-основ. ж. р. — флексия *-ѣ/-е*

55 — П., 15, конф.-пов.	28 — П., 16, конф.-пов.
51 — М., 15, Иосиф Волоцкий	27 — Ч., 16, пов.
37 — М., 16, пов.	27 — М., 16, Степенная книга
36 — М., 15, Задонщина	23 — С., 16, пов.
35 — ЗР., 16, Иван Вишенский	23 — М., 15, Похомий Логофет
33 — ЗР., 16, Перес. ев.	23 — Б., 16, Матей Граматик
32 — Н., 15, пов.	21 — В., 15, конф.-пов.
32 — М., 16, Четьи-Минеи	19 — Б., 15, Владислав Граматик
29 — М., 15, Епифаний Премудрый	19 — Псков, 16, Пов. о Батории
28 — О., 16, Василий	17 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского
10 — Ч., 15, Ян Гус	2 — Сл., 16, Далматин
7 — Б., 15, Димитр Кантакузин	0 — Ч., 15, Троянская история
7 — П., 16, Скарга	0 — Б., 15, Константин Кост.
6 — В., 16, конф.-пов.	0 — П., 16, пов.
4 — Сл., 16, Трубер	

Местн. падеж *a*-основ ж. р. — флексия *-ы/-и*

81 — Сл., 16, Далматин	16 — Б., 15, Димитр Кантакузин
41 — В., 16, конф.-пов.	16 — Псков, 16, Пов. о Батории
37 — С., 15, пов.	15 — О., 16, Василий
30 — М., 15, Епифаний Премудрый	14 — М., 15, Похомий Логофет
30 — П., 15, конф.-пов.	13 — Н., 15, пов.
26 — ЗР., 16, Ев. Тяпинского	13 — М., 16, пов.
25 — Б., 16, Матей Граматик	11 — Ч., 15, Ян Гус
24 — ЗР., 16, Иван Вишенский	11 — М., 15, Иосиф Волоцкий
24 — П., 16, конф.-пов.	11 — В., 15, конф.-пов.
21 — Ч., 16, пов.	6 — П., 16, пов.
21 — М., 16, Степенная книга	4 — М., 15, Задонщина
21 — ЗР., 16, Перес. ев.	4 — П., 16, Скарга
19 — Сл., 16, Трубер	1 — Ч., 15, Троянская история
18 — Б., 15, Владислав Граматик	0 — Б., 15, Константин Кост.
17 — М., 16, Четьи-Минеи	

Итак, в целом все типы текстов представляют один единый тип языка; некоторые падежи вообще не дают указаний на какие-либо группировки текстов. И все же именно различия в частотности флексий по источникам позволяют наметить следующие ареально-типологические противопоставления.

Тексты московские, валашские, южнославянские — тексты западно-русские и западнославянские: *-у/-ю* (род. п., *o*-основ м. р.), *-у/-ю* (дат. п. *o*-основ м. р.), *-у/-ю* и *-ѣ/-е* (местн. п. *o*-основ м. р.), *-ою/-ею* (тв. п. *a*-основ ж. р.) (указываются флексии наиболее показательные в отношении противопоставленности ареалов).

Тексты западнославянские, западнорусские, валашские и сербские — тексты московские, псковские, новгородские, болгарские: *-ови/-евѣ* (дат. п. *о-основ м. р.*).

Тексты западнославянские, западнорусские, сербские, словенские — остальные группы текстов: *-у/-ю* (местн. п. *о-основ м. р.*).

Тексты западнославянские, болгарские, валашские, словенские — остальные группы текстов: *-ѣ/-е* (род. п. *а-основ ж. р.*).

Тексты западнославянские, западнорусские, болгарские, валашские, словенские — остальные группы текстов: *-ѣ/-е* (местн. п. *а-основ ж. р.*).

Тексты западнославянские и словенские — остальные группы текстов: *-а/-я* (род. п. *о-основ м. р.*), *-у/-ю* (дат. п. *о-основ м. р.*), *-ою/-ею* (тв. п. *а-основ ж. р.*).

Тексты московские, новгородские, западнорусские, болгарские, словенские — остальные группы текстов: *-ови/-евѣ* (дат. п. *о-основ м. р.*).

Тексты московские, болгарские, валашские, сербские — остальные группы текстов: *-а/-я* (род. п. *о-основ м. р.*).

Тексты словенские — остальные группы текстов: *-ѣ/-е* (дат. п. *а-основ ж. р.*), *-ы/-и* (местн. п. *а-основ ж. р.*).

Нередко именно конкретный тип текста определяет группировку отдельных авторов, источников, зон. Так, агиографические тексты Епифания Премудрого, Похомия Логофета, Четьи-Минеи Макария, Степенная книга близки к текстам Владислава Граматака, Димитра Кантакузина, Константина Костенечского, валашским житиям. Тексты собственно повествовательные тяготеют не только друг к другу, но и к сочинениям Иосифа Волоцкого, Петра Скарги, Василия из Острога³. Псковская воинская Повесть о Батории XVI в. чаще всего обнаруживает единство с Задонщиной, с чешскими и польскими повестями, а новгородские повести XV в., связанные с рассказами о чудесах, ближе к текстам агиографическим, собственно конфессиональным. Преимущественное тяготение к распределению по жанру видно и во флексиях местного падежа *-ы/-и* (*о-основы*) и *-ѣ/-е* (*а-основы*). Отдельные частотные списки как раз лучше показывают мелкие смежные и сопредельные группировки текстов. В каждом списке есть тексты, занимающие переходное положение от одной ядерной зоны к другой (Острог и Петр Скарга для дат. п. *о-основ м. р.* *-ови/-евѣ*; Псков и Острог — для местн. п. *о-основ м. р.* *-у/-ю*).

Интуитивно ощущаемое единство конфессиональных русских (московские, псковские, новгородские) и болгарских текстов — основное, но не единственное; значимы и другие типы объединений.

Подобно современным славянским диалектам, тексты славянского средневековья образуют сложное переплетение локальных зон и групп, которое в перспективе может быть картографировано с выделением областей ядерных и периферийных. Дедуктивно, даже на основе имеющихся данных можно предположить, что из понятия «тексты на церковно-славянском языке» не могут быть исключены, в частности, и тексты западнорусские и западнославянские. Приведенные здесь данные вновь подтверждают вывод о том, что в целом хронологический фактор не играет определяющей роли в распределении текстов; лишь в двух случаях (флексии местн. п. *о-основ м. р.* *-ы/-и* и род. п. *а-основ ж. р.* *-ѣ/-е*) главная роль принадлежит этому фактору.

Список сокращений

Б.— Болгария	О.— Острог
В.— Валахия	П.— Польша
ЗР.— Западная Русь	Перес. ев.— Пересопницкое евангелие
конф.-пов.— конфессионально-повествовательный тип текстов	пов.— повесть, повести
М.— Москва	С.— Сербия
Н.— Новгород	Сл.— Словения
	Ч.— Чехия

³ Особый круг проблем представляет вопрос о количественно-морфологических связях каждого отдельного текста (центра).

Список территорий (локальных центров)
и представляющих их источников

XV в.

П о в е с т в о в а т е л ь н ы е т е к с т ы

- Москва (Задонщина) — Сказание о Мамаевом побоище.— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 43—76 (11 616 словоупотреблений).
- Новгород — Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим.— В кн.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860, с. 245—248; Видение пономаря Тарасия.— Там же, с. 283—287; Повесть о новгородском белом клубуке.— Там же, с. 287—298 (всего 13 483 словоупотребления).
- Чехия (Троянская история) — Historie Trojanská. In: Výbor z literatury česke, díl druhý, od ročátku XV až do konce XVI století. Praha, 1968, s. 75—123 (12 000 словоупотреблений).
- Сербия — Повѣсть Іакова архієпископа крусалимскаго на рождѣство прѣславныя владычице наше Богородице и приснодѣвы Маріє.— In: *Novaković S. Apokrifno protojevanglje Jakovljevo.*— Starine. Kn. X. Zagreb, 1878, s. 62—71; *Afroditijana Persijanea priča o rođenju Hristovu.*— Ibid., s. 74—80; *Teodosija mniha Hilandarca djelo o Petru Koriškom. Probćio dopisni član St. Novacović.*— In: *Starine. Kn. XVI. Zagreb, 1884, s. 12—27; Život sprskog patriarha Jefrema. Priobćio dopisni član St. Novaković.*— Ibid., s. 36—40 (всего 11 890 словоупотреблений).

К о н ф е с с и о н а л ь н о - п о в е с т в о в а т е л ь н ы е т е к с т ы

- Чехия (Ян Гус) — *Hus J. Knižky o svatokupectví.* Praha, 1954 (12 000 словоупотреблений).
- Москва (Епифаний Премудрый) — Житие святого Стефана епископа Пермского. СПб., 1897, с. 1—39 (12 000 словоупотреблений).
- Москва (Пахомий Логофет) — Пахомий Серб. Житие пр. Кирилла Бѣлозерскаго.— В кн.: *Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания.* СПб., 1908, Приложение, с. I—XLIII (12 000 словоупотреблений).
- Москва (Иосиф Волоцкий) — Послания Иосифа Волоцкого. М., 1959, с. 148—149, 152—160, 178—185, 208—224 (12 000 словоупотреблений).
- Польша — *Biblja szarospatacka.*— In: *Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich.* Warszawa, 1963, s. 70—84; *Kazania gnieźnieńskie.*— Ibid., s. 33—43; *Modlitwy godzienne.* Ibid., s. 49—51; *Modlitwy, czyli godzinki Wacława.*— Ibid., s. 373—376; *Psalterz puławski.*— Ibid., s. 52—59 (всего 12 000 словоупотреблений).
- Болгария (Владислав Граматик) — *Rukopis Vladislava Gramatika pisan godine 1469.* In: *Starine. Kn. I. Zagreb, 1869, s. 60—85; Život sv. Konstantina řečeneho Kyrilla.* Praha, 1868, s. 1—25; *Památky dřevního písemnictví juhoslovanův.* Praha, 1873, s. 1—25 (всего 12 000 словоупотреблений).
- Болгария (Димитр Кантакузин) — Слово похвалное светому великомученику Димитрию Мироточцу, творение Димитрия Кантакузина.— В кн.: *Ангелов Б. С. Стари славянски текстове. Изв. на Института за българска литература. Kn. VIII.* София, 1959, с. 265—274; *Дмитрия Кантакузина въкратце похвалное слово светому архiereю и чудотворцу христову Николаю.*— Там же, с. 273—274; *Житие на Иван Рилски от Д. Кантакузин.*— В кн.: *Иванов Й. Жития на св. Ивана Рилски.*— *Годишник на Софийския ун-т, ист.-филолог. ф-т. Kn. XXXII. 13.* София, 1936, с. 86—102 (всего 9 000 словоупотреблений).
- Болгария (Константин Костенечский) — Константин Философ и његов Живот Стефана Лазаревиѡа деспота српскога.— В кн.: *Гласник Српског ученог друштва. Kn. XLII.* Београд, 1875, с. 244—328 (12 000 словоупотреблений).
- Валахия — Житие Стефана Оуроша съписано Григорикъ мнихомъ.— В кн.: *Гласник Друштва српске словесности. Kn. XI.* Београд, 1859, с. 43—94 (10 059 словоупотреблений).

XVI в.

П о в е с т в о в а т е л ь н ы е т е к с т ы

- Москва — Повесть о Петре и Февронии Муромских.— В кн.: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958, с. 108—115; Повесть о Луке Колодском.— Там же, с. 116—118; Повесть о Петре, царевиче Ордынском.— Там же, с. 98—105; Повесть о ца-

- рице Динаре.— Там же, с. 254—258; Повесть о взятии Царьграда турками.— Там же, с. 55—60 (всего 12 000 словоупотреблений).
- Псков (Повесть о Батории) — Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952, с. 48—91 (12 000 словоупотреблений).
- Острог (Василий) — О единой вере. Василий. Острог. 1588.— РИБ. Т. VII. СПб., 1882, с. 601—692 (12 000 словоупотреблений).
- Западная Русь (Иван Вишенский) — Книжка Иоанна Мниха Вишенского от святых Афонских гор.— В кн. *Вишенский Иван*. Сочинения. М., 1955, с. 7—39 (12 000 словоупотреблений).
- Польша — *Fortuny i snytu Rożność, 1524.*— In: *Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich*. Warszawa, 1963, s. 270—273; *Historja o ponciance, 1540.*— Ibid., s. 288—292; *Rozmowy Salomona z Marcholtem, 1521.*— Ibid., s. 264—269; *Powieść o papieżu Urbanie, 1514.*— Ibid., s. 219—222; *Historja trzech króli.*— Ibid., s. 111—114; *M. Bielski, Żywoty filozofów, 1535.*— Ibid., s. 276—279; *Rozmyślanie przemyskie o żywocie pana Jezusa.*— Ibid., s. 87—99; *Sprawa Chędogo o Męce pana Chrystusowej, 1544.*— Ibid., s. 99—108; *Historje rzymskie, 1543.*— Ibid., s. 298—300 (всего 12 000 словоупотреблений).
- Польша (Петр Скарга) — *Skarga P. O jedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem, 1577.* РИБ. Т. VII, СПб., 1882, с. 223—266 (12 000 словоупотреблений).
- Чехия — *Ian Táborský z Klokotské hory. Z vypsání orloje pražského, 1570.*— In: *Výbor z literatury české, díl druhý, od počátku XV až do konce XVI století*. Praha, 1868, s. 1523—1528; *Victorin Kronelius ze Věhrad: 1) Z knihy o napravení padlého; 2) Z kněh o právích země české.*— Ibid., s. 1039—1058; *Mikuláš Konač z Hořítkova. Z Kroniky české Aenea Sylvia, 1510.*— Ibid., s. 1189—1205; *Martin Kutheň ze Sprínšberka. Kronika velmi pěkná o urozeném statečném rytíři Ivanovi Žižkovi, 1564.*— Ibid., s. 1511—1522 (всего 12 000 словоупотреблений).
- К о н ф е с с и о н а л ь н о - п о в е с т в о в а т е л ь н ы е т е к с т ы
- Москва (Четьи-Минеи Макария) — Великия Минеи Четии. Ноябрь. Тетрадь III. Изд. археографической комиссии. М., 1914, ст. 2701—2721, 3092—3104, 2891—2912 (12 000 словоупотреблений).
- Москва (Степенная книга) — Книга степенная царского родословия... Ч. I, II. М., 1875 (12 000 словоупотреблений).
- Западная Русь (Евангелие Тяпинского) — Евангелие, изд. Вас. Тяпинским около 1580 г., с. 1—63 (12 000 словоупотреблений).
- Западная Русь (Пересопницкое евангелие) — Пересопницкая рукопись. От Луки святого евангелия чтения.— В кн.: Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в 1874 г. Т. II. Киев, 1878, Приложение, с. 57—91 (12 000 словоупотреблений).
- Польша — *Żołtaz wróbla, 1539.*— In: *Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich*. Warszawa, 1963, s. 252—259; *Psalterz krakowski, 1532.*— Ibid., s. 245—251; *Ecclesiastes, 1522.*— Ibid., s. 225—229; *Raj duszny, 1514.*— Ibid., s. 223—225; *Modlitewnik ptaszyckiego (drugi), 1530—1540.*— Ibid., s. 148—150; *Modlitewnik siostry Konstancji, 1527.*— Ibid., s. 145—148; *Kazania Jana z Szamotul Paterka.*— Ibid., s. 141—145 (всего 12 000 словоупотреблений).
- Валахия — Ветхий завет. Новый Завет. Богослужение. Церковная практика.— В кн.: *Яцимирский А. И.* Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. СПб., 1906, с. 3—114 (всего 12 000 словоупотреблений).
- Болгария (Матей Граматик) — Граматик Матей. Житие св. Николая нового Софийского.— В кн.: *Сырку П.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII веках. СПб., 1901, с. 27—78 (12 000 словоупотреблений).
- Словения (Юрий Далматин) — *Biblia Sacra Ebraice Chaldaice Graece Latine Germanice Slavonice. Noribergera* (12 000 словоупотреблений).
- Словения (Примус Трубер) — Трубер Примус. Толкование на евангелие.— ГПБ, отдел редкой книги, шифр 1.5.25 (12 000 словоупотреблений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А. С., Капорулина Л. В., Колесов В. В., Рускова М. П., Черепанова О. А. Именное склонение в славянских языках XI—XIV вв. Л., 1974, 235 с.
2. Герд А. С., Капорулина Л. В., Колесов В. В., Рускова М. П., Черепанова О. А. Именное склонение в славянских языках XV—XVI вв. Л., 1977, 223 с.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕАЛБАНСКИХ АКЦЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СЛАВЯНСКИМИ И ДРУГИМИ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ)

Рассмотренная нами реконструкция падежных окончаний албанского именного словоизменения [1] не может считаться полной до тех пор, пока не получит своего истолкования факт, как будто еще не привлекавший специального внимания: в составе албанской парадигмы имени есть случаи двоякой рефлексии отдельных индоевропейских морфем падежа. Это явление охватывает прежде всего им. пад. мн. числа, где и.-е. *-ōs отражено как -e, -a, -ë, и.-е. *-ās — как -a, -ë, и.-е. *-oi — как -e, -ø, и вин. пад. мн. числа, где находим аналогичную картину. Чем может быть обусловлено это явление?

По-видимому, есть все основания для того, чтобы исключить чисто фонетические, морфологические или семантические факторы: материал не обнаруживает никакого значимого распределения ни в том, что касается фонетического облика существительных, ни в их словообразовательных или семантических характеристиках. Поскольку вариативность окончаний обусловлена такой причиной, как реализация или отсутствие сокращения гласного служебной морфемы (в ед. числе это сокращение проведено последовательно), представляется возможным объяснить рефлексы одной и той же морфемы различным положением ударения в албанском до эпохи его фиксации (под романским влиянием). Несократившиеся гласные флексии находились под ударением, сократившиеся были заударными.

Вероятность этого предположения в общем плане подтверждается данными (правда, не слишком многочисленными) о наличии в раннеалбанском языке¹ до определенной эпохи подвижного ударения, имевшего морфологическую функцию: об этом говорят реликты в парадигмах отдельных лексем (например, tjetër 'другой' < *-étero-, мн. ч. tjerë < *etëro- и под.

¹ Под раннеалбанским (языком, языковым состоянием) здесь и далее понимается реконструируемый этап в развитии албанского языка, непосредственно предшествующий началу албано-романских контактов и хронологически относимый к периоду до II в. н. э. Далее, стремясь к достаточно эксплицитному изложению, мы систематически прибегаем к реконструированным раннеалбанским формам. Необходимо иметь в виду, что некоторые из них, расходясь в ряде фонетических деталей с традиционно принятыми, отражают результаты в области сравнительно-исторической фонологии албанского языка, которые будут обстоятельно рассмотрены нами в других работах. Понятно, что в рамках журнальной статьи, посвященной акцентологической проблематике, мы были вынуждены в подобных случаях ограничиваться лишь самым кратким комментарием фонетических явлений, опуская многие менее существенные здесь детали.

[2, f. 102]) и поведение индоевропейских звонких и звонких придыхательных в предупредном интервокальном положении [3; 4]. В то же время нашему предположению не противоречит тот факт, что в ударных односложных формах местоимений сокращения гласных нет, ср. пе 'мы' < *nōs и под. [5].

Необъясненным, однако, остается различие между -а и -ë, восходящими к и.-е. *-ās и представляющими им. пад. мн. ч. жен. рода. Оба варианта отражают сокращение гласного, но редукция (развившаяся, в целом, уже после раннеалбанского периода, в эпоху албано-романских контактов) произошла только в случае -ë < *-ās. Если быть последовательным, остается допустить, что редукция до -ë осуществилась в тех случаях, когда ударение передвинулось влево раньше. Сохранение же -а свидетельствует о более позднем передвижении ударения, так что соответствующие формы не были захвачены редукцией. То же относится и к формам муж. рода на -а, в которых, впрочем, можно видеть влияние ā-основ (однако и тогда нам придется реконструировать окончательное ударение в формах мн. числа).

Ввиду совпадения в обоих числах им. и вин. падежей и в силу того, что ударение во всех формах ед. числа падало на основу, а в косвенных падежах мн. числа было фиксировано (в род.-дат. падеже на гласном окончании, а в отл. падеже — на тематическом гласном) [1], далее мы вправе рассматривать только две словоформы — им. пад. ед. числа и мн. числа, полностью репрезентирующие парадигму (более того, диагностической в плане ударения является единственная форма — им. пад. мн. числа, что позволяет привлекать к рассмотрению и *pluralia tantum*).

Из сказанного следует, что для раннеалбанского состояния могут быть реконструированы две акцентные кривые, одна — с неподвижным ударением на основе, другая — с подвижным ударением (в ед. числе — на основе, в им. и вин. пад. мн. числа — на окончании). Схематически это может быть представлено так (о деталях реконструкции см. [1]):

Тип А (неподвижный)

о-основы		ā-основы	
им. пад. ед. ч.	∅ < * -os	-ë < * -ā	
им. пад. мн. ч.	-ë < * -ōs, ∅ < * -oi	-ë < * -ās	

Тип В (неподвижный)

о-основы		ā-основы	
им. пад. ед. ч.	∅ < * -os	-ë < * -ā	
им. пад. мн. ч.	-e < * -ōs, -e < * -oi	-a < * -ā < * -ās	

Этой схеме подчинялись и другие типы основ, в албанском закономерно перешедшие в о- и ā-основы [6].

Естественно возникает вопрос о том, как соотносится предлагаемая здесь акцентная модель с реконструкцией индоевропейского ударения, основанной на индоарийских, греческих, балто-славянских и некоторых других данных. Ниже мы попытаемся показать, что существует соответствие между албанскими и индоевропейскими акцентными типами.

Здесь целесообразно будет сделать несколько предварительных замечаний. Прежде всего, подчеркнем, что устанавливаемое ниже соответствие не связано прямым образом с предложенной нами реконструкцией албанских акцентных типов, будучи, в основе своей, тождеством между индоевропейскими акцентологическими классами и морфологическими классами албанских именных парадигм. Указанные выше раннеалбанские акцентные типы являются лишь представляющей нам наиболее вероятной версией того промежуточного состояния, которым был опосредован переход индоевропейского акцентного распределения в реально наблюдаемое албанское распределение по типам склонения.

Мы, разумеется, стремились сопоставлять целиком тождественные образования (не только с совпадающей корневой частью, но и с одинаковыми суффиксальными расширениями, идентичным типом основы и огласовки).

Однако хорошо известные особенности словарного состава албанского языка (плохая сохранность исконной лексики и сложности в ее этимологической разработке) в некоторых случаях заставляли нас в том или ином пункте отклоняться от названных выше максимальных требований: такие случаи всегда специально оговорены. В этимологическом плане мы опирались в большинстве случаев на общепринятые этимологические решения, принятые в [7] и в более современном словаре [8], а также в [9]. Сигналом общепринятости этимологии и заимствования ее из одного из указанных источников является отсутствие специальных указаний в тексте. Все отклонения от таких этимологий, уточнения к ним или самостоятельные решения оговариваются.

Следует, кроме того, иметь в виду, что ряд албанских слов индоевропейского происхождения исключен из рассмотрения, поскольку в албанском языке эти лексемы либо не имеют словарно засвидетельствованного мн. числа, либо формы мн. числа являются албанскими новообразованиями на основе коллективных суффиксов. Албанские данные сверены по [10] и [11] и приводятся в принятой нормативной орфографии и литературной форме (отражающей тоскскую диалектную базу и соответствующие фонетические явления, в частности, ротацизм).

Албанскому типу А отвечают индоевропейские подвижно-окситонированные образования.

1. bathë (<*bát̥sā), bathë (<*bát̥sā), ж. р. 'боб'² — греч. φακή 'чечевица' (также φαλός то же); и.-е. регионализм *bhakā, связанный с другим названием боба — и.-е. *bhabhā (слав. *boвь, др.-прус. babo, лат. faba) [9, S. 106] (где та же реконструкция на основе греч. φαλός, но без привлечения φακή).

2. ballë (<*bála), ballë (<*bálai), м. р. 'лоб' (субстантивированное прилагательное со значением 'белый'; факт субстантивации отражен во флексии им. пад. ед. числа, где -ë соответствует парадигме прилагательного, вместо ожидаемого -ø) — греч. φαλός 'белый', лит. bālas 'левкой' (4 а. п.) при bālas 'белый' (4 а. п.), где обобщена окситонеза (ср. лтш. bāls 'бледный, блеклый', отражающее баритонезу, возможно, по закону Хирта). Продолжение и.-е. *bholós [9, S. 118—119]. В плане семантики ср. др.-инд. bhālam 'лоб', др.-прус. ballo 'лоб'.

3. gur (<*gúra), gurë (<*gúrai), м. р. 'камень' (о-основа муж. рода может продолжать i-основу того же рода) — др.-инд. giri — 'гора': и.-е. i-основа *g^w rī- [9, S. 477]³. Неподвижность, наблюдаемая в лит. girià 'лес, пуца' (2 а. п.) и слав. *goga (первоначально, видимо, а. п. b), обусловлена переходом в иной словообразовательный тип.

4. thekë (<*tšákā), thekë (<*tšákā), ж. р. 'бахрома, крупный ворс' (также thek, thekë, м. р.), засвидетельствована также форма ед. числа thak(ë) (умлаут обобщен на ед. число) — лит. šakà 'ветка' (4 а. п.), слав. *soxa 'соха, ветка' (подв. а. п.): и.-е. *kōkHā (против прямого сопоставления с баритонным др.-инд. śākhā 'ветка' см. [12, с. 29]). Различие в значении (иногда вызывающее сомнения в правильности отождествления [9, S. 523]) подробно рассматривается Э. Чабеем [8 s. v.]. Ср. еще при том, что ряд продолжений слав. *soxa имеет значение 'столб, кол', англ. pile 'столб' и 'бахрома, ворс'.

5. vjehërr (<*wésura), vjehërr (<*wésurai), м. р. 'свекор' (вместо ожидаемого раннеалб. *wét̥sura, вероятно, вследствие ассимиляции утраченному начальному и.-е. *s; реконструкция *ś как промежуточного этапа в развитии и.-е. *s- в алб. -h-, ø будет обоснована нами в другом месте) — лит. šėšuras то же (3 а. п.), слав. *svekъгъ (подв. а. п.), греч.

² Здесь и далее, если нет иных оговорок, первая форма — им. пад. ед. числа, вторая — им. пад. мн. числа. В скобках приводятся раннеалбанские реконструкции обеих форм. Ауслат реконструируется в виде, предшествовавшем сокращению. В случае необходимости комментарии к раннеалбанским реконструкциям даются в пределах словарной статьи.

³ Как указал нам В. А. Дыбо, к тому же акцентному типу относятся и косвенные надежи афг. γаг 'гора' (вместо ожидаемого *γгə), ср. də-γгə laməp 'подножие горы'. Форма номинатива γаг, однако, этому противоречит.

ἐχορός то же: и.-е. *suekurós. Ввиду согласных показаний литовского, славянского и греческого здесь можно видеть исконную окситонезу, несмотря на баритонное др.-инд. *śváśura*-то же, ср. [12, с. 41; 9, S. 1043]).

6. vesh (<*áuša), veshë (<*áušai), м. р. 'ухо' (тембр гласного в vesh объясняется умлаутом; v- — протетическое, однако время его возникновения определить затруднительно; о происхождении раннеалб. *š см. [1; 13]) — лит. ausis то же (4 а. п.), сюда же лат. auris то же: и.-е. *ausí — (i-основа муж. рода в албанском преобразовалась в o-основу, ср. № 3). Менее вероятно отнесение vesh к и.-е. *ōus-, ср. греч. ὠς то же (последнее также, вероятно, относится к окситонированным образованиям); тогда точным соответствием vesh было бы -ώς (в гомеровском λαγώς 'заяц') <*ōusos.

7. esh (<*édz(j)a), eshë (<*édz(j)ai) м. р. 'еж' — лит. ežys то же (4 а. п.). Алб. esh (с аномальным развитием раннеалб. *dž) может продолжаться как и.-е. *eghjó-, так и *eghí-. Ср. однако, слав. *ežь (а. п. б).

8. dash (<*dáuša), desh(ë) (<*dáušai), м. р. 'баран' (с умлаутом во мн. числе) — слав. *duxъ 'дыхание, запах' (подв. а. п.): и.-е. *dousós, см. [12, с. 112] при герм. *reuzá 'зверь, животное' (ср. также в плане семантики) < и.-е. *deusóm. Объяснение -sh в dash см. [1; 13]. Менее вероятно толкование dash из *dhūosi-, ср. [3, S. 240].

9. barrë (<*bárnā), barrë (<*bárnā), ж. р. 'груз, ноша' — греч. φερνή 'приданое', тождественно арм. beŋn 'груз, ноша': и.-е. *bhernā/*bhognā с различием в огласовке, объясняемым, вероятно, аналогическим воздействием группы албанских отглагольных имен со ступенью -o- в корне.

10. pordhë (<*pārdā), pordhë (<*pārdā), ж. р. 'peditum' — греч. πορδή то же: и.-е. *pórdā/*pērdā с различием в огласовке (вероятно, с инновацией в албанском, продолжающем корневое *ē). Ср. другой словообразовательный тип в лит. pirdis то же (2. а. п.).

11. lëndë (<*léntā), lëndë (<*léntā), ж. р. 'строевой лес; вещество' — лит. lentā 'доска' (4 а. п.), герм. *lindb 'липа': и.-е. *lentā (насколько нам известно, данная этимология ранее не выдвигалась; о балтийском и германском словах см. [9, S. 677; 12, с. 26]).

12. këmbë (<*kámprā), këmbë (<*kámprā), ж. р. 'нога' — греч. κάμψή 'сгиб', лит. kámpas 'угол' (4 а. п.): и.-е. *kámprā 'сгиб, изгиб' [9, S. 525].

13. diell (<*dégla), diej (<*déglo/-ai), м. р. 'солнце' — лит. dėgla 'факел' (4 а. п.) (а также dėglas 'вороно-пегий' того же акцентного типа): и.-е. *dheg^whlós от *dheg^wh- 'гореть'. Альтернативные этимологии diell [7 s. v.; 8 s. v.] представляются менее удачными.

14. zorrë (<*džārā), zorrë (*džārā), ж. р. 'кишка' — греч. βορά 'еда': и.-е. *g^worā/*g^wērā (с отклонением в албанском вокализме). Предположение о суффиксальном -n- в албанском слове не имеет обязательного характера [14, S. 139].

15. dhëndër (<*džánra), dhëndurë (<*džánrai), м. р. 'жених, зять' (с дальнейшим развитием группы *-nr->алб. -nd(ë)g-, как в ëndërr, см. ниже) — греч. γαμρός 'зять, шурин; тесть, свекор; жених', др.-инд. jāgá-'жених (Freier)', лат. gener 'зять, жених; муж сестры': и.-е. *gətəwós (вопреки [9, S. 374]).

16. muaj (<*mēn), muaj (<*mēn(ai)), м. р. 'месяц' — др.-инд. māś-то же, греч. μῆν (атт. μες) то же: и.-е. корневая основа *mēns-, со следами подвижности в косв. падежах др.-инд. INSTR. мн. ч. mādbhih, ср. также форму māśi. Окситонезу обнаруживает и другое образование: и.-е. *mēnōt (герм. *mēnōr то же; лит. mėnuo с баритонезой по закону Хирта, ср. [12, с. 77]). Алб.-j в muaj — неорганическое.

17. djalë (<*délā), djem, стар. djelm (<*délmai), позволяющее реконструировать исходное *délai с сохранением того же акцентного типа, м. р. 'ребенок' — греч. θηλή 'сосок', лит. dëlė 'пиявка'; лтш. dēls 'сын' (с прерывистой интонацией, указывающей на исходную окситонезу), др.-

ирл. del 'сосок' (с краткостью, см. [15, с. 14]): и.-е. *dhēlā/*dhēlós. Албанское слово (с кратким *ё в корне, объясняемым либо перестройкой по продуктивной аблаутной модели, либо сокращением невыясненной природы) в ед. числе формально продолжает ā-основу, во мн. числе — о-основу. Первоначально, по-видимому, о-основа.

18. dhjamë (<*démā), ср. р. 'сало, жир' (мн. числа нет).— греч. δῆμος '(животный) жир', арм. tamuk 'влажный, мокрый': и.-е. регионализм *dāmós/*dāmóm. Алб. dhjamë — сингуляризованная форма мн. числа с перестроенным по более продуктивной модели корневым вокализмом [9, S. 175].

19. rjekë (<*rēkā), rjekë (<*rēkā), ж. р. 'ресница' — греч. λοχή 'овечья шерсть' (с иным корневым вокализмом): и.-е. *rēkā (албанский вокализм, видимо, первичен). Трудно объяснить «кентумное» развитие *k в албанском, однако это не единичный факт. K семантическому развитию албанского слова см. параллели [16, р. 872], там же дальнейшая литература, а также [8 s. v.]

20. bimë (<*bīmā), bimë (<*bīmā), ж. р. 'растение' — греч. φῆμος 'кляп' (в семантическом плане ср. относящееся к тому же корню греч. φῆτρος 'ствол, пень'; более подробное семантическое обоснование см. [8 s. v.]): и.-е. *bhīmā/*bhīmós с расхождением албанского и греческого в роде.

K этой же группе примеров, быть может, относятся и некоторые другие, более проблематичные. Можно указать, в частности, алб. grigë (<*grūpā), ж. р. 'зерно', сингуляризованную форму мн. числа ср. рода (в албанском вторично образовано мн. число grunjëra), обнаруживающее сходжение с др.-инд. jūṛṇā-, jīṛṇā-'старый, дряхлый', афг. zəṇau 'семя, семечко, косточка (плода)' (производное от *zəṇám): и.-е. *gṛṇóm. Другие языки, однако, показывают баритонезу, что может объясняться законом Хирта — Иллич-Свитыча [17, с. 93]. Иногда связь др.-инд. jīṛṇā- с и.-е. названием зерна ставится под сомнение.

Нам известен и один противоречащий этому правилу случай. Алб. ligë (<*līgā), liga (<*līgā), ж. р. 'зло, несчастье' — лит. ligà 'болезнь' (4 а. п.): и.-е. *līgā, если только подвижность в литовском не вторична.

Результатом взаимодействия с другими, параллельными образованиями, очевидно, объясняется поведение алб. zjarmë, zjarme м.р. 'огонь, пламя' (греч. θερμός 'теплый' и под.) — ср. ниже; vjehërr, vjehërra, ж. р. 'свекровь, теща' (др.-инд. śvaṣṭī-'свекровь' и под.) — ударение перестроено по форме муж. рода, что наблюдается и в других индоевропейских языках (например, в греческом). Алб. kohë, kohë, ж. р. 'время' соответствует слав. *časъ, которое обычно считается баритонным, ср. однако [18, р. 17] (имеется, кроме того, расхождение в роде). Об алб. motër 'сестра' см. ниже.

Албанскому типу В отвечают индоевропейские баритонированные образования.

1. mjegull (ë) (<*mēglā), mjegulla (<*mēglā), ж. р. 'туман' — греч. ομίχλη 'туман', лит. mglà то же (2 а. п.), слав. *mьgla 'мгла, туман' (окс. а. п.): и.-е. *mighlā. Корневой вокализм албанского слова преобразован по продуктивной модели (с *e).

2. karpë (<*kárpā), karpa (<*karpā), ж.р. 'скала' — лит. kaĩras 'зарубка' (2 а.п.), герм. *skárfaz, возможно, также греч. καρπός 'плод'; наряду с о-основой есть, видимо, и баритонированная ā-основа: лит. kápra 'бородавка' (1 а. п.) с проблематичным акутом. И.-е. *kórpōs/*kórpā, см. [9, S. 944; 12, с. 34].

3. krimb (<*krīma), krimba (<*krīmā), м. р. 'червь' — др.-инд. kṛīmi-'червь, личинка': и.-е. *kṛīmi-. Об ударении в литовском соответствия см. [12, с. 61]. Конечно -b в алб. krimb неорганическое [19].

4. gardh (<*gárda), gardhe или gjerdhe (<*gardái), м. р. 'изгородь, ограждение' — лит. gaĩdas 'загон для скота' (первоначально 2 а. п., см. [12, с. 118]), слав. *gordъ (подв. а. п.): и.-е. *gḥórdhos (судьба начального согласного, предположительно палатального, неясна во всех трех

языках). Гипотеза о заимствовании *gardh* из славянского исключается ввиду того, что слово пережило весьма старые фонетические процессы — спирантизацию исконного *dh после *r* перед гласным и умлаут [8 s. v.]

5. *herdhe* (<*ardžái), ж. р., мн. ч. 'testiculi' — греч. ὄρχις то же: и.-е. *oŕghi-. Умлаут *a>е и флексия муж. рода -e<*-ái указывают на то, что появление жен. рода в албанском вторично и связано с переосмыслением *herdhe* как формы ед. числа (засвидетельствована со значением 'гнездо') на *-jā. Алб. *h-* — протетическое.

6. *shteg* (<*stáiga), *shtigje* (<*staigái), м. р. 'тропа' — греч. στοῖχος 'ряд, линия': и.-е. *stóighos, отраженное также в германском [9, S. 1017].

7. *varg* (<*wárga), *vargje* (<*wargái), м. р. 'ряд, вереница, гряда (гор)' — греч. ὄρχος 'ряд (деревьев), гряда': и.-е. *uórgchos, дальнейшие связи — [9, S. 1080—1081; 16, p. 831].

8. *zjarr* (<*džérša), *zjarre* (<*džeršái), м. р. 'огонь, костер' — др.-инд. háras-'жар, тепло', греч. θέρος 'лето, летняя жара': и.-е. *g^wheros-. Алб. *zjarr* может восходить к *s*-основе, перешедшей в *o*-основы с развитием *-rs->-rr-.

9. *mëllënjë* (<*mëlanjā), *mëllënja* (<*melanjā), ж. р. 'скворец' — греч. μέλας 'черный', ж. р. μέλαινα, лтш. meīns то же: и.-е. *mélapos (и соответствующее баритонированное образование жен. рода). Алб. *mëllënjë* продолжает *mëlanjā, ср. греч. μέλαινα. Вторична окситонеза в др.-инд. malinā-'черный' [12, с. 69].

10. *mot* (<*mātā), *mote* (<*mātō), м. р. 'год' — греч. μήτις 'намерение, мудрость, разум', др.-инд. māti-'мера', ср. [16, p. 699]. В семантическом плане ср. лит. mētas 'время'.

11. *modhullë* (<*mādžulā), *modhulla* (<*mādžulā), ж. р. 'горох' — лит. mažiūlis 'младший' (2 а.п.) с расхождением в огласовке первого слога. Алб. *modhullë* — субстантивированное прилагательное жен. рода.

12. *derr* (<*dárja), *derra* (<*darjā), м. р. 'свинья' — греч. χοῖρος то же: и.-е. *ghórijos. В алб. *derr* начальное *d*-закономерно восходит к *gh, е — результат умлаута.

13. *dritë* (<*dritā), *drita* (<*dritā), ж. р. 'свет' — др.-инд. dṛṣṭi-'взгляд', греч. δῆρσις 'видение, зрение' (с инновационной ступенью *e в корне [9, S. 213]): и.-е. *dṛkti-. Алб. *dritë* закономерно перешло в ā-основы.

14. *mjekër* (<*mékrā), *mjekra* (<*mekrā), ж. р. 'подбородок, борода' (с переходом из *u*-основ в ā-основы) — др.-инд. śmāgru-'борода': и.-е. *smékru (при лит. smakra и smākras 'подбородок', 4 а.п. — возможно, вторичных).

15. *lerë* (<*laurā), *lera* (<*laurā), ж. р. 'куча камней' — греч. ἀτρά 'дорога, пробитая в скале': диалектное и.-е. образование *laurā (источник его остается неясным). Алб. *lerë* (с умлаутом, распространившимся из косв. падежей) не является греческим заимствованием.

16. *ther* (<*tšáipa), *thera* (<*tšaipā), м. р. 'острый выступ, зубец, утес' — др.-инд. śépa 'хвост, penis': и.-е. *kóipos 'столб, острый каменный выступ', другие параллели см. [9, S. 543].

17. *ende*, *ende* (<*andái), ж. р. 'цветок' — др.-инд. ándha-'сома (растение)', греч. ἄνθος 'цветок' (*s*-основа). Алб. *ende* (ед. ч.), в сущности, является сингуляризованным мн. числом засвидетельствованного *end* (<*ánda), м. р. 'пыльца'. Реконструируемая таким образом парадигма *end* (<*ánda), *ende* (<*andái) точно соответствует др.-инд. ándha-и продолжает и.-е. *ándho-s 'цветок'. Гласный *e* в *ende* может быть результатом умлаута, однако более вероятно, что он непосредственно восходит к раннеалб. *a через ступень *ë* (перед носовым), иногда фиксируемую для этого слова.

18. *verë* (<*wáinā), *vera* (<*wainā), ж. р. 'вино' — греч. οἶνη 'виноград': и.-е. *uóinā (наряду с более распространенным *uóinom, -os) [9, S. 1121].

19. *mes* (<*médja), *mese* (<*medjái), м. р. 'середина' — др.-инд. mádhya-'средний', греч. ἀτ. μέσος то же, лит. mēdžias 'лес, дерево'

(об акцентуации последнего наряду с некоторыми важными для данного случая замечаниями см. [12, с. 46]): и.-е. *médhios. Ауслautное -s в mes (на месте ожидаемого -z) остается неясным, однако именно -s исключает возможность заимствования из греческого.

20. darkë (<*dárkã), darka (<*darkã), ж. р. 'ужин' — греч. δάρπη то же (также δάρπον, δάρπος): и.-е. *dórk^wã (албано-греческая изоглосса).

21. ëndërr (<*án(e)rjã), ëndrra (<*an(e)rjã), ж. р. 'сон' — греч. ὄνειρον, ὄνειρος то же: и.-е. *óneriom. Жен. род албанского слова соответствует и.-е. ср. роду [9, S. 779]. В алб. ëndërr фонетическое развитие группы *-nr->-nd(ë)r-.

22. hudhër, стар. hurdhë (<*skúrdã), hudhra, стар. hurdha (<*skurdã), ж. р. 'чеснок' — греч. σκόρ(ο)δον то же: и.-е. баритонное *skórdom (албано-греческая изоглосса). Жен. род албанского слова закономерно отражает и.-е. средний.

23. emër (<*émen-), emra (<*emenã), м. р. 'имя' — слав. *jъmę (подв. а. п.): и.-е. *énmen-; ср. и более далекие др.-инд. pãma- то же, греч. ὄνομα то же.

24. tul (<*túla), tule (<*tulái), м. р. 'мякоть (плода), мякиш' — греч. τῶλος 'опухоль, мозоль'; семантически более далекие — слав. *túlъ 'затылок', др.-инд. túlam 'метелка растения; тростник': и.-е. *túlos/*túlom [12, с. 150], производное от *teuã-'надуваться, пухнуть, расти' [9, S. 1080—1081]. В алб. tul по неясным причинам в корне краткий гласный.

Следует отметить, что большинство имен с колебаниями в образовании мн. числа (т. е. с колебаниями в раннеалбанском между типами А и В) соответствуют и.-е. баритонированным образованиям: llërë (<*wlénã), мн. ч. llëra | llërë, ж. р. 'рука' — греч. ὠλένη 'локоть': и.-е. *olénã (далее см. [15, с. 25]); greth (<*ráta), мн. ч. grethe и grethë, м. р. 'круг, обруч' (с th неясного происхождения) — лит. rãtas 'колесо' (2 а. п.), др.-инд. rátha-'повозка': и.-е. *rót(h)os; vit (<*wéta), мн. ч. vite и vjet, м. р. 'год' — греч. ἔτος то же: баритонированная s-основа от и.-е. *uet-, перестроенная в албанском в o-основу; hell (<*skōla), мн. ч. helle, heje и hej, м. р. 'копье, вертел' — греч. σκῶλος 'кол': и.-е. *skōlos. Следует предполагать, что эти имена в раннеалбанском относились первоначально к типу В.

Имеется также несколько менее ясных случаев. Алб. pele (<*rōlã), pela (<*rōlã), ж. р. 'кобыла' предполагает и.-е. rō(u)lã, производное к и.-е. *rō(u)los, отраженному в греч. πῶλος 'жеребенок'. Есть основания полагать, что акцентный тип и.-е. *rō(u)la и *rō(u)los должен был совпадать. Сомнительна предыстория алб. plesht, pleshta, м. р. 'блоха' (с загадочным конечным t и неясным анлаутом), которое, тем не менее, относится к типу В и акцентологически не противоречит лит. blusã то же (2 а. п.), греч. ψύλλα то же (ср. также др.-инд. баритонирование формы с глухим в анлауте).

Известные нам исключения (т. е. случаи, когда индоевропейской баритонезе соответствует албанский тип В) в прямом смысле слова нельзя считать таковыми, поскольку все это случаи, для которых аналогичные отклонения прослеживаются в славянском и балтийском (или одном из них). Иначе говоря, речь идет об особой группе примеров, где балто-славянский и албанский противостоят другим и.-е. языкам:

1. dhëmb (<*džãmba), dhëmbë (<*džãmbai), м. р. 'зуб' — слав. *zъbъ (подв. а. п.); баритонеза в лит. žãmbas 'край, грань' (2 а. п.), др.-инд. jámbha-'зуб', греч. γόμφος: 'гвоздь, шип'.

2. natë (<*nátã), natë (<*nátã), ж. р. 'ночь' — слав. *nokъtъ (подв. а. п.); баритонеза в др.-инд. náktam (вин. пад.), náktis (им. пад. мн. ч.) то же.

3. ujk (<*úlka), ujq (<*úlka), м. р. 'волк' — лит. vilkas то же (4 а. п.), слав. *vьlkъ (подв. а. п.); баритонеза в др.-инд. vřka-то же.

Сюда же, видимо, следует отнести и

4. ter (< *táura), terë (< *táurai), м. р. 'бык' — лит. taūgas 'тур' (4 а. п.), слав. *turъ (подв. а. п.); баритонеза в греч. ταῦρος 'бык'.

Этот список может быть продолжен за счет соответствующих лексем типа А:

5. motër (< *mātār), motra (< *mātrā), ж. р. 'сестра' — лит. motė 'жена', лтш. mātē 'мать' (< балт. *mātē), слав. *mati (а. п. а), ср. еще греч. им. пад. μήτηρ 'мать'; окситонеза в др.-инд. mātā то же, греч. род. пад. μητρός, герм. *modēr то же.

6. larë (< *lārā), lara (< *larā), ж. р. 'жесткий кусок мяса или кожи' — лит. lāpas 'лист' (2 а. п.), с расхождением в роде; окситонеза в греч. λωρός то же.

7. halë (< *skālā), hala (< *skalā), ж. р. 'кость, рыбная косточка' — слав. *skala (неподв. а. п.); окситонеза в лит. skalā 'лучина, щепка' (4 а. п.), др.-инд. kalā 'частица, кусочек'.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: албанский неподвижный акцентный тип А продолжает индоевропейские образования с подвижно-окситонированной акцентной парадигмой, албанский подвижный тип В — индоевропейские баритонированные образования. Иными словами, в албанском реализованы акцентные отношения, о б р а т н ы е тем, которые реконструируются для индоевропейского состояния.

Возможно, сложный механизм возникновения инвертированного ударения (который мы надеемся рассмотреть особо) связан с некоторыми процессами формирования балто-славянских акцентных типов. На близость к балто-славянскому указывают, как кажется, и некоторые приведенные выше данные. Рассмотренный в работе материал надлежит теперь проанализировать в связи с реконструкцией ударения в именных производных и в глаголе, к чему мы обратимся в другом месте ⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орел В. Э. Происхождение албанской именной флексии в свете славянских и других индоевропейских данных. — Советское славяноведение, 1982, № 3.
2. Çabej E. Nyrje ne historine e gjuhës shqipe. Fonetika historike e shqipes. Prishtinë, 1970.
3. Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin — Leipzig, 1923.
4. Орел В. Э. Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка. I—III. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1982.
5. Орел В. Э. Личные местоимения в албанском языке в сопоставлении с личными местоимениями в славянских и других индоевропейских языках. — Советское славяноведение, 1980, № 5.
6. Bokshi B. Rruga e formimit të fleksionit të sotëm nominal të shqipes. Prishtinë, 1980.
7. Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
8. Çabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. — In: Çabej E. Studime gjuhësore. Prishtinë, 1976, t. 1—2.
9. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern — München, 1959, Bd. I.
10. Fjalor i gjuhës shqipe. Tirana, 1954.
11. Buchholz O., Fiedler W., Uhlisch G. Wörterbuch Albanisch-Deutsch. Leipzig, 1977.
12. Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
13. Орел В. Э. Об условиях перехода *s > алб. sh после *ī, *ū. — В кн.: Славянское и балканское языкознание, вып. 9 (в печати).
14. Jokl N. Beitrag zur Lehre von der albanischen Vertretung der indogermanischen Labiovelare. — Acta Jutlandica, Bd. IX, 1937 (=Mélanges linguistiques, offerts à M. H. Pedersen).
15. Дыбо В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. — Вопросы славянского языкознания. М., 1961, вып. 5.
16. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Tome III. Paris, 1974.
17. Дыбо В. А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. — В кн.: Балтославянские исследования. М., 1974.
18. Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
19. Çabej E. Grupet ND, NG në gjuhën shqipe. — Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqer., 1953, № 4.

⁴ Автор признателен В. А. Дыбо, А. А. Зализняку и С. А. Старостину, ознакомившимся с данной работой в рукописи и благожелательно сделавшим ряд весьма полезных замечаний и дополнений.

УВАРОВСКИЙ СПИСОК ИЗБОРНИКА 1073 ГОДА

Древнейший из сохранившихся сборников русского извода — Изборник Святослава 1073 г. — имеет значительное количество списков. В настоящее время известно 22 рукописи, представляющие собой либо собственно списки Изборника (полные или неполные), либо сборники, в состав которых, наряду с другими текстами, включены относительно полные списки, части или фрагменты содержания Изборника Святослава¹. Списки Изборника исследованы недостаточно, а некоторые из них изучены лишь на уровне кратких археографических описаний. К числу списков, имеющих лишь краткое описание, относится и Уваровский, хранящийся в Уваровском собрании рукописей Государственного Исторического музея (ГИМ, отдел рукописей, Ув. 757, 4°). Между тем изучение каждого списка Изборника, этого интереснейшего памятника славянской культуры, представляется важным.

Описание рукописи, в которой содержится этот список, было выполнено в 1848 г. П. М. Строевым [3]. Ученый отметил, что эта рукопись представляет собой сборник XVII в. с утраченными в начале и в конце листами. Сборник состоит из двух частей, причем первая и вторая части не имеют отношения друг к другу. П. М. Строев установил, что первая часть сборника «в полном составе, конечно, двойник так называемого Изборника Святослава, но не список с него: полуустав молдавского почерка нач. XVII в.». Далее в описании отмечено, что текст списка содержит вопросы и ответы Анастасия Синаита и ряд других статей, общих с Изборником Святослава.

В конце XIX в. описание П. М. Строева было без изменений включено арх. Леонидом в Описание рукописей собрания А. С. Уварова, в состав которого вошли рукописи, ранее принадлежавшие И. Н. Царскому [4]. Долгое время после этого Уваровский список не привлекал внимания ученых. Лишь в 1974 г. К. М. Куев, основываясь на описании П. М. Строева, обратился в числе других списков Изборника и к этой рукописи [5]. Но как в этой, так и в упоминавшейся выше статьях К. М. Куева новых данных об этом списке Изборника фактически не приводится. Таким образом, Уваровский список вплоть до настоящего времени не имел полного археографического и палеографического описания, его содержание не было сопоставлено с рукописью 1073 г. и не определено его место среди других списков. Разрешению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Рукопись Ув. 757, в которой находится список Изборника, представляет собой сборник-конволют размером в 4° (16,5 × 13,5 и 17,8 × 13,8 см.), написанный двумя почерками в соответствии с его двумя частями. В сборнике 190 листов (137 + 53). Нумерация по верхнему правому углу листов:

¹ Кроме 20 рукописей, учтенных в новейшей статье болгарского филолога К. М. Куева [1], см. еще [2] и рукопись Львовского музея украинского искусства № 489; за сообщение об этой рукописи приношу благодарность В. Федеру и В. И. Свенцицкой. В дальнейшем все эти рукописи мы условно будем называть списками.

буквенная — от РД до ТКИ и цифровая от 1 до 178. В цифровой нумерации имеются пропуски. Как буквенная, так и цифровая нумерации не современны тексту; по всей вероятности, они относятся к XIX в., но выполнены не одновременно и не одним почерком. На обеих частях рукописи (на начальных листах) одним и тем же почерком (по всей вероятности — П. М. Строева) сделаны пометы: «№ 721. Сборник». На л. 1 (не нумерованном) запись: «№ 721 нов. кат-га. Сборник из двух рукописей: 1. Двойник сбор-а Св-ля. 2. Шесть глав б/ч другого. Листов 328». Переплет сборника поздний (вероятно XIX в.) — доски в тисненой коже светлокорицевого оттенка; тиснение простое и золотое. Кожа на корешке переплета не составляет единства со всей остальной, она подклеена. Застежки литые, латунные, стилизованы под XVII в.

Список Изборника расположен в первой части рукописи и имеет нумерацию листов: буквенную — РД — ПЕ и цифровую — 1—125. При этом цифровая нумерация представлена в следующем виде: л. 1—20, 22—53 (№ 21 пропущен), 53а—66, 66а—79, 70—79 (повтор), 80—110, 110а—125. Судя по буквенной нумерации листов, список некогда был полным. Бумага списка Изборника плотная, с желтоватым оттенком. Водяные знаки «почтовый рожок с перевязью в гербовом щите» (типа Брик № 7867. 1586—1610 гг.) и «лев в гербовом щите» (подобный знак см. [6, с. 51] — № 466, 1610—1612 гг.)². Таким образом, Уваровский список следует датировать, как и предполагал П. М. Строев, началом XVII в. Первая часть рукописи (список Изборника) сохранила следы обгорания — ее нижний левый угол утрачен (в пределах 2 см), однако текст огнем затронут не был. На месте утрат по листам — следы обугливания. Листы списка имеют следы воздействия влаги. Обрез листов тонирован светлозеленой краской.

Вторая часть рукописи представляет собой фрагмент сборника слов и поучений. Сохранилось 8 выделенных киноварью заголовков статей с соответствующими текстами, однако П. М. Строев две из них не считает самостоятельными [3, с. 775]. Письмо второй части также относится к XVII в. Кто и когда переплел эти совершенно разные рукописи вместе, остается неясным. Возможно, что первый известный владелец этой рукописи, И. Н. Царский, приобрел ее уже в таком виде.

Текст списка написан в один столбец по 19—20 строк на листе. На некоторых листах 20-я строка наполовину обрезана при переплетении. Чернила светлокорицевые, однотонные. Заголовки статей и инициалы киноварные. Киноварью же написаны и номера статей списка. В орфографии встречаются *ш*, *су*, *х*, *та*, *а*, *ж*, *ф*. При этом, юсы в большинстве случаев поставлены неправильно. В конце слов — мягкость согласных: *разумеаь*, *тленена*, *отгекъ*, *едина*, *послухъ*, *оумъ*, *миръ* и т. п. Выносные — *р*, *м*, *а*, *х*, *ж* и некоторые другие, как под титлами, так и без них. Сокращения обычные и довольно многочисленные. Текст характеризуется развитой диакритической системой. Акцентуация свидетельствует о нерусском происхождении списка: *хбтяше*, *исходит*, *писания*, *обходит*, *подобию* и т. д. Как уже упоминалось выше, П. М. Строев и вслед за ним К. М. Куев писали о «молдавском почерке» списка. Орфография и акцентуация текста списка подтверждают вывод этих ученых о том, что список имеет молдавский извод и что Изборник, как предполагает Г. Михаила [7], был известен на территории Молдавии.

Уваровский список Изборника начинается с полуфразы, которая представляет собой часть ответа на 22-й вопрос — ответ Анастасия Синаита (по рукописи Изборника 1073 г.): «...млъбам полагакт таче словеснаа ны наказуют истокаа преданна что во от Самсила Саоул плъзъ праа». Этот текст относится ко второй части Изборника Святослава. Список не имеет и окончания; текст заканчивается словами: «мы(ж) слышали есмо с(т) раба Интигисо(к)».

Сравнение сохранившегося текста списка с рукописью Изборника Свя-

² За помощь в определении водяных знаков списка приношу благодарность Т. В. Диановой.

тослава 1073 г. показывает, что начало его текста и две первые пронумерованные статьи («КГ. Бзпрос. Чжкстгвенли е рани...» «КД. Фесдорига Кираграда...») не имеют аналогии в Изборнике 1073 г., так как они в нем утрачены, см. [8]. Далее, начиная со статьи 25, Уваровский список, за исключением отдельных моментов, которые будут отмечены ниже, повторяет содержание Изборника Святослава 1073 г. вплоть до статьи «Тсго жде бси прорку откуда быша и ст конх оца». Таким образом, перед нами список, в котором содержится лишь вторая часть Изборника Святослава.

Всего в Уваровском списке 166 выделенных киноварью заголовков статей или их составных частей. Однако нумерацию имеют названия вопросов-ответов Анастасия Синаита, а после них — лишь отдельные статьи. Это отличает список от рукописи 1073 г. и от некоторых других списков, в которых нумерацию имеют все статьи и их составные части. Всего пронумерованных статей в списке формально 66 (23—89), но фактически их меньше (63), так как некоторые из них утрачены. Отдельные статьи списка пронумерованы дважды (одним и тем же номером), например, «глак/а/КГ» (на поле листа), а затем, после названия статьи «сткет КГ» (в строке).

Если все статьи и их составные части Уваровского списка последовательно пронумеровать от 1 до 166 и сопоставить эту условную нумерацию с фактической нумерацией статей и их составных частей в рукописи Изборника 1073 г., то получается следующая таблица соответствий:

Ув. список	Изб. 1073 г. ³	Ув. список	Изб. 1073
1—10	—	—	88
—	1—3	64—74	89—99
11—12	27—28 ⁴	75	—
—	29—34	76—96	100—119 (+1 б.н.)
13	—	97—98	121—122
14—26	35—47	99	120
27—32	48—53	100—120	123—143
33—40	54—60 (+1 б.н.)	120а	144—145
41—49	61—68 (+1 б.н.)	121—150	146—175
—	69—72	151	—
50—61	73—84	152—163	176—191
—	85	164—166	192—194
62—63	86—87	—	—

Если сопоставить лишь пронумерованные статьи списка с соответствующими местами в тексте рукописи Изборника 1073 г., то соответствия окажутся следующими (первая цифра — номер статьи Уваровского списка, вторая — номер статьи второй части рукописи 1073 г.) 25/27 (статьи 23—24 в Уваровском списке не имеют аналогии), 26/28, 30/35 (статьи с номерами 27—29 в Уваровском списке не сохранились), 31/37, 32/39, 33/42, 34/43, 35/45, 36/46, 37/48, 38/49, 39/51, 40/55, 41/59, 42/б. г., 43/60, 44/61, 45/б. н., 46/63, 47/66, 48/67, 49/73, 50/74, 51/75, 52/76, 53/77, 54/83, 55/84, 56/87, 57/90, 58/91, 59/92, 60/93, 61/95, 62/97, 63/98, 64/99, 65/—, 66/104, 67/106, 68/108, 69/112, 70/119, 71/127, 72/132, 73/133, 74/134, 75/135, 76/136, 77/139, 78/140, 79/141, 80/143, 81/147, 82/149, 86/177 (статьи 83—85 Уваровского списка не имеют нумерации и потому не сопоставляются с соответствующими статьями рукописи 1073 г.) 87/180, 88/181, 89/184. Завершение списка 89-й статьей не означает большой утраты текста: отсутствует лишь несколько листов, составляющих заключительную часть Изборника 1073 г. Кроме того, в списке нет «Похвалы» и «Летописца вкратце».

Как уже отмечалось, в Уваровском списке пронумерованы лишь вопросы-ответы Анастасия Синаита и некоторые другие статьи в конце текста. Подобная система нумерации статей Изборника не является уникальной. В настоящее время известно несколько списков этого памятника,

³ Здесь фактически нумерация второй части Изборника 1073 г.

⁴ Статьи с номерами 4—26 в Изборнике 1073 г. утрачены.

нумерация которых близка к Уваровскому. К числу таких списков относятся Выголексинский (БАН, 33.8.15, XV в., [9]), Вильнюсский (б-ка АН Лит.ССР, Slav. 260, XVI в., [10]), Перемышльский (Нац. б-ка, Варшава, Акц. 2699, XVI в., [11]), Овчинниковский и Егоровский (ГБЛ, ОР, ф. 209, № 108; ф. 98, № 745, XVII в., [12]) и, наконец, Единоверческий (ГИМ, ОР, Единоверческое собр., № 34, перв. пол. XVIII в., [2, с. 10]). Кроме того, сходства с перечисленными списками имеются в сложной нумерации Второго Кирилло-Белозерского списка (ГПБ, ОР, Кир.-Бел. № 75/1157, XVI в.). В частности, одна из систем нумерации этого списка оканчивается на номере 89.

Древнейшим списком Изборника с подобной нумерацией является Выголексинский. Однако отдельные элементы такой нумерации имеются в Синодальном списке 1403 г. (ГИМ, ОР, Син. № 275). Не исключено, что Выголексинский список своим протографом имеет именно Синодальный 1403 г. В таком случае писец Выголексинского списка отказался от основной нумерации Синодального списка и развил нумерацию лишь вопросов-ответов Анастасия Синаита. Впрочем, более вероятным является предположение о том, что дополнительная нумерация вопросов-ответов Анастасия Синаита в Синодальном списке не является оригинальной; она, вероятно, возникла в результате знакомства писца этого списка с рукописью Изборника, в которой были пронумерованы лишь первые 15 и последующие 89 статей. В таком случае Выголексинский и все остальные списки этой группы имели протограф XIV в., который не сохранился или пока не известен.

Зависимость списков Изборника этой группы (в том числе и Уваровского) друг от друга и от протографа требует специального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кувс К. М.* Археографски бележки за разпространението Симеоновия (Святославовия) сборник в старите славянски литератури.— Старобългарска литература, кн. 5. София, 1979, с. 38—56.
2. *Лёвочкин И. В.* Новый список Изборника Святослава.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1981, с. 7—11.
3. Рукописи славянские и российские, принадлежащие... И. Н. Царскому. Разобраны и описаны Павлом Строевым. М., 1848, с. 774—775.
4. Леонид, арх. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, с. 168—170.
5. *Кувс К. М.* Симеоновият сборник и неговите потомци.— Годишник на Софийския ун-т, ф-т по славянски филологии, 1974, т. 67. См. также на русском языке: Археографические наблюдения над сборником Симеоновия в старославянских литературах.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Сб. статей. М., 1977, с. 55.
6. *Каманин Г., Вітецька О.* Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923.
7. *Михайла Г.* Две копии Симеонова сборника в Библиотеке Румынской Академии.— В кн.: Nahtigalov zbornik. Ljubljana, 1977. с. 275.
8. *Горский А. В., Новоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, ч. 2, отд. 2. М., 1859, с. 400.
9. Описание рукописей и книг хранящихся в Выголексинской библиотеке. Составлено Е. Барсовым. СПб., 1874, с. 61.
10. *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882, с. 432.
11. *Калужняцкий Е.* Обзор славяно-русских памятников языка и письма, хранящихся в библиотеках и архивах Львовских.— В кн.: Труды третьего археологического съезда в России, Киев, 1878, с. 283.
12. *Грязина Л. П., Щербачева Н. А.* К текстологии Изборника 1073 г. (По рукописям Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) — В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977, с. 59.

АПАНОВИЧ Е. М.

АРХИВ А. И. СТЕПОВИЧА

Андроник Иоанникиевич Степович более 50 лет трудился на ниве отечественного славяноведения: опубликовал большое количество работ, переводил произведения славянских писателей, долгое время преподавал в Киеве славянские литературы, поддерживал научные контакты и вел переписку с русскими и украинскими деятелями культуры, выдающимися писателями и учеными зарубежных славянских стран.

Однако до настоящего времени не издано специального исследования об этом слависте, который существенно способствовал развитию славяноведения. Не опубликована до сих пор и библиография его работ. Отдельные отзывы о книгах и статьях А. И. Степовича разбросаны по киевским, петербургским, московским и другим дореволюционным отечественным и зарубежным периодическим изданиям. В советское время, в связи с 70-летием А. И. Степовича и 50-летием его научной и педагогической деятельности, ему была посвящена статья с портретом в «Записках історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук»¹. Откликнулся и ряд газет, в том числе киевская «Пролетарская правда» (за 7 января 1927 г.). В зарубежной славянской прессе также сообщалось о юбилее. Затем, только с конца 50-х годов в работах, связанных с рассмотрением отдельных вопросов истории славянских литератур, появилось несколько попутных упоминаний и кратких, далеко не исчерпывающих характеристик научной деятельности А. И. Степовича [1]. Биографические сведения о нем помещены в ряде энциклопедических и биографических словарей [2—6], автобиографические — в юбилейном сборнике одного из киевских учебных заведений [7].

Вместе с тем, жизнь, деятельность и творчество А. И. Степовича нашли достаточно полное отражение в материалах его большого личного архива (923 ед. хр.), который входит в состав фондов Отдела рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской ССР² и впервые вводится нами в научный оборот [8].

В данной статье ставится задача описать материалы архива А. И. Степовича с целью привлечения внимания ученых-славистов к этому ценному архивному источнику, изучение которого может не только способствовать более глубокому и полному пониманию вклада А. И. Степовича в науку, но и предоставить в распоряжение исследователей новые сведения для освещения длительного периода развития славистики в нашей стране. Для составления краткой справки о творческой биографии фондообразователя были использованы в значительной степени документы и другие рукописи из его архива.

¹ Далее — «Записки ВУАН».

² Далее — ЦНБ АН УССР.

А. И. Степович (полная фамилия — Дудка-Степович) родился в 1856 г.³ в деревне Лебединцы Прилукского уезда на Полтавщине, по его собственному определению, в малосостоятельной сельской семье. Его предок переселился из Черногории на Украину, спасаясь, подобно многим его соотечественникам, от турецких преследований [8, № 1].

Первоначальное образование Андроник получил в уездном училище, в 12 лет поступил во 2-й класс Черниговской гимназии, из 5-го класса которой в 1871 г. перешел в открывшуюся тогда Коллегию им. Павла Галагана в Киеве. Коллегию создал известный своими либеральными и просветительскими настроениями украинский помещик и высокопоставленный чиновник Г. П. Галаган в память скончавшегося в 16 лет своего сына Павла, выделив для содержания Коллегии несколько имений в Полтавской губернии и три дома в Киеве. Коллегия являлась средним учебным заведением с четырьмя высшими гимназическими классами. Учебный процесс там был построен на прогрессивных для того времени педагогических основах, с использованием идей Яна Амоса Коменского (например, о классно-урочной системе и о первостепенном значении воспитания и др.). Среди тщательно подобранных педагогов было немало выдающихся ученых. Некоторые воспитанники Коллегии стали впоследствии известными учеными и деятелями культуры, например, президент Академии наук Украинской ССР⁴, академик ботаник В. И. Липский, первый непрременный секретарь Академии востоковед, филолог, писатель, акад. А. Е. Крымский, академик АН СССР историк Д. М. Петрушевский и др.

Андроник Степович закончил Коллегию в 1875 г. с золотой медалью и поступил в этом же году на историко-филологический факультет Киевского университета.

Интерес к славистике проявился у него чрезвычайно рано. Еще в Черниговской гимназии он заинтересовался чешским языком; изучал украинскую словесность значительно шире, чем требовал учебный курс; составил рукописные сборники украинских, русских песен, а также песен южных и западных славян [8, № 6, 122, 123]. В Коллегии Павла Галагана его увлеченность славянскими литературами поддерживали преподаватели: выдающийся русский педагог и историк В. Д. Сиповский и крупнейший украинский филолог, фольклорист, чл.-корр. Петербургской Академии наук П. И. Житецкий. Здесь Андроник перевел с чешского на русский язык историческую драму Красослава Хмеленского — «Ласка Чехова» [8, № 29]. Занятиями А. И. Степовича в университете руководил замечательный ученый — славист А. А. Котляревский. Темой своей диссертации А. И. Степович избрал «Труды В. Б. Небесского по истории средневековой чешской литературы».

А. А. Котляревский предложил ему остаться на кафедре для подготовки к профессорскому званию, по специальности чешская литература. Однако А. И. Степович после окончания университета в 1879 г. в течение девяти лет преподавал русскую словесность и педагогику в киевских средних учебных заведениях. В 1887—1888 гг. он подготавливал и возглавлял в г. Остроге съезд учителей чешских школ, созданных для живущих на Украине чехов. С 1889 г. на протяжении пяти лет работал инспектором чешских школ Волынской губернии, живя в Шепетовке и Нежине.

В 1892 г. А. И. Степович получил звание приват-доцента по кафедре славянской филологии Киевского университета за пробную лекцию: «Главнейшие направления в новой чешской словесности». Через два года он уже читал систематический обязательный курс по славянской филологии для «словесников» 3—4 курсов и проводил с ними практические занятия.

В 1893 г., когда возникла необходимость в назначении нового директора, наследники учредителей Коллегии Павла Галагана по совету ряда ученых остановили свой выбор на А. И. Степовиче. Он руководил Кол-

³ Дата рождения А. И. Степовича — 1857 г., называемая в советских справочных изданиях, ошибочна. Сам А. И. Степович в «Жизнеописании» и «Анкете» для Дома ученых называет 1856 г.

⁴ В то время — Всеукраинская Академия наук (ВУАН).

легий 13 лет, с декабря 1893 г. по август 1906 г., не оставляя преподавания в университете. В 1906 г. А. И. Степович основал в Киеве собственную частную мужскую гимназию, куда перенес многое из учебно-воспитательной системы и распорядков Коллегии. Одновременно с этим А. И. Степович читал лекции по славяноведению не только в университете, но также и на высших женских курсах (с 1909 по 1913 гг.), а вечерами — при университете для широкой публики.

После победы Октябрьской революции А. И. Степович преподавал в Киевском университете, а с преобразованием последнего в 1920 г. во Всеукраинский институт народного образования, работал здесь профессором. Ему были поручены все дисциплины на кафедре славянской филологии. После ликвидации в 1924 г. этой кафедры он читал курс истории культуры балканских народов в Киевском институте востоковедения и курс славянской филологии — аспирантам кафедры истории в Академии наук УССР. С 1930 г., в связи с резким ухудшением здоровья, А. И. Степович окончательно отказался от преподавания.

Но и в это время, до конца своих дней (1936), ученый не оставлял научно-исследовательской работы, которой он, в такой же мере, как и преподаванию, посвятил всю свою сознательную жизнь, начав печататься со студенческой скамьи. Первая его публикация в 1877 г. была посвящена сербскому и украинскому фольклору [9]. В 1882 г. вышла в Киеве книга под названием «Славянские наречия». Статья профессора Гебауэра. Перевод и примечания А. Степовича», которая была утверждена в качестве учебного пособия для студентов. Через два года в «Славянских известиях» появился перевод А. И. Степовича «Горных рассказов» А. Ирасека с обширным предисловием переводчика.

Осуществляя свой замысел о непосредственном ознакомлении со славянскими странами, А. И. Степович в 1884 г. посетил Прагу и другие чешские города и села. В результате дальнейших неоднократных поездок в славянские страны, а также в Германию, Австрию и Францию у него установились личные контакты с многими зарубежными славистами и писателями из славянских стран, о чем он вспоминает в статьях, посвященных их творчеству. Спустя несколько десятилетий он вспоминал: «В 1884 г. я задумал выпустить в свет четыре однородных книжки по истории славянских литератур: болгарской, сербской, чешской и польской. Для этого нужно было непременно поехать в славянские страны, чтобы там на месте поработать в библиотеках, музеях и т. д., ознакомиться с современными литературными течениями и направлениями, войти в местные писательские круги и т. д.» [10].

Наиболее крупные его работы — «Очерки истории чешской литературы» (1886), удостоенные премии Министерства просвещения; «Очерки из истории славянской литературы» (1893), объединившие ряд его отдельных исследовательских статей; «Очерки истории сербохорватской литературы» (1899). Им же были подготовлены и изданы с помощью Киевского славянского общества два славистических научно-литературных сборника: «Славянская беседа», кн. I—II (1888—1891) и «Рассвет» (1893), в которых он участвовал и как автор статей.

Но особенно активно и плодотворно А. И. Степович выступал со статьями и заметками, систематически публикуя их в литературных, научных журналах и других изданиях Киева, Петербурга, Москвы, Воронежа, Риги и др., а также на страницах иностранных периодических изданий. Наряду с литературными зарубежных славянских стран, тематика его статей включала вопросы украинской и русской словесности, а также проблемы педагогики.

Однако преобладающей была славянская тематика. А. И. Степович внимательно следил за развитием славянских литератур и за появлением новых славистических исследований за рубежом и внутри страны, информируя о них не только научную, но и широкую общественность. Он переводил стихи и прозу зарубежных славянских писателей, освещал их деятельность, изучал литературные течения, писал рецензии, критико-библиографические заметки, выступал в научных обществах с докладами,

как правило, публикуя впоследствии их тексты. Далеко не полный перечень дореволюционных изданий, в которых он печатался, включает до двух десятков названий⁵. Свои систематические и многолетние публикации в «Филологических записках» (Воронеж), посвященные славянским литературам, он издал в виде отдельных выпусков [11—14].

Перу А. И. Степовича принадлежит большое количество статей в энциклопедических словарях (Брокгауза и Эфрона, «Русском биографическом словаре» и др.), например — Лужицкая, Сербская, Словацкая, Словинская, Чешская литература, статьи о языке славянских народов, об А. А. Котляревском и т. д.

А. И. Степович был редактором и издателем пяти выпусков «Ежегодника Коллегии Павла Галагана» (Киев, 1894—1901 гг.), сборников «25-летие Коллегии Павла Галагана» (Киев, 1896 г.) и «Семилетие Киевской А. И. Степовича гимназии» (1913). Здесь были помещены его славистические работы. Участвовал он также в нескольких археологических съездах, выступая с докладами, посвященными проблемам славяноведения.

В советское время А. И. Степович активно и интенсивно занимался научной и литературной деятельностью. Он печатался более всего в научных сборниках и периодических изданиях Академии наук УССР. В «Записках ВУАН» он вел отдел славянской библиографии. В течение 20-х и первой половины 30-х годов он систематически откликался рецензиями, обзорами, заметками на произведения художественной литературы и исследовательские работы, которые выходили в зарубежных славянских странах. Неопенима заслуга А. И. Степовича в ознакомлении советской научной и широкой общественности с состоянием и развитием отечественной и европейской славистики. В тематике его публикаций в этот период сравнительно большое место начинает занимать украинистика, появляются статьи мемуарного характера. А с 1930 г., как пишет в неопубликованном «Жизнеописании» сам А. И. Степович, его «работа сосредоточилась главным образом в Ленинградской академической комиссии по составлению «Словаря русского языка» при Академии наук СССР» [8, № 1].

В личном архиве А. И. Степовича его статьи, заметки, доклады, рецензии хранятся в виде машинописных и рукописных текстов, преимущественно автографов, иногда в двух и более вариантах, а также — в виде гранок, версток и оттисков из журналов и сборников.

Оттиски его работ, как правило, пестрят авторскими рукописными дополнениями, исправлениями; в них иногда восполнялись сокращения, произведенные при издании, что, безусловно повышает информативную ценность рукописных материалов этого архива, подавляющее большинство которых напечатано. Такие дополнения, например, сделанные на его ранних работах через большой промежуток времени после их публикации, отражают более зрелые суждения их автора, соответствующие новому уровню науки. Так, обширные рукописные дополнения и вставки имеет книга А. И. Степовича о Яне Амосе Коменском, изданная в 1892 г. в соавторстве с Ф. Л. Ярешем [8, № 921].

Большое количество дополнений А. И. Степович делал не только на своих, но и на изданиях других авторов: брошюры, оттиски, тома служили основой, своеобразной сеткой, на которую он накладывал свой текст, фиксируя размышления и замечания по поводу прочитанного, используя для этого верхние, боковые и нижние поля, исписывая отдельные листы и вкладывая их между страницами книги.

Две книги А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича — «Обзор истории славянских литератур» (1865) и первый том «Истории славянских литератур

⁵ «Киевская старина», «Журнал министерства народного просвещения», «Русская мысль», «Русский архив», «Образование» (ранее «Женское образование»), «Киевские университетские известия», «Известия славянского общества» (позднее — «Славянские известия»), «Славянское обозрение», «Киевский славянский ежегодник», «Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», «Записки исторического общества Нестора Летописца», «Педагогический еженедельник» (приложение к журналу «Гимназия», Ревель), «Церковноприходские школы» и др.

(1879), которые были приобретены А. И. Степовичем еще в конце 60—70-х годов XIX в., о чем есть его пометы, имеют большое количество рукописных заметок, особенно много вложено листов, относящихся к началу 30-х годов XX в. Об этом свидетельствуют использованные в качестве черновой бумаги датированные листки, а также старческий дрожащий почерк [8, № 27, 28]. Подобным образом дополнено, например, издание 1915 г. перевода с чешского языка на русский «Очерков истории Чехии» И. Колууска, К. Бечка, Я. Невады.

Такая методика работы сложилась у А. И. Степовича, очевидно, потому, что преобладающим жанром его научного творчества были обзоры, рефераты, характеристики писателей и ученых-славистов, их трудов, сборников, тематических и периодических изданий и др. Это, в свою очередь, определялось задачами, которую он ставил перед собой — «сближение русского общества со славянским» и их взаимное ознакомление с целью укрепления межславянского сотрудничества [8, № 1]. В результате определилось своеобразие некоторых материалов его архива: среди рукописей есть и печатные единицы хранения, но со значительными рукописными добавками.

Между материалами архива по общеславянской тематике первостепенное значение принадлежит неопубликованному объемному рукописному тому — автографу 302 с., озаглавленному автором — «Слов'янські літературні етюди», датированному им 28 декабря 1932 г. На титульном листе запись неизвестного лица с оценкой работы: «Материал полезный для будущего историка славянской литературы (сербской, чешской) на украинском языке. Тут преобладает новый материал, которого нет у Пыпина и Спасовича. Представлены этюды о самых лучших писателях: чешских — Махе и Врхлицком, сербских — Рельковиче и Бранко Радичевиче, а также о Яне Неруде и Витезлаве Галеке». Далее говорится, что у А. И. Степовича подготовлен материал для дальнейших этюдов и называются имена писателей: Ивана Вазова, Асныка, Ашкерца, Сватоплука Чеха, Светозара Гурбана Ваянского, Павла Осага Гвездослава, Христо Ботева, П. Негоша и др. [8, № 25].

Работа А. И. Степовича над темой «Сто лет истории славянской литературы как науки» отложилась в архиве в виде рукописных текстов доклада, прочитанного 2 января 1927 г. на заседании Исторического общества Нестора-Летописца, и большой статьи на украинском языке. Гранки и страницы книги «Записок ВУАН», где эта статья напечатана, дополнены типичным для А. И. Степовича способом [8, № 16]. Другие печатные и рукописные тексты статей, докладов, некрологов посвящены отечественным славистам — В. Качановскому, А. А. Котляревскому, В. И. Ламанскому, А. Н. Ясинскому, а также характеристике состояния зарубежного славяноведения в 20-х годах — «Дещо про стан славістики на Заході» [8, № 12, 13, 17]. Небольшие рукописные заметки А. И. Степовича 20—30-х годов озаглавлены так: «К вопросу о перспективах науки славянской филологии», «Славянские музыкальные деятели», «Проект видань Бібліотеки західно-слов'янських літератур», «Библиографическая заметка к именным указателям славянских писателей. АБВ» [8, № 14, 19, 26].

Хотя не все написанное А. И. Степовичем по тематике чешской литературы отложилось в архиве, но объем таких материалов значителен. Часть из них посвящена Ярославу Врхлицкому, Алоизу Ирасеку, Яну Неруде, Сватоплуку Чеху, А. О. Патеру [8, № 34, 35, 44, 46]. Статья «Ярослав Врхлицкий и русская литература» представлена в архиве автографом в двух вариантах и оттиском из сборника 1928 г., посвященного А. И. Соболевскому, на котором рукописные дополнения предваряет запись А. И. Степовича: «Очень сокращенный сравнительно с подлинником» [8, № 34].

Кандидатская диссертация имеет надпись декана акад. В. С. Иконникова: «Работа не напечатана. Теперь устарела (многое сделал в этом направлении Поливка). О Небесском на русском языке потом работ, по-видимому не было» [8, № 33]. Рукопись большой работы А. И. Степовича «Очерк истории чешской литературы» не сохранилась. Однако в архиве

есть вырезки из газеты «Киевлянин» (1886 г., ноябрь) с отзывами Ф. Яреша, А. Соболевского и ответом автора [8, № 52].

Вместе с текстом рецензии на чешские периодические научные издания и публикации документов — «Sbornik věd právnických a statních», «Slavia. časopis proslavanskou filologii», (I—VII); аp «Slovanský Přehled» — архив включает черновые библиографические заметки и выписки из этих изданий, охватывающие почти три десятилетия [8, № 48—53]. О выступлении А. И. Степовича в качестве оппонента в архиве осталось упоминание об оценке им диссертации В. Ф. Францева «Очерки по истории чешского Возрождения» [8, № 45] и характеристика ученой и преподавательской деятельности приват-доцента кафедры славянской филологии А. М. Лукьяненко [8, № 231].

Значительное место в сфере научных интересов А. И. Степовича занимала сербохорватская литература. В архиве сохранились рукописи ряда статей, написанных им в 20-е годы и посвященных современному этапу ее развития — «Характеристика сербско-хорватской литературы после мировой войны», «Новейшее время сербско-хорватской литературы (1895—1925)», «Сербохорватская „модерная драма“» и др. [8, № 65—67]. Архив включает рукописные и печатные тексты с разработкой им отдельных вопросов сербохорватской литературы: «К вопросу о размере стихотворений дубровицких поэтов», «Пушкин у сербо-хорватов», „Кралице“ — старинное обрядовое празднество на зеленых святках у сербов» [8, № 68, 69, 82], а также с характеристиками: Векослава Клаича, Лазаря Костица, Досифея Обрадовича, Йозефа Паты, Ватрослава Ягича, Вука Стефановича Караджича. Текст речи о Иоване Иовановиче Змае, произнесенной в Киевском славянском обществе, имеет пометку о том, что он был опубликован в отчетах этого общества [8, № 73—80].

От капитального труда — «Очерки истории сербохорватской литературы» — в архиве сохранились только черновые заметки к нему и выполненная самим автором сводка оценок этой книги в иностранных научных изданиях [8, № 70, 71].

Четыре варианта автографа неопубликованной статьи о путевом дневнике начала XIX в. В. Ф. Тимковского, потомка украинского казачьего старшины, воспитанника Киево-Могилянской академии, государственного деятеля России, а также письма В. И. Новицкого и В. И. Щербини (1932—1934) — раскрывают исследовательский поиск А. И. Степовича. Его заинтересовал этот дневник, поступивший в 1932 г. в Рукописный отдел ЦНБ АН УССР⁶, подробным, первым на русском языке описанием земли, природы, экономики, обычаев, верований, литературы и языка поработавшего немецкими феодалами сербо-лужицкого народа. А. И. Степович отмечает прогрессивные взгляды В. Ф. Тимковского, его отрицательное отношение к крепостному праву в Пруссии и огромное сочувствие к борьбе сербо-лужицкого народа против своих поработителей, за сохранение своего языка, «народной сущности, своих племенных самобытных свойств».

Большой объем имеет единица хранения, в которой собраны выписки А. И. Степовича из научных периодических сербских изданий: «Летопис матице српске» и «Босанска вила», выпуски XXII—XXVI за 1907—1912 гг. [8, № 84]. В своем авторском «опытном» экземпляре брошюры «Ф. Кухач и его сборник южно-славянских песен» А. И. Степович попытался расширить печатный текст значительными рукописными дополнениями.

Весьма скупо представлена в архиве А. И. Степовича болгарская тематика. Это преимущественно выписки из монографий и болгарских периодических изданий. Например, из «Болгарска збирка», XIII—XX, за 1912 г., «Периодическо списание на Българско-то книжовно-дружество», XXI—XXII за 1909—1912 гг. [8, № 88], а также — черновые заметки, имеющие авторское название: «К древнеболгарской литературе» [8, № 89],

⁶ Тогда — Всенародная Библиотека Украины.

хотя одна из этих заметок конца 20-х годов посвящена «новейшей болгарской поэзии — Николаю Лилееву» [8, № 90].

К польским материалам в архиве относятся небольшие заметки о Себастиане Фабиане Кленовиче (1545—1602) и Николае Рее (1505—1569), а также выписки и черновые заметки по истории польской литературы [8, № 91—95].

А. И. Степовича, переведившего славянских писателей, занимали проблемы перевода. Некоторые его соображения по этому поводу отразились в материалах архива. Автограф в двух вариантах и оттиск из сборника статей, посвященных академику А. И. Орлову — «Заметки о переводах сочинений Алоиза Ирасека» — имеет приписку А. И. Степовича: «рукопись очень сокращена в печатании (см. саму книгу или оттиск с добавлениями опущенного)». В заметках он оособщает, например, что при выборе для перевода «Горных рассказов» этого чешского писателя он руководствовался «большим этнографическим их значением для русского читающего общества» [8, № 35]. Он также написал критическую рецензию на перевод романа этого же автора на украинский язык «Псоглавцы» [8, № 36]. В архиве находятся отредактированные А. И. Степовичем наборные экземпляры перевода Евгенией Титло романа Каролины Светлой «Первая чашка» (напечатанного во 2-й книге «Рассвет», 1894), а также перевод «Славянских древностей» Нидерле, осуществленный А. А. Скриленко [8, № 36]. Общие вопросы перевода со славянских языков на украинский затрагиваются в заметках 20-х — начала 30-х годов: «По поводу новых украинских переводов инославянской беллетристики» и «Як не треба перекладати з слов'янської мови на українську» [8, № 21, 23]. В начале 30-х годов А. И. Степович составил рекомендательный список произведений сербских и хорватских писателей для перевода на украинский язык [8, № 85].

В своих неопубликованных воспоминаниях о Н. В. Лысенко он сообщает, что выдающийся украинский композитор был большим любителем славянской культуры. Он являлся членом Киевского славянского общества, по его рекомендации хор Коллегии Павла Галагана исполнял чешские и сербские песни и он всегда поддерживал приезжавших на Украину музыкантов — славян, например, сербского композитора Йована Пачу, концерт которого состоялся в Киеве в 1883 г. [8, № 133]. В конце 20-х — начале 30-х годов А. И. Степович написал и издал несколько статей мемуарного характера, например, «3 студентських настроїв 70-х рр.». Ряд публикаций посвящены учредителю Коллегии — Г. П. Галагану, в том числе четыре статьи о нем и некоторые письма и выдержки из его дневника. В заметке «Поправка к статье О. Дорошкевича „Шевченко в приватному листуванні“» А. И. Степович дополняет статью данными в встречах великого украинского поэта с Г. П. Галаганом [8, № 126—131].

По тематике русской литературы и языка в архиве сохранились только две заметки А. И. Степовича: «Обзор изданий детской литературы» и «О засорении русского языка иностранными словами» [8, № 99, 140]. Остальные материалы в архиве по данной тематике — это обзоры изданий, рецензии, отзывы: на книги Л. Жемчужникова, А. Котляревского, И. Срезневского, А. Шахматова. В рецензии на «Словарь русского языка Академии наук СССР» (2 изд.) А. И. Степович не только добавляет ряд пропущенных слов, но и указывает на параллели русским словам в сербском и других славянских языках [8, № 104—118].

Преподавательская и педагогическо-организационная деятельность А. И. Степовича в большей или меньшей степени отразилась в материалах архива: в программах курсов по русской словесности для киевских гимназий и училищ; документах, отражающих учебный процесс и хозяйственное состояние Коллегии Галагана и Киевской частной гимназии А. И. Степовича, в заметке «О положении частных гимназий»; в текстах двух университетских лекций «Борьба главнейших течений в новой сербской литературе» и «Графика у славян», в проспектах, планах курсов славянских литератур, читанных им в советское время; в студенческих конспектах, сочинениях, в курсовых работах, записях практических занятий

по изучению славянских языков, заявлениях о приеме экзаменов и т. д. [8, № 224—256].

Широкая научно-общественная работа А. И. Степовича проявилась прежде всего в его активном и постоянном, продолжавшемся более 35 лет участии в деятельности Исторического общества Нестора Летописца. В архиве А. И. Степовича сохранились письма руководителей этого киевского научного общества за 1895—1930 гг. с просьбами выступить с докладами; приглашения на заседания, юбилейные собрания, их программы; сообщения об избрании А. И. Степовича членом Совета, затем почетным членом общества (1924), на заседаниях которого с 1922 г. он часто выполнял обязанности председателя [8, № 280—310].

Зафиксированные в материалах архива темы докладов А. И. Степовича в Историческом обществе Нестора Летописца и некоторые сохранившиеся их рукописные и печатные тексты, хотя и не представляют исчерпывающих сведений, однако убедительно свидетельствуют о стремлении использовать свои выступления для популяризации славянских литератур и славистических знаний: О характере личности и ученой деятельности П. Шафарика (К 100-летию со дня рождения); К столетию рождения Яна Коллара, певца и проповедника славянской взаимности; К столетию рождения Ф. Прешерна; Памяти Никифора Дучича; Памяти Яна Неруды, чешского писателя; Памяти Сватошлука Чеха; Памяти Адольфа Патеры и Ярослава Врхлицкого; Две славянские утраты (Л. Ненадович, П. Славейков); Хорватский ученый о песнях западных славян Пушкина; К вопросу о размере стихотворений сербских поэтов Дубровицкого периода; Новый труд по истории чешской литературы. Flajšhav Václans. Чешская письменность словом и образом; О книге А. Енсена «Тарас Шевченко»; О состоянии славистики на Западе; Новый шаг в деле взаимного ознакомления славян (Книга Комулича); Славянская энциклопедия, 1910; Алоиз Ирасек (этот доклад сделан 3 июня 1930 г.); Сто лет истории литературы славян (1826—1926); Русские произведения Т. Г. Шевченко и их значение.

Статья А. И. Степовича о 50-летнем юбилее общества была опубликована в «Записках ВУАН» и журнале «Slavia» [8, № 260, 264].

Как секретарь и заместитель председателя Киевского славянского благотворительного общества он составлял его отчеты. В архиве сохранились изданные отчеты за 1895 и 1896 гг., в которые включены тексты речей А. И. Степовича, связанные с юбилейными датами славянских писателей, а также некоторые другие материалы общества за 1912—1915 гг.: заявления болгарского землячества, пленных славян — офицеров, находившихся в Киеве; благодарность от «Управы Кола сербских сестер» за оказанную помощь [8, № 262, 266, 324—325, 387, 901—906].

На собраниях историко-литературного общества при Киевском университете, а также — Киевского литературно-исторического общества А. И. Степович выступал с докладами по славяноведческой тематике, например, — «Мировая скорбь в чешской поэзии».

Таким образом в архиве нашли отражение все стороны многообразной деятельности А. И. Степовича, направленные на пропаганду в нашей стране славянских литератур, прежде всего — чешской, сербо-хорватской и болгарской. Только при учете всех аспектов его преподавательской, педагогическо-организационной, популяризаторско-просветительской и общественно-культурной деятельности возможно изучить и уяснить в полной мере его научное наследие, являющееся значительным вкладом в историю славистики, хотя в нем иногда наличествуют, как справедливо отмечалось исследователями, некоторая недооценка политического и социального факторов и идейного смысла произведений и преобладает в ряде случаев информативность над глубиной анализа.

Архив А. И. Степовича сохранился не полностью. Несколько раз нам встретились его пометки об утрате тех или иных материалов, особенно переписки. Однако даже то, что сохранилось, предстает большую историко-славяноведческую ценность [8, № 266—882].

Зарубежная эпистолярная на чешском, сербском, хорватском, болгарском, французском и русском языках, охватывающая более полувека,

включает преимущественно сведения о публикации в славянских странах работ А. И. Степовича, об отправке ему гонорара, а также — благодарности за высланные книги и др.

В числе чешских корреспондентов А. И. Степовича были Павел Дурдик из Праги, путешественник, издатель книги об Африке, переводчик Тургенева и русских драматических произведений (1888); профессора из Праги — Ченека Зибрт (1892) и Карел Кадлец (1928); Алоиз Матушка из Индржихова Градца (1887); Павел Папачек из Нусле (1902); Иосиф Пата, профессор Карловского университета (1934) и др.

Полвека, хотя и с перерывами, продолжалась переписка А. И. Степовича с Людвигом Кубой, основоположником славянской музыкальной фольклористики, будущим народным художником ЧСР. Они познакомились в 1884 г. во время пребывания А. И. Степовича в Чехии. С тех пор их связывала дружба и научное сотрудничество. Л. Куба, составляя посвященный народным песням восточных славян VII том своего сборника «Slovanstvo ve svuch zřevach» дважды в 1885 и 1886 г., приезжал на Украину. В поездках его сопровождал А. И. Степович, записывая для него тексты песен. В публикации 1905 г. шести украинских песен из собственных и совместных с Л. Кубой записей А. И. Степович провел сравнительный анализ каждой из них с сербскими и другими южнославянскими народными песнями (в архиве: оттиск из «Ежегодника Коллегии Павла Галагана», верстка — «Руководящая заметка к изданным напевам» и автограф их записи).

75 писем Л. Кубы, входящего в состав архива, освещают огромный интерес этого выдающегося деятеля чешской культуры к украинскому и русскому песенному творчеству. В письмах зафиксирован и постоянный книгообмен между Л. Кубой и А. И. Степовичем. В архиве также имеются оттиски доклада и статей А. И. Степовича, посвященных Л. Кубе.

М. Мурко как редактор «Slavii» от имени журнала и от себя лично поздравил А. И. Степовича, «заслуженного славянского деятеля на поле науки и литературы» с 70-летием. Он также прислал на запрос А. И. Степовича, который был председателем Комиссии по связи АН УССР с Президиумом Первого съезда славянских филологов в Праге (май 1929 г.), материалы съезда — бюллетень и отчеты о выступлениях (печатные, на французском языке) [8, № 425].

В архиве имеется приглашение Отделения русского языка и словесности Российской академии наук 1911 г. А. И. Степовичу на заседание Предварительного комитета по устройству съезда славяноведов, а также сообщение об отмене съезда в связи с войной [8, № 359—366].

Из Белграда А. И. Степовичу писал Ст. Башкович в 1894 г. о духовном славянском единении и о благодарности русскому народу за материальную помощь; а Э. В. Родович в 1921 г. обращался к А. И. Степовичу со словами: «Дорогой учитель»; из Загреба к Степовичу пришли письма от Николы Андрици в 1899 г. и Библиотеки Югославской Академии наук в 1899 г. Письмо словинского писателя Яна Лего к нему датировано 1885 г.

А. И. Степович переписывался с выдающимся болгарским писателем Иваном Вазовым, с которым он познакомился во время пребывания последнего в Киеве. К сожалению, письма Вазова не сохранились, остались лишь две открытки [15]. Утраченное частично восполняется приписками адресата, например, на открытке И. Вазова от 21 августа 1894 г. приписка А. И. Степовича: «В пропавшем закрытом письме Вазов написал мне некоторые свои замечания об этом сборнике» («Рассвет»). В открытке от 27 сентября этого же года И. Вазов писал: «Я Вам послал прежде и другие из моих трудов. Задержаны цензурой (и напрасно). Я буду Вам очень благодарен за вторую часть „Славянской беседы“». К открытке подклеена заметка А. Степовича: «В одном из больших своих писем Иван Минич Вазов (пачку с его большими письмами надеюсь разыскать) обменялся со мною замечаниями об этом журнале, так и о другом „Български Пръглед“. Замечания эти — целая статейка». Материалы архива включают переводы А. И. Степовичем рассказов «Украшил столицу», «Служанка» И. Вазова [16]. На печатном оттиске из сборника «Рассвет» переводов А. И. Сте-

повычем лирических стихотворений И. Вазова из книги «Италия» дописка автора переводов: «Разб. стихотв. сборника Вазова „Сливица“ с переводом некоторых стихотворений см. в „Беседе“ Степовича, Киев, кн. I, 1888» [8, № 86]. В советской литературе опубликованы высказывания И. Вазова по поводу оценки его произведений А. Степовичем [17].

Чрезвычайно широк был круг отечественных корреспондентов А. И. Степовича. Украинские и русские филологи, историки, преподаватели и ученые — исследователи, писатели и другие деятели культуры писали из Москвы, Петербурга, Варшавы, Риги, Казани, Нежина и других городов по поводу обмена с ним книгами, о публикации и оценке работ А. И. Степовича, о преподавании славяноведения, о выходе книг в этой области знаний и др. Ему присылали письма университеты; редакции научных и других журналов, газет; энциклопедических словарей с заказами статей; с предложениями написать рецензии, а также доставить свои издания для публикации на них отзывы. Почти 40 лет (1881—1917) длилась переписка и сотрудничество А. И. Степовича с А. А. Хованским, педагогом, писателем, издававшим в течение более трех десятилетий в Воронеже «Филологические записки», а затем — с его преемником и главным редактором С. Н. Прядкиным, славистом (учеником И. И. Срезневского, В. Н. Ламанского и В. Ягича), продолжавшим издание после смерти А. А. Хованского. Столь же длительной была переписка А. И. Степовича с В. Д. Сиповским и его сыном В. В. Сиповским, профессором, историком литературы, с которыми его связывала многолетняя дружба. В их письмах затрагивались вопросы о состоянии образования, о педагогических системах и о событиях в личной жизни А. И. Степовича.

В. П. Горленко, писатель, журналист, доверительно сообщал в своем письме А. И. Степовичу: «Я очень склонился на славянскую сторону. . . в духе свободного союза» и продолжал: «заметки мои о поездке в славянские земли пришлось разбросать в разные места. . . воедино не было и не будет собрано». А. И. Степович опубликовал два письма В. П. Горленко за 1887 и 1904 гг. В первой половине 30-х годов он подготовил к печати еще пять писем за 1901—1903 гг., однако, очевидно, не успел издать. В архиве этих писем не обнаружено.

Ф. Ржига в 1899 г. благодарил А. И. Степовича за приют, предоставленный участникам XI археологического съезда в здании Коллегии Галагана, особенно приехавшим из-за рубежа славянам, что свидетельствовало, по словам автора, «о высокой степени в Киеве славянского сознания», которое А. И. Степович «своими трудами не перестает развивать и укреплять». Е. А. Рыхлик, этнограф, преподаватель славянской филологии в Нежинском институте народного образования, поздравляя А. И. Степовича в 1927 г. с 50-летием научной деятельности, дал высокую оценку его плодотворного труда. Проф. А. И. Яцимирский, сам переводивший сербские рассказы, в своем письме высоко оценивает переводы А. И. Степовича.

В. В. Стасов, отвечая в 1898 г. на письмо А. И. Степовича, писал: «Вы вполне имеете право располагать рисунками моего издания „Славянский и восточные орнаменты“ и воспроизводить оттуда, что Вам угодно». Тут же помета А. И. Степовича: «Вследствие сего письма я воспроизвел в своей книге „Очерк сербской литературы“ заставку XIV в.».

Огромная масса писем, адресованных А. И. Степовичу, дополняет материалы о его научной, литературной и педагогической деятельности, составляя в комплексе его личный архив, который содержит богатейшую информацию для исследователей — славистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ровда К. И.* Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур 1870—1890. Л., 1975.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 62. СПб., 1901, с. 607.
3. *Павловский И. Ф.* Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава, 1912, с. 191—193.
4. Биографический указатель материалов по истории русской школы за 1899—1902 гг. вып. 5, с. 83—84.

5. Славяноведение в дореволюционной России (Библиографический словарь). М., 1979, с. 322—323.
6. Український радянський енциклопедичний словник в трьох томах. Київ, 1968, с. 392.
7. 25-летие Коллегии Павла Галагана. Киев, 1896, с. 53—58.
8. ЦНБ АН УССР, ф. 179.
9. *Степович А.* Поэтические предания сербов о падении их царства. Три казацкие думы о турецкой неволе.— В кн.: Сборник статей и рассказов для юношества. СПб., 1877.
10. *Степович А.* Словянський етнограф Людвік Куба.— В кн.: Етнографічний вісник, 1930, № 9, с. 240.
11. Славянские литературные известия, вып. 1—4. М., 1888.
12. Славянские известия — 93 отзыва о новейших книгах по славяноведению. Воронеж, 1897.
13. Славянские известия. Воронеж, 1914.
14. Известия отделения русского языка и словесности Академии наук, 1903, т. VIII, кн. 2.
15. *Визирь Н. П.* О некоторых материалах болгарского происхождения в фондах Центральной научной библиотеки АН УССР.— В кн.: Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981, с. 139—140.
16. Драски и шарки. Очерки из столичной жизни, ч. I. София, 1894.
17. *Вазов И.* Неизвестные письма Ивана Вазова (Вводная статья и публ. В. И. Злыднева).— В кн.: Славянский архив. М., 1961, с. 240—257.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Д. Б. МЕЛЬЦЕР. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая. 681 — 1981. Минск, 1981, 320 с.

Изучение истории межславянских связей, сотрудничества народов нашей страны и других стран социалистического содружества является актуальной задачей советского славяноведения. В рецензируемой книге, посвященной 1300-летию образования болгарского государства, рассматривается история белорусско-болгарских взаимоотношений с древних времен до наших дней. Книга состоит из двух разделов, в первом из которых показаны отношения между Болгарией и Белоруссией с раннесредневекового времени до социалистической революции в Болгарии, а во втором — сотрудничество в период социалистического строительства.

В раннефеодальной истории автор выделяет сведения различных источников о политических и культурных связях болгарского государства с Древней Русью, в состав которой входили белорусские земли. Отмечая общеславянское значение создания и распространения азбуки, Д. Б. Мельцер приводит разнообразные факты взаимодействия древнеболгарской и древнерусской литератур. На протяжении веков продолжался широкий обмен культурными ценностями, не прерывавшийся и «после того, как в конце XIV в. раздробленная феодальная Болгария оказалась под властью османских поработителей, а белорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского» (с. 20). Значительное внимание уделено в книге той поддержке, которую оказывала демократическая общественность Белоруссии героической борьбе болгарского народа за свободу и независимость. Интересны факты о связях уроженцев Белоруссии А. Д. Трусова, Н. К. Судзиловского с болгарскими революционерами.

Заметную роль в общественной жизни и революционном движении в освободившейся Болгарии играли также Я. И. Транец, М. В. Игнатов и другие выходцы из белорусских земель. В конце XIX — начале XX в. были установлены контакты между деятелями социал-демократического движения Болгарии и Белоруссии. В это же время в работах белорусских ученых Е. Ф. Карского, В. В. Качановского, литературных деятелей М. Богдановича, Ф. Богушевича пропагандировались достижения куль-

турных взаимоотношений между двумя народами. В Болгарии публиковались отзывы на произведения белорусских поэтов и писателей, а также переводы. Автор подчеркивает, что белорусско-болгарская дружба развивалась в совместной борьбе российского и болгарского пролетариата против эксплуататоров.

Много новых фактов приводится в рецензируемой книге, особенно в разделе об интернациональных связях в период после Великого Октября. Если ранее автором уже были рассмотрены межгосударственные отношения между СССР и Болгарией [1], то здесь показаны преимущественно общественные связи двух стран, деятельность болгар в Советской Белоруссии, солидарность белорусских трудящихся с революционным движением в царской Болгарии. В 20—30-е годы по общественной линии было установлено культурное и научное сотрудничество. «Вопреки официальной политике болгарского правительства, — замечает автор, — всеми силами пытавшегося свести их к минимуму, благодаря усилиям коммунистов и прогрессивной интеллигенции духовные контакты расширялись» (с. 128).

Автором ярко показано боевое содружество болгар и советского народа в годы второй мировой войны, участие болгарских интернационалистов в партизанском движении на территории оккупированной фашистами Белоруссии. С привлечением новых архивных материалов освещена деятельность Л. Карастояновой, Д. Димитрова, О. Костюк, М. Илюстинова, В. Челябинского и других патриотов. Показано также и участие белорусских солдат и офицеров в освободительном походе Советской Армии в 1944 г.

Вторая часть книги названа «Дорогой дружбы и сотрудничества». В рамках развития отношений между СССР и НРБ раскрывается роль БССР в этом процессе, а также в расширении сотрудничества на международной арене, углублении процессов экономической интеграции и культурного обмена. При координирующей роли ЦК КПСС и ЦК БКП динамично развивается сотрудничество и обмен опытом коммунистического и социалистического строительства между Коммунистической партией Белоруссии и

Болгарской коммунистической партии. В книге отмечается плодотворный характер и позитивные итоги межпартийных связей на примере взаимного обмена визитами в 60—80-е годы. В эти годы проходило также взаимное ознакомление государственных и парламентских делегаций с достижениями братских народов. Существенный вклад в развитие интернациональных связей советских и болгарских трудящихся вносят массовые общественные организации Белорусской ССР. Автор собрал большое количество документов о развитии белорусско-болгарских контактов на самых разных уровнях: от низовых коллективов до республиканских организаций. Материалы периодической печати, использованные в книге, позволили автору дать множество примеров дружеских отношений, в развитии которых велика роль обществ дружбы. В Болгарии по инициативе Всенародного комитета болгаро-советской дружбы проводились недели белорусской музыки, фестиваль белорусского кино, декады белорусской культуры, торжественно отмечались юбилейные даты БССР и КПБ. Только в рамках декады белорусской культуры в НРБ в 1965 г. было проведено 43422 мероприятия. Активное участие широких слоев населения в совместных мероприятиях способствуют интернациональному воспитанию трудящихся.

В книге впервые обобщены данные о контактах БССР и НРБ в международных организациях. В разделе об экономическом сотрудничестве подробно характеризуются масштабы и динамика раз-

вития взаимовыгодных отношений между НРБ и СССР. В рамках этого процесса рассматривается и конкретный вклад БССР. Привлечение данных ведомственных архивов и прессы последних лет позволило конкретизировать процесс социалистической экономической интеграции на примере сотрудничества НРБ и БССР.

Богатый фактический материал собран и обобщен в разделе о расширении и углублении белорусско-болгарских взаимосвязей в сфере духовной жизни. Взаимодействие социалистических культур Белоруссии и Болгарии показано в широком диапазоне различных областей науки и искусства, просвещения и литературы. Динамичный процесс этого сотрудничества характеризуется в книге как обогащение национальных социалистических культур.

Богатство содержания книги о традициях белорусско-болгарских взаимоотношений дружбы и сотрудничества, раскрытие динамики этих отношений в условиях социализма, ее идейно-воспитательное значение, способствующее укреплению интернациональных связей социалистических стран, позволяют высоко оценить работу Д. Б. Мельцера.

Воронков И. А., Билунов Б. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения (1917—1935). Минск, 1975 и др.

Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981, 184 с.

В монографии Л. В. Заборовского освещается история международных отношений в Восточной Европе в 40—50-х годах XVII в., а также русско-польские отношения вплоть до Первой Северной войны. В ней рассматриваются позиции Швеции, Крыма, Османской империи и Бранденбурга, политические, экономические, отчасти и военные интересы Англии, Нидерландов, Франции, Австрии, Дунайских княжеств, Трансильвании.

Работа основывается на обширной литературе и архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот. Автору удалось показать причины восточноевропейского кризиса середины XVII в., начало той тенденции русско-польских взаимоотношений, которая впоследствии привела к сближению двух стран. Исследование нового архивного материала позволило уточнить, а в ряде случаев осветить совершенно по-новому цели политики польского короля Яна Казимира в отношении Украины, России, Швеции, Крыма. Представляет интерес анализ внешнеполитических программ, выдвин-

гавшихся не только королевским лагерем, но и другими группировками господствующего класса Речи Посполитой, что позволяет яснее понять причины их действий в период «потопа».

Автор освещает борьбу, которую вели польско-литовская и русско-украинская дипломатия с целью привлечения на свою сторону в той или иной степени, либо нейтрализации многих государств Восточной, Юго-Восточной, Северной и Западной Европы, а также конкретные результаты этой борьбы. Ценны наблюдения автора о русско-шведских, русско-украинских, польско-шведских взаимоотношениях в середине XVII в. в общем контексте международных отношений в то время, о формировании антипольской программы шведских феодалов.

Исследование Л. В. Заборовского действует более глубокому пониманию и некоторых вопросов внешнеполитической истории Дунайских княжеств, особенно Молдавии. Известно, что акт Переяславской рады 1654 г. и русско-польский конфликт явились одной из международно-

политических предпосылок возникновения новой внешнеполитической ориентации Молдавского княжества, нацеленной на более тесное сближение с Россией. Политика господаря Георгия Штефана была, однако, неустойчивой и противоречивой, что трудно объяснить без детального знакомства с историей русско-украинско-польско-крымско-турецких взаимоотношений указанного периода. В работе Л. В. Заборовского присутствует обильный материал о дипломатических контактах названных стран. Не ясно только, почему автор применяет к отношениям России и Речи Посполитой с Крымом термин «восточный вопрос», которым, как известно, характеризуется комплекс проблем, возникших значительно позже.

Не все разделы монографии отличаются одинаковой глубиной разработки. Более традиционно обрисовано социально-экономическое положение Речи Посполитой, внутривосточная борьба в стране (собственно, они и не являлись предметом исследования автора). По объективным причинам (ограниченность,

малодоступность источниковой базы) слабее освещен вопрос о роли «турецкого фактора». При изложении позиции Османской империи часто употребляются обороты «видимо», «возможно» и т. д. Однако логические построения автора, призванные объяснить политический курс Порты, на наш взгляд, довольно убедительны.

Бесспорно жаль, что в монографии нет указателей географических названий и особенно личных имен, а также карт — в исследованиях такого рода они необходимы.

Книга Л. В. Заборовского несомненно вызовет интерес у специалистов по истории не только названных, но и многих других европейских стран, как благодаря теме, сфокусировавшей ряд острых проблем истории международных отношений середины XVII в., так и глубине их разработки, новизны и оригинальности выводов.

Власова Л. В.

О ПРЕЕМНИКАХ ИВАНА ФЕДОРОВА

Книгопечатание — одно из важнейших слагаемых культурного процесса у славянских народов в эпоху феодализма. Возникшее на славянских землях в XV в. книгопечатание как латинским, так и глаголическим (1483) и кирилловским (1491) шрифтами продолжает свое развитие все последующее время. Особенно успехов оно достигает на землях западных славян — в Польше и Чехии. В первой четверти XVI в. появляется собственно белорусское книгопечатание (Франциск Скорина), а в середине XVI в. — русское и чуть позднее — украинское (Иван Федоров, 1574 г.). Нарастают темпы книгоиздания типографии на Балканах. К концу XVI в. на славянских землях работают уже десятки типографий; книги для славян печатают и на Западе, главным образом в Италии и Германии. Постепенно книгопечатание, печатная книга меняют саму коммуникационную структуру в системе славянских культур, становятся важным, а затем и одним из определяющих факторов их развития. Вот почему фраза о том, что «не столько Геродот, сколько Гутенберг подлинный отец исторического сознания» [1] очень верно выражает сущность тех глубинных и масштабных процессов, которые возникли в европейских культурах благодаря появлению книгопечатания¹.

Исследователи культур и литератур славянских народов давно заинтересова-

лись историей книгопечатания. Особенно успешно оно изучается и изучается в Польше, где существует целая система пособий по этим вопросам². Широкое исследование истории книги и книгопечатания в нашей стране только начинается. Вследствие этого целый ряд вопросов данной проблематики в отечественных исследованиях почти не затронут. Еще очень слабо изучено, например, белорусское книгопечатание в целом и русское — послефедоровского периода. В истории украинской книги феодального периода также много белых пятен, а сама эта история состоит как бы из отдельных оазисов, механизмы сообщения между которыми нам до сих пор был не совсем ясен.

Вышедшая недавно в издательстве «Книга» монография известного украинского историка Я. Д. Исаевича [4], где представлена совокупная история украинской книги и книгопечатания XVI — первой половины XVII в. в ее теснейших связях с историей польского, русского и белорусского книгопечатания, должна восполнить этот пробел.

Монография является итогом многолетней работы автора с архивными и иными источниками, в частности, изданиями тех лет, которые дают в распоряжение исследователя ценнейший материал, позволяющий изучать не только книгу, но и отдельные явления культуры того или

¹ Интересно мнение виднейших ученых современности о выдающейся роли книгопечатания в истории человечества. См., например, цикл лекций академика В. И. Вернадского о значении книгопечатания [2].

² См., например, великолепно подготовленные выпуски серии «Polonia typographica saeculi sedecimi», посвященной польским типографиям XVI в., книги серии «Książki o Książce» и другие работы, о многих из которых сказано в специальных обзорах [3].

ного народа в различных аспектах. Монография открывается введением, где изложена главная ее задача — «осветить историю книгопечатания Украины¹ в послефедоровский период (до 1648 г.), показать связь книгопечатания с переломными общественными течениями, роль печатной книги в формировании предпосылок воссоединения Украины с Россией» (с. 4). В первой главе — «Типографии Украины на рубеже XVI—XVII вв.» (с. 6—46) основное внимание уделяется издательской деятельности Острожской академии и Львовского братства, бывших крупнейшими восточнославянскими культурными центрами того времени, снабжавшими своими книгами не только славянские, но и ряд балканских и молдавский народы. Здесь же достаточно подробно рассматривается вопрос о печатании латинских и польских книг на территории Украины, которое носило в те годы случайный характер.

Вторая, самая объемная глава «Книгопечатание накануне воссоединения Украины с Россией» (с. 47—120) посвящена издательской практике на Украине в первой половине XVII в. В центре внимания — книгопечатание в Киеве (возникло в середине 10-х годов XVII в.), где работала известная во всем славянском мире типография Киево-Печерской лавры, а также знаменитая частная типография белорусского «друкаря» Спиридона Соболя. Продукция типографии лавры составляет в различные десятилетия от 30 до 50% общего объема изданных на Украине книг, что со временем делает ее ведущей украинской типографией. В специальных разделах главы даются характеристики так называемых кочующих типографий, книжного дела братств — Львовского, Кременецкого, Луцкого; деятельности львовских частных издателей и польских типографий на Украине.

Третья глава — «Организация издательского дела и полиграфического производства» (с. 121—140) помогает читателю представить сам процесс работы в украинских типографиях тех лет, разобравшись в тематике и оформлении изданий.

Особый интерес представляет четвертая глава — «Книга — путь к единству» (с. 141—156), где рассматриваются вопросы межславянских связей и взаимовлияний, а также распространения русских книг на Украине и украинских в России. Анализ собранных материалов приводит автора к мысли о том, что «связи украинского книгопечатания с книгопечатанием других народов... содействовали взаимному обогащению культуры братских славянских народов, помогали поднять на более высокий уровень и украинское книгопечатание... Поляки через украинскую книгу знакомились не только с ее специфическими чертами, но в еще большей степени — и с явлениями, общими для русской, белорусской и украинской книги. Через польскую и литовскую книгу украинские и русские типографии нередко осваивали достижения немецких, французских, чешских художников книги» (с. 164). Хотелось все-таки разделить мнение исследователя о

том, что «кириллическое книгопечатание всех трех восточнославянских народов являлось единым процессом» (с. 165), украинская часть которого подробно рассмотрена в рецензируемой монографии. В ней полностью реализуются поставленные автором задачи, излагается все известное о книгопечатании на Украине послефедоровского времени, рассматривается роль книги и книжного дела в общественно-политической и культурной жизни на украинских землях в конце XVI — первой половине XVII в.

Высоко оценивая этот труд, необходимо, вместе с тем, указать на ряд спорных моментов и неточностей. Так, например, представляется не совсем удачной и правомерной характеристика издательской продукции типографий через ее выражение в бумажных листах. Эта европейская и, в частности, польская традиция хороша лишь там, где существует относительная однородность в структуре и типах издательской продукции. В нашем случае, в столь сложном издательском и коммуникационном контексте, где соседствует, например, небольшой по объему панегирик на латинском языке и огромная по объему славянская литургическая книга, в основу такого исчисления должен быть положен иной, видимо совокупный критерий, учитывающий не только такие макропоказатели и признаки, как количество изданий, их объем и тиражи, но и знание языка в читательской среде, умение и способ чтения и т. д. Лишь при наличии такого критерия возможна достаточно обоснованная статистическая сопоставимость данных об издательской продукции типографий и ее месте в культурном процессе. Украинская книга рассматриваемого периода — едва ли не самая «литературная» в среде славянской кирилловской печатной книжности. В этой связи, думается, следовало бы большее внимание уделить так называемым литературным текстам, например, поэтическим, из которых недавно под руководством известного западногерманского слависта Ханса Роте была даже составлена двухтомная антология [5]. В названии антологии «Древнейшее восточнославянское поэтическое искусство» составители следуют традициям европейского литературоведения, в котором еще в XIX в. именно так определялись поэтические опыты восточных славян в XVI—XVII вв.

Говорить о том, что «типографии не могли полностью удовлетворить спрос даже на литургические книги» (с. 123), основываясь при этом на фактах широкого распространения рукописной книги, видимо, нельзя. Все было много сложнее из-за неразвитости системы книгоснабжения и коммуникаций. Собственно «спроса»-то, в нынешнем значении этого слова, и не было. Вряд ли следует столь прямо проводить аналогию между употреблением слова «друкарня» Иваном Федоровым на Украине и в московском Апостоле (1606) Ивана Невежина. Начало XVII в. и 1606 г. — время великих событий на Московской Руси, резко усилившихся контактов с Польшей и Великим княжеством Литовским и, естествен-

но, слово «друкарня» могло попасть в издание Ивана Невежина по весьма многим каналам.

Вызывает возражение объяснение на с. 158 «неудачи» униатского кирилловского книгопечатания в Вильнюсе. Причины ограниченности униатского кирилловского книгопечатания более сложны и никак не могут быть сведены только к факту «отрицательного отношения к нему типографских работников».

Все высказанные замечания ни в коей мере не умаляют общей положительной оценки исследования, которое впервые представило нам историю украинского

книгопечатания накануне воссоединения Украины с Россией.

Лабунцев Ю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гульга А. Искусство истории. М., 1980, с. 9.
2. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981, с. 76—104.
3. Przegląd biblioteczny, 1974, z. 4.
4. Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника. М., 1981.
5. Die älteste ostslawische Kunstdruckung 1575—1647. Herausg. von H. Rothe. 1—2. Giessen, 1976—1977.

ВЕЛЧО ВЕЛЧЕВ. Паисий Хилендарски. Эпоха, личность, дело. София, 1981, 215 с.

ВЕЛЧО ВЕЛЧЕВ. Паисий Хилендарский. Эпоха, личность, дело.

О родоначальнике болгарского национального Возрождения Паисия Хилендарском написано много. Жизни, эпохе и знаменитому сочинению хилендарского монаха — «Истории славяноболгарской» (1762) посвящены сотни монографий, статей и исследований. Поэтому появление нового труда о Паисии и его произведении невольно вызывает вопрос: что же нового можно сказать о титане болгарского Возрождения и возможны ли здесь новые литературоведческие открытия? Однако это сомнение рассеивается при чтении книги проф. В. Велчева.

Монография состоит из предисловия и семи разделов. Поставленные автором задачи — показать, каким образом у Паисия сформировалась концепция созидательной роли народа, человека как воплощения национальной самобытности, о народном прошлом, языке и исторических правах как отличительных чертах нации — определили структуру книги.

В первом разделе — «На границе двух эпох» — В. Велчев очерчивает исторический фон, на котором возникла «История славяноболгарская». Середину XVIII в. автор характеризует как переходную эпоху между феодальной и капиталистической формациями. Создание «Истории славяноболгарской» относится к XVIII в., т. е. к периоду общеевропейского исторического развития, протекавшему под знаком Просвещения. Ученый вкратце останавливается на общественно-политических взглядах и идеях Дидро, Гельвеция, Жан-Жака Руссо, Вольтера, Монтескье, Мелье и других европейских просветителей, находя у Паисия точки соприкосновения с их идеологией. Однако он справедливо замечает, что корни идеологии Паисия следует искать в местных условиях, в атмосфере общественно-политической и культурной жизни Балкан XVII—XVIII вв. Панорама культурной жизни Балкан XVII—XVIII вв., данная автором в этом разделе, позволяет ему связать общевал-

канские культурные традиции с просветительской деятельностью Паисия.

Во втором разделе — «Болгария пробуждается к новой жизни: Паисий Хилендарский — вестник национальной правды» — В. Велчев заостряет внимание на состоянии общественно-политической жизни в болгарских землях на протяжении XVII—XVIII вв. Он отмечает, что в указанный период национальная буржуазия была немногочисленной, неорганизованной, экономически слабой, не в состоянии была вести классовую борьбу против феодализма и быть в той или иной степени двигателем общественного прогресса. По мнению автора, главным выразителем антифеодальной борьбы в Болгарии XVIII в. являлись преобладающие в стране сельские массы — из их среды выходили гайдуки — прославленные борцы против османского гнета, менно крестьяне были организаторами и участниками многочисленных бунтов и восстаний. По справедливой мысли В. Велчева, «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского пропитана духом идеологии социально-активного крестьянства. Такая точка зрения выглядит правомерной и подтверждается приведенным автором документальным материалом.

Значительное место в исследовании отводится культурной и духовной атмосфере Болгарии паисиевской эпохи. В. Велчев выявляет ростки нового светского мировоззрения у известных и безымянных деятелей болгарской национальной культуры XVII—XVIII вв. и подводит нас к третьему разделу книги: «Духовное формирование Паисия Хилендарского — взаимодействие между личной и народной судьбой». Характеризуя экономическую, политическую и культурную жизнь родного города Паисия — Банско, В. Велчев удачно освещает формирование его мировоззрения. Проследившая последующий путь Паисия, автор делает предположение, что Паисий некоторое время

провел в Рильском монастыре, однако это предположение не выходит за рамки гипотезы и не подкреплено фактами. Более детально и документированно анализируется афонский период жизни хилендарского монаха, прожившего в Святой Горе несколько десятков лет. В. Велчев рассказывает об истории Афона, о расположенных там монастырях, о Хилендарской обители, по имени которой Паисий и получил свое прозвище. Во времена османского ига афонская монашеская республика являлась для балканских народов хранительницей древних культурных традиций, неугасающим очагом литературы и письменности. Помимо религиозных рукописных и старопечатных произведений, здесь находились книги полусветского и светского содержания. Важным культурным начинанием того времени было открытие Афонской Академии (1753), просуществовавшей всего несколько лет, но оказавшей влияние на духовный климат Афона. В числе слушателей Академии мог оказаться и Паисий Хилендарский, хотя автор относится к подобной гипотезе с большой осторожностью.

Очень интересным выглядит тезис В. Велчева о духовной карьере Паисия. В некоторых документах, в том числе и опубликованных недавно американским ученым проф. Матеем Матечем, Паисий Хилендарский называется то просто «духовником», то «иеромонахом», то «приигуменом». Причем последнее духовное звание упоминается под 1760 г., а в монастырской записи от 11 августа 1755 г. говорится уже об «иеромонахе» Паисии. На основании этих данных делается вывод, что между 1755 и 1760 гг. Паисий, очевидно в течение года, как это было принято по уставу, игуменствовал в Хилендарской обители. На наш взгляд, этот вывод приобрел бы большую весомость, если бы мы располагали списками монастырской братии с 1755 по 1760 гг. Вполне вероятно, что в документах речь идет о каком-то другом хилендарском иеромонахе по имени Паисий.

В этом разделе на карте наглядно изображены передвижения Паисия по Балканам в качестве собирателя пожертвованных на монастырские нужды и проводника богомольцев, объединившихся в группы для посещения Афонской горы. Указаны и годы возможного пребывания хилендарского монаха в Самокове, Сремских Карловцах, Софии, Златице, Белграде, Нише, Сересе, Котеле и других местах, где он собирал сведения для будущей «Истории славяноболгарской».

В следующем разделе — «Паисиевская „История славяноболгарская“ — обоснование национальной программы» — разбирается композиция и содержание произведения, рассматриваются цели и задачи его автора. В. Велчев констатирует, что хилендарский монах принялся за создание своего сочинения не случайно, и главную роль здесь сыграли не «обиды» Паисия на сербских и греческих монахов, упрекавших своих болгарских коллег в незнании национальной истории, а возросшее национальное самосознание балканских народов XVIII в. Споры в

монастырской и светской среде о ценности той или иной нации лишь подчеркивают то обстоятельство, что Паисий предначал свое сочинение не узкому кругу духовных лиц, а широкой массе читателей. Стиль «Истории славяноболгарской» В. Велчев справедливо рассматривает как своеобразное соединение традиционного историографического стиля и стиля «нового времени». Он отмечает, что Паисий Хилендарский принимал во внимание влияние на исторический процесс экономического и демографического факторов, верно оценивал значение воздействия на историю материальных потребностей общества и географической среды, отдавал должное неодинаковому уровню развития военной техники у различных народов и т. д. Эти особенности взглядов Паисия на историю, несомненно, роднят его с историографами «нового времени».

В этом же разделе автор касается спорного вопроса об общей характеристике «Истории славяноболгарской». Известно, что некоторые литературоведы пытались трактовать ее как романтическое произведение (Б. Певев). Однако исследования П. Динкова, А. Крониа, Р. Пиккио, А. Н. Робинсона, Т. Сыбева, Б. Райкова и других ученых убедительно свидетельствуют, что Паисий опирался на конкретный исторический материал, проявляя к нему известную критичность. Хилендарский монах предстает в монографии В. Велчева лишенным романтических настроений и далеким от идейных и литературных мистификаций эпохи романтизма.

В «Истории славяноболгарской» прошлое и настоящее неразрывно связаны и в целом ей присуще оптимистическое звучание. По убеждению хилендарского монаха, болгарский народ вопреки османскому гнету сохранил свою этническую самостоятельность и сумел остаться на своих землях. Его «История славяноболгарская» обращена к двум типам болгар: к тем, кто проявляет интерес к родной истории и к тем, кто не желает ее помнить. Первых она поощряет, ко вторым обращается с горькой укоризной. Паисий Хилендарский предстает перед читателем как идеолог не только национального Возрождения, но и будущего государственного самоопределения.

В пятом разделе — «Идейный мир Паисия» — решается проблема, выразителем чьих умонастроений был хилендарский монах. Здесь убедительно доказано, что создатель «Истории славяноболгарской» выражал интересы народных масс и конкретизировано содержание паисиевского понятия «народ» — «эксплуатируемые и угнетаемые трудовые слои населения, которые больше всего испытывают на себе бремя феодальной системы» (с. 127). Паисий обрисован В. Велчевым как носитель антифеодальных взглядов, борец за национальную самостоятельность, сторонник равноправного союза балканских народов.

В разделе «Заветы и традиции Паисия и болгарская литература» прослеживается паисиевская линия у С. Владиславова (Софрония Врачанского), Х. Ботева, В. Априлова, И. Вазова, П. Славейкова, П. Яворова, Д. Дебелянова, Х. Смирнен-

ского, М. Исаева и других болгарских поэтов и писателей XIX—XX вв.

В последнем разделе — «Место Паисия Хилендарского в общеевропейском культурном развитии» — В. Велчев выступает против попыток некоторых исследователей (например, В. Бехинева) причислить «Историю славяноболгарскую» к произведениям барочного типа. Ученый вполне резонно отмечает, что Паисий действительно использовал в качестве источников некоторые барочные сочинения, но черпал оттуда исключительно фактический материал, а не идеи. Согласно точке зрения В. Велчева, с которой мы можем лишь солидаризироваться, «История» Паисия в смысле композиции и стиля абсолютно чужда барочной системе выразительных средств с их условностью, манерностью и особой ролью метафоры. Автор характеризует Паисия как человека эпохи Просвещения, которая уже давно победно шествовала по Западной Европе и другим странам.

Монография В. Велчева — ценный вклад в паисиеведение. В ней много новых фактов, она написана обстоятельно, с присущей автору легкостью пера. Автор творчески перерабатывает последние достижения паисиеведения, строит свои выводы осторожно, аргументированно и, тем самым, добивается убедительности. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, картами Афона, передвижения Паисия и мест переписывания «Истории славяноболгарской», превосходными комментариями. К числу замечаний можно лишь отнести некоторые длинноты цитат (с. 24), их повторы (с. 119 и 140), досадные хронологические опечатки (византийское иго — XV—XVII вв. вместо XI—XII вв., с. 143; мученичество Георгия и Николая Софийских — XVII и XVIII вв. вместо XVI в., с. 114), однако, они не умаляют достоинств рецензируемого труда.

Калиганов И.

FR. KAMPFER. Das russische Herrscherbild von Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978, 281 S., 158 Abb.

ФР. КЕМПФЕР. Изображение русского правителя от древности до Петра Великого. Исследование к развитию политической иконографии в византийских культурных кругах

Объемистый труд мюнстерского профессора Франка Кемпфера, зарекомендовавшего себя серьезными исследованиями по истории русской культуры, особенно эпохи Ивана Грозного, заслуживает внимания не только как обширный свод изображений русских правителей, но и прежде всего в плане научной систематизации этого достаточно разрозненного материала. В сущности книга дает гораздо больше того, чем определяет ее название, потому что первая ее часть фактически почти всецело построена на анализе византийских и южнославянских памятников. Таким образом, вопрос политической иконографии в византийских культурных кругах, вынесенный в подзаголовок исследования, является определяющим содержанием и идейную направленность этого исследования.

Книга состоит из двух частей — систематической и исторической, вступительного слова, введения и заключения, обширного списка использованной литературы и указателя личных имен. Издание прекрасно исполнено полиграфически, с большим числом штриховых и тонких иллюстраций, часть из которых дана в цвете. До сих пор мы располагали лишь книгой Е. С. Овчинниковой о русских портретных изображениях XVII в. [1] и не утратившей своего значения, написанной более ста лет назад статьей Г. Д. Филимонова об иконных портретах русских царей [2]. Нельзя сказать, что

основной материал книги Фр. Кемпфера совершенно неизвестен русскому читателю: эти памятники входили в научный обиход; им были посвящены либо отдельные статьи, либо главы в общих трудах по истории культуры. Автору книги принадлежит несомненная заслуга как в обобщении сложного по своему составу материала, так и в истолковании политических идей, обусловивших определенный этикет в развитии и типологии «правительственного» портрета

Систематическая часть исследования имеет разделы, посвященные семиотическим методам, семантике и прагматике, а также содержит классификацию элементов изображения. Предметом специального анализа являются сопроводительные подписи к изображениям, элементы композиции и элементы программы. Эта структура первой части книги позволяет Фр. Кемпферу приложить к средневековому портрету новые исследовательские приемы, дающие возможность проследить эволюцию иконографической формулы и степень ее зависимости от тех идей, которые тесно связаны с темой коронования. Привлекая обширный круг византийских, грузинских, сербских и болгарских памятников, автор вскрывает общие закономерности, обнаруживаемые в столь различных на первый взгляд композиционных схемах. В общей системе находят свое место и изображения русских правителей, начиная с таких ранних памятников, как

миниатюры Изборника Святослава 1073 г., а также миниатюр Кодекса Гертруды, которые могут быть датированы приблизительно 1075 г. Благодаря этому оказывается возможным рассмотрение средневекового русского портрета в обширном контексте сложных явлений, характеризующих политическую идеологию и культурное развитие стран, в той или иной мере испытавших воздействие со стороны Византии. Положительной чертой данного исследования представляется внимание к тем деталям, которые определяют основной смысл портрета и его функциональную сторону. Опираясь на многочисленные работы своих предшественников, авторов специальных разысканий и общих обзорных работ, Фр. Кемпфер, тем не менее, представил вполне самостоятельное исследование, оригинальное по своей проблематике.

Историческая часть книги посвящена русским изображениям правителей, созданным на протяжении огромного периода — от XI в. до 1700-х годов включительно. В соответствии с периодизацией русской истории автор исследования выделяет в истории портрета эпоху Киевской Руси, татарского господства, Московского государства XVI в. и Московского царства XVII в. Вполне естественно, что материал, которым располагает исследователь, неравноценен и в количественном и в качественном отношении. Более ранние памятники, несмотря на то, что они несравненно чаще привлекали к себе внимание историков искусства, все же нельзя считать истолкованными исчерпывающе. Достаточно в этой связи упомянуть хотя бы о так называемых «русских» миниатюрах Кодекса Гертруды, некогда принадлежавшего жене киевского князя Изяслава (с. 124—129). Фр. Кемпфер, на наш взгляд, совершенно справедливо истолковывает сцену «коронация» князя Ярополка и Кунигунды, породившую столько сомнительных догадок. Как нам представляется, эта миниатюра вместе с изображениями Рождества Христова и Распятия с евангелистами была выполнена в Германии (возможно, в Регенсбурге), где были «дописаны» и княжеские фигуры у ног апостола Петра на миниатюре, исполненной одновременно с изображением тронной Богоматери с младенцем (в Киеве в 1073 г.) и составлявшей с ней первоначально один разворот. Тщательному анализу подвергнута в книге ктиторская фреска новгородской церкви Спаса на Нередице, представляющая князя Ярослава Владимировича.

В разделе, отведенном памятникам времени татарского господства, автор книги рассматривает наряду с «правительственными» портретами фреску церкви в Волокове с изображением тронной Богоматери с младенцем и предстоящими новгородскими архиепископами Моисеем и Алексеем. Эта композиция, датированная 1363 г. (Фр. Кемпфер относит ее к концу XIV в.), однако, не является чуждой портретам данного круга, поскольку представляет лиц, возглавлявших республиканское правительство

Новгорода. При таком принципиальном подходе следовало бы также включить в книгу портрет новгородского архиепископа Василия Калики, украшающий валик известных Васильевских дверей 1336 г. Особенностью портретных изображений указанного периода является то, что они большей частью входят в состав донаторской композиции, либо почти теряются в многолюдных иконописных сюжетах, как это, например, имеет место на иконе Боголюбской Богоматери в собрании Государственного исторического музея в Москве, на которой представлены Василий III, София Палеолог и Иван III. В будущем в этом плане следует проанализировать и другие иконы с подобной композицией. Они могут дать дополнительный материал и тем самым расширить и конкретизировать представления о портретном искусстве периода централизации Русского государства.

Разделы, посвященные портретам XVI—XVII вв., как и следовало ожидать, наиболее насыщены материалом, а портретные изображения складываются в определенные циклы. Среди них особенно выделяется цикл изображений Ивана Грозного. Фр. Кемпфер рассматривает его весьма обстоятельно, сопровождая свой целенаправленный анализ рядом тонких наблюдений. Трудно, однако, безоговорочно согласиться с общепринятой датировкой парусного портрета Ивана Грозного, хранящегося в Национальном музее в Копенгагене, XVII в., к чему присоединяется и автор книги. Формальные признаки этого произведения, в том числе строение доски и характер живописи, нисколько не исключают возможности выполнения изображения в последней четверти XVI в., т. е. непосредственно после смерти московского царя. Такое предположение находит подтверждение в том, что эта царсуна занимает вполне определенное место в ряду ей подобных (царя Федора Иоанновича, царевича Дмитрия, князя М. Скопина-Шуйского) и типологически относится к числу портретов, которые после первой четверти XVII в. уже не встречаются. Это погрудный эпитафийный портрет, который затем уступает место полнофигурному изображению царственного лица. Последний вариант удерживается в царском надгробном портрете в течение всего XVII в., если судить по изображениям царевича Дмитрия (около 1606 г.; Калуга, областной художественный музей) и царя Федора Алексеевича (1685—1686).

Внимание Фр. Кемпфера особо привлекают иллюстрации лицевого летописного свода, представляющие различные эпизоды, связанные с коронацией Ивана Грозного. Поскольку задачи книги предполагают в каждом случае ценность изображения как исторического источника, гравированные портреты Василия III и Ивана Грозного, [выполненные иностранными мастерами, оказались вне этого круга. Следует сказать несколько слов о надгробной иконе Василия III, в свое время детально описанной Г. Д. Филимоновым, сведения о которой крайне ред-

ко проникают в современную научную литературу, хотя произведение заслуживает специального анализа. Автор рассматриваемой книги, на наш взгляд, убедительно относит икону к типу византизирующих надгробных изображений и видит в данном случае пример устойчивости традиции (с. 171—172). Но, думается, все же до проведения ретраврационного обследования, несмотря на наличие сопроводительных надписей, нельзя сказать с полной уверенностью, изображен ли справа в монашеском одеянии сам Василий III (в монашестве Варлаам) или же ставший при его предсмертном построении небесным патроном Варлаам Хутынский. Иконографический тип у обоих лиц типологически схожий, и, следовательно, пока включения этого произведения в великокипящую иконографию следует считать условным.

Среди памятников искусства XVII в., охваченных исследованием Фр. Кемпфера, при всей их сравнительно лучшей изученности, все же есть малоизвестные. Одним из них можно считать хранящиеся ныне в собрании Чарторыйских в Кракове знамя царя Василия Шуйского (1606—1610). При написании этого раздела в большинстве случаев можно было опереться на уже скомплектованный материал, хотя, как было сказано, исследователь везде заметно расширяет его охват, умело пользуется данными нумизматики, привлекает самые разнообразные источники. Существенной и сильной стороной метода работы Фр. Кемпфера является его свободная ориентация в сложном материале, умение извлечь из него максимум данных, способствующих реализации основного замысла. Итоги своего исследования автор под-

водит в заключении. Одним из основных выводов, по-видимому, следует считать общность религиозных, социальных и политических атрибутов. Этот тезис красной нитью проходит через все содержание книги.

Книга Фр. Кемпфера, несмотря на большой объем и многоплановость, тем не менее не исчерпывает всего средневекового русского портретного материала, так как за пределами ее тематики остается лишь духовный портрет, затронутый здесь лишь частично (в связи с Новгородом XIV в.). Давно настало время посвятить русскому портретному искусству эпохи средневековья специальное монографическое исследование. Творчество русских мастеров должно по праву занять свое место среди европейских искусств, и прежде всего среди искусства южных славян, с которыми древнюю Русь связывают давние политические и культурные контакты, равно как и вхождение в прошлом в византийской культурный круг. Рассматриваемая книга, написанная достаточно объективно и с хорошим знанием материала, несомненно, принесет пользу всем будущим исследователям, которые обратятся к этой тематике.

Пуцко В. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Овчинникова Е. С.* Портрет в русском искусстве XVII в. Материалы и исследования. М., 1955.
2. *Филимонов Г. Д.* Иконные портреты русских царей.— Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, 6—10. М., 1875.

K marxistické metodologii v jazykovědě. (Sborník referátů a diskusních příspěvků z celostátní konference o marxistické jazykovědě uspořádané vědeckými Kolegií ČSAV a SAV 7.— 9. 9. 1977 v Olomouci) Uspořádali Š. Pečiara J. Popela.

K marxistické metodologii v jazykoznaní. (Sborník докладов и выступлений, произнесенных на государственной конференции к марксистскому языкознанию, организованной научными коллективами ЧСАН и САН 7 — 9 августа 1977 г. в г. Оломоуце). Составители Ш. Пециар, Я. Попела

Рецензируемый сборник объединяет материалы конференции о марксистской методологии в языкознании, состоявшейся в г. Оломоуце (ЧССР) в 1977 г. по инициативе научных коллектив ЧСАН и САН. Конференция явилась логическим продолжением семинара чехословацких языковедов-коммунистов, который состоялся в 1973 г. в Праге по инициативе идеологического сектора ЦК КПЧ и Президиума ЧСАН и выдвинул директивную программу дальнейшего развития чехословацкой лингвистики.

В работе конференции в Оломоуце,

рассмотревшей широкий круг актуальных проблем современного языкознания, принимали участие видные представители чехословацкой лингвистики, внесшие немалый вклад в становление и развитие марксистского языкознания в ЧССР.

Марксистское языкознание в ЧССР за последние годы достигло немалых успехов — свидетельством тому являются не только конференции и симпозиумы по марксистскому языкознанию, периодически проводимые в стране, но и непосредственно конкретные исследования. Важным достижением является, например,

цикл работ Я. Петра [1—5], в том числе исследование-антология «Классики марксизма-ленинизма о языке». Разработка проблем марксистского языкознания в ЧССР ведется в тесном сотрудничестве с советскими лингвистами, с учетом достижений советской науки. Яркой иллюстрацией является, в частности, конференция в Оломоуце, приуроченная к 60-летию Октябрьской революции и 60-летию советского языкознания. Не случайно сборник ее материалов открывает большая проблемная статья В. Барнета и В. Грабе «Советское языкознание и его связи с нашим языкознанием», в которой последовательно соотносятся пути развития и достижения советской и чехословацкой лингвистики, проводится мысль о творческой преемственности в развитии марксистского языкознания в ЧССР и СССР.

Конференция в Оломоуце свидетельствует о более зрелом подходе чехословацких лингвистов к решению ключевых вопросов марксистского языкознания, о более-свободном и творческом владении понятием но-терминологическим аппаратом марксистской философии, о большей продуманности отобранной для обсуждения тематики. Авторы сборника апробируют идеи классиков марксизма-ленинизма на конкретном языковом материале, дают аргументированную, критическую оценку существующих концепций по актуальным проблемам философии и языкознания, стремятся рассмотреть достижения современной, в том числе и своей отечественной лингвистики через призму фундаментальных положений марксистско-ленинской философии. Практически во всех статьях сборника подчеркивается значимость применения основных положений диалектического и исторического материализма при изучении и интерпретации конкретного языкового материала. Высказанные в ходе дискуссии на конференции взгляды не всегда совершенно бесспорны (оживленная полемика развернулась, в частности, по вопросу о природе знака, о происхождении языка и т. д.), в большей четкости нуждается и само понимание сущности марксистского подхода в языкознании. Впрочем, во многом это обуславливается сложностью поставленных задач, отсутствием однозначной интерпретации ряда актуальных теоретических и методологических проблем современного языкознания.

На конференции в Оломоуце, помимо вступительного слова К. Горалека, характеризующего традиции марксистского языкознания в Чехословакии, было заслушано 30 докладов и выступлений, по следующим основным тематическим направлениям: методологические проблемы марксистского языкознания; применение отдельных категорий марксистской философии в языкознании; гносеологический аспект марксистского языкознания (проблема соотношения языка, мышления, сознания); коммуникативный аспект марксистского языкознания (проблема язык и общество); критический анализ теоретического наследия прошлого (источники философии языка Маркса и Энгельса, оцен-

ка Пражской лингвистической школы и словацкого лингвистического структурализма); творческие контакты чехословацкой лингвистики с лингвистикой советской.

Основной целью упомянутой выше статьи В. Барнета и В. Грабе является рассмотрение путей развития советского языкознания за истекшие 60 лет, а также связей между чехословацкой и советской лингвистикой, явившихся важным импульсом в развитии марксистского языкознания в обеих странах. Авторы статьи обнаруживают хорошую ориентированность в исследуемой проблематике, удачно выделяют и характеризуют сущность основных направлений в развитии советского языкознания. В статье дается высокая оценка достижений советского языкознания, принадлежащего «к крупнейшим мировым центрам лингвистической науки», подчеркивается многоаспектность советской лингвистики, широта тематики, глубина проникновения в природу исследуемых явлений. Особенно акцентируется активная общественная роль советской лингвистики, ее причастность к решению актуальных практических задач Советского государства в сфере культурной и национальной политики. Большое внимание уделяется процессу утверждения марксистского направления в советском языкознании, выявлению его теоретических посылок и методологических особенностей, характеристике проблематики.

В докладе Ш. Пециара «О методологических проблемах марксистского языкознания» утверждается, что сущность марксистского языкознания заключается в последовательном и творческом применении принципов и категорий марксистской диалектики при изучении всех языковых аспектов и прежде всего при рассмотрении таких проблем, как социальная обусловленность языка, отношение языка и мышления, системный и знаковый статус языка. В статье приводится убедительный языковой материал, прослеживаются пути формирования марксистского языкознания в ЧССР, подчеркивается преемственность марксистского языкознания по отношению к предшествующему развитию языкознания, делается попытка определить предмет исследования марксистского языкознания (впрочем, в несколько общей форме).

В статье А. Лампрехта «Марксистское языкознание и изучение истории языка» показана плодотворность применения основных принципов марксистской диалектики в сравнительно-историческом языкознании для выявления внутренних исторических закономерностей различных уровней языковой системы и прежде всего фонетико-фонологической системы.

В статье Я. Петра «Об основах философии языка Маркса и Энгельса» убедительно показаны специфика и значимость философской концепции языка, созданной Марксом и Энгельсом, ее новаторский характер по сравнению с философскими взглядами предшественников, в частности, Гегеля и Фейербаха, ее актуальность для современной лингвистической науки. Особенно подчеркивается роль языка как

средства материального воплощения сознания и мышления, как общенародного коммуникативного средства, эволюция которого диалектически связана с эволюцией общества.

В статье К. Горалека «Актуальные проблемы философии языка» затрагивается широкий круг проблем общетеоретического характера. В соответствии с принципом функциональной эквивалентности, получившим признание в современной лингвистике, автор определяет язык как универсальную коммуникативную систему, возникшую из потребностей коллективной жизни. Отмечая значимость роста коммуникативных потребностей для появления тех или иных языковых изменений, К. Горалека подчеркивает, что в эволюции системной организации языка, его типологической организации, первоочередную роль играет спонтанная динамика, немаловажны и контакты с другими языками. Особое внимание уделяет автор выявлению специфики языкознания в кругу общественных наук, изучению значимости лингвистики текста для литературоведения, рассмотрению проблемы взаимоотношения языка и культуры (язык является неотъемлемой предпосылкой культурного творчества; он не является продуктом культуры, поскольку не представляет собой результат реализации заранее продуманной концепции — ср. с. 69), вопроса о взаимосвязи между языком и восприятием действительности и т. д. Содержащаяся в статье трактовка некоторых вопросов носит дискуссионный характер и предполагает необходимость проведения специального изучения.

Я. Босак («Категории марксистской диалектики и языкознания») рассматривает теоретико-методологический аспект использования категорий диалектики, взаимоотношение между языком и мышлением; на конкретных примерах из области морфологии анализирует диалектические противоречия, стимулирующие языковое развитие (ср. противоречие между формой и содержанием, между существующими средствами выражения и растущими потребностями коммуникации).

В докладе Я. Горецкого «Некоторые проблемы марксистской концепции языка» рассмотрены две актуальных проблемы: язык как общественно-историческое явление и язык как знаковая система. Исследуя первую проблему, автор утверждает, что по своей природе язык является продуктом специфической языкотворческой деятельности человека (стр. 90). Данная мысль, уязвимая по своей сути, вызвала дискуссию на конференции. При изложении второй проблемы Я. Горецкий анализирует существующие в философской и лингвистической литературе унитарную и билатеральную теории знака. Развернувшаяся на конференции дискуссия убедительно свидетельствует о продолжении поисков решения проблемы.

Знаковой концепции языка касались и другие участники конференции — Ш. Пеццар («К проблеме возникновения языка и языкового знака»), Вл. Грабье («О проблематике отношения языка, мышления

и сознания»), Я. Корженский («О диалектике отношения содержания и формы языкового знака»). Наибольшую поддержку получила билатеральная концепция, интерпретирующая языковой знак как совокупность материального и идеального, т. е. значения.

В статье Вл. Грабье рассматривается соотношение между сознанием, мышлением и языком. Автор подчеркивает процессуальный характер мышления, он отмечает, что мышление имеет свои формы, схемы операций неязыкового характера; сознание представляет собой уже готовые продукты мыслительной деятельности. На конкретном языковом материале показано влияние категорий мышления и сознания на язык, более скептически относится автор к влиянию языка на мышление и сознание.

В докладе Я. Корженского проводится мысль о том, что нарушение и восстановление единства между формой и содержанием есть основной и общий принцип развития и функционирования естественного языка. Этот процесс осуществляется в соответствии с законами диалектики. Говоря о целесообразности подхода к языку как к динамичной знаковой системе, автор отмечает необходимость учета исторического и функционального подхода при лингвистическом моделировании; в статье приводятся конкретные примеры динамики соотношения единиц формы и содержания у различных видов знака.

Проблемы взаимоотношения формы и содержания касается и Я. Горецкий в своем кратком выступлении в дискуссии.

В статье П. Ондруса «Три концепции языка в истории языкознания» анализируются гносеологическая, онтологическая и онтолого-гносеологическая концепции. Предпочтение отдается последней, марксистской, концепции языка, поддерживаемой и советскими учеными.

Большое внимание уделялось на конференции анализу категорий «систем» и «структура», широко используемых: в практике лингвистического анализа. Так, в докладе В. Крупы «Категории системы и структуры в языке» категория системы и подчиненная ей категория структуры рассматриваются в широком философском контексте. Автор подчеркивает значимость той интерпретации данных понятий, которая содержится в трудах классиков марксизма, для современной лингвистики. Под структурой он понимает упорядоченность элементов системы, сеть отношений. Справедливо акцентируется целесообразность характеристики различных систем с точки зрения их внутренней организации, степени открытости, воздействия внешних факторов, эволюции системы. Рассмотрению понятий «структура», «система», «отношение» посвящаются и выступления в прениях Я. Горецкого («О понятии глубинной структуры»), П. Новака («О понятиях отношение и система»), Я. Попелы («О характере языковой системы»).

К. Бузашова в статье «Диалектика внеязыкового (отражательного) и внутриязыкового компонентов значения грамматической категории» исходит из поло-

жения, что формирование и функционирование любой грамматической категории обуславливается взаимодействием и диалектическим противоречием между внеязыковыми и внутриязыковыми факторами. Сказанное иллюстрируется примерами из близкородственных языков. Сделанные наблюдения важны для сопоставительного изучения языков.

В статье Я. Качалы «Сочетаемость в языке и сочетаемость во внеязыковой действительности» показано, что сочетаемость языковых единиц обуславливается как внеязыковыми факторами (сочетаемость предметов, явлений и их признаков), так и собственно языковыми, грамматическими и семантическими правилами.

В статье М. Тешителовой «Об отношении количества и качества в языкознании» рассматривается один из основных законов диалектики: переход количества в качество. Теоретические наблюдения автора подкрепляются фактическим материалом, подтверждающим важность изучения частотности языковых единиц (заметим, что М. Тешителова является автором ряда крупных работ по применению статистических методов в лингвистике [6—8]).

3 статье П. Ондруса «Категории сходства и различия в языкознании» отмечается важность изучения данного аспекта при рассмотрении грамматических классов слов и, в частности, при установлении общего значения грамматической категории.

Важное место на конференции занимали вопросы социолингвистики. Этой теме был посвящен ряд докладов и выступлений. Назовем прежде всего доклад Й. Скацела «К теории общественных функций языков при социализме», рассматривающий исходные методологические посылки, используемые междисциплинарным научным коллективом при изучении общественных функций русского языка в развитом социалистическом обществе в ЧССР. По своей тематике данное исследование тесно примыкает к Международной целевой программе «Национальные языки в развитом социалистическом обществе», над осуществлением которой в настоящее время работают языковеды ряда социалистических стран¹. Автор статьи оперирует категорией «общественные отношения», используемой в марксистской философии, уделяется внимание анализу языковой ситуации, общественных функций русского языка. Проблема языковой ситуации рассматривается и в статье П. Зимы «К вопросу об отношении языка и общества в Африке и на Востоке», содержащей попытку социолингвистической типологии. В выступлении М. Кнапповой характеризуется направленность социолингвистических исследований в ЧССР, намечаются возможности практического использования социолингвистических исследований.

В докладе «Проблемы литературного языка» В. Кршистека и Я. Кухаржа литературный язык рассматривается как

важная языковая и социолингвистическая категория, интерпретируемая в контексте марксистской теории языка, указываются некоторые конститутивные признаки литературного языка, затрагиваются вопросы дифференциации национального языка на различные формы его существования, проблемы регулирования развития языков с различной давностью литературной традиции. По мнению авторов, целью языковой культуры является устранение недостатков и диспропорций в языковой коммуникации.

В выступлении Фр. Сосны «Язык и политика» рассматриваются случаи использования политической терминологии в языке средств массовой коммуникации.

Вопросу подготовки кадров преподавателей иностранных языков посвящено выступление М. Кубика «Воспитание мировоззрения как интегральный компонент подготовки в вузах преподавателей иностранных языков».

Сборник заключают статьи, посвященные анализу лингвистического наследия Пражской лингвистической школы и словацкого лингвистического структурализма. Так, в докладе Р. Зимека «Оценка пражского структурализма в советском языкознании» рассматриваются позиции советских ученых при оценке Пражской лингвистической школы, анализируется место этого научного направления в науке о языке, отмечается целесообразность изучения наследия Пражской лингвистической школы в свете достижений марксистского языкознания. Интересные уточнения в оценку наследия Пражской лингвистической школы вносит Н. Савицкий в статье «К критической оценке теоретической концепции Пражской школы». Подчеркивая важность теоретического вклада «пражцев» в мировую лингвистику, автор высказывает мысль о целесообразности пересмотра некоторых аспектов концепции динамичного, функционально дифференцированного понимания языка в свете достижений материалистической диалектики. Анализу научного наследия Пражской школы посвящено и выступление М. Комарека «К теории Пражской школы».

И. Ружичка («Критическая оценка словацкого лингвистического структурализма») намечает круг проблем, которые могли бы явиться предметом дискуссии о данном научном направлении; в статье дается оценка структурализма, рассматривается преемственность словацкого лингвистического структурализма по отношению к Пражской школе.

Заключая, мы хотели бы подчеркнуть, что конференция в Оломоуце явилась важным событием в научной жизни в ЧССР, свидетельствующим о том, что интерес чехословацких ученых к теоретическим и методологическим вопросам марксистского языкознания становится доброй традицией. Мысли и наблюдения, содержащиеся в докладах и выступлениях, несомненно, станут важным импульсом в развитии лингвистической науки в ЧССР. Конференция наглядно продемонстрировала наличие тесного сотрудничества между чехословацкими и советскими учеными в деле развития

¹ Первое рабочее совещание по этой проблеме состоялось в Либлице (ЧССР) в 1981 г.

марксистского языкознания — творческого научного направления, стремящегося найти такое решение теоретических и методологических вопросов, которое не противоречит естественным тенденциям развития языкового феномена.

Нещименко Г. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Petr J. Slavistické zájmy K. Marxe a F. Engelse. Praha, 1976.
2. Petr J. Klasikové marxismu-leninismu o jazyce. Praha, 1977.
3. Petr J. K zdrojům Marxovy a Engel-

sovy filozofie jazyka. I. Hegel (v: Filozofie.— Slovo a slovesnost, r. 3 1978, s. 86—95.

4. Petr J. K zdrojům Marxovy a Engelsovy filozofie jazyka. II. Feuerbachova ilozofie.— Slovo a slovesnost, r. 3, 1978, s. 187—194.
5. Petr J. Filozofie jazyka v díle K. Marxe a F. Engelse. Praha, 1980.
6. Těšitelová M. Otázky lexikální statistiky. Praha, 1974.
7. Těšitelová M. Kvantitativní lingvistika. Lingvistické příručky FFUK. Praha, 1977.
8. Těšitelová M. Využití statistických metod v gramatice. Praha, 1980.

А. Е. СУПРУН, А. М. КАЛЮТА. Введение в славянскую филологию. Минск, 1981, 432 с.

В системе гуманитарных дисциплин славянской филологии у нас традиционно отводится почетное место. Курс «Введение в славянскую филологию» поэтому давно уже читается на гуманитарных факультетах советских вузов, а с 1973 г. стал обязательным, включенным в университетскую учебную программу. До сих пор, однако, не было синтезирующего труда, который мог бы служить и учебным пособием, и одновременно научно-исследовательским путеводителем по этой все усложняющейся дисциплине. Книга минских славистов А. Е. Супруна и А. М. Калюты успешно восполняет этот пробел.

Определяя понятие «славянская филология», до сих пор имеющее существенные разночтения у славистов, А. Е. Супрун подчеркивает, что это «комплекс наук, которые через анализ текстов на славянских языках и систем, при помощи которых порождаются эти тексты, стремятся познать духовную жизнь славян как составной части человечества» (с. 416). Такое определение, как видим, «тексту», т. е. языковому воплощению славянской материальной и духовной культуры, придает особое значение. Поэтому языкознанию в славянской филологии авторы отводят центральное место, констатируя, что «развитие славистики, в котором, бесспорно, отражались успехи славянской археологии и антропологии, истории и этнографии, фольклористики и литературоведения, определялось прежде всего развитием науки о славянских языках» (с. 299). Такая лингвистическая акцентировка может на первый взгляд показаться несколько субъективной, поскольку авторы книги — языковеды. Исследования литературоведов, историков, археологов, этнографов и антропологов, однако, в полной мере подтверждают этот тезис. Общности материальной и духовной культур некоторых славянских и неславянских народов, непосредственность и дифференцированность археологических или этнографических ареалов заставляют иногда

представителей соответствующих дисциплин переоценивать роль различий между отдельными славянскими зонами или даже вообще нигилистически отрицать сам факт славянской этнокультурной компактности. Общность языка в таких случаях является объективным и наиболее убедительным аргументом в ее пользу.

Подчеркивание роли языка не означает, однако, что авторы подменяют курс славянской филологии курсом славянского языкознания. В книге освещаются — хотя, быть может, местами и излишне бегло — проблемы взаимодействия и истории славянских литератур, даются сжатые исторические справки о славянских народах и государствах, содержатся интересные сведения по этнографии, фольклору, материальной и духовной жизни славянства.

Такое комплексное освещение разностороннего материала достигается органическим сочетанием монографического и хрестоматийного подходов. В книге четыре раздела. В первом из них, написанном А. Е. Супруном, дается обзор отдельных славянских языков. Каждый из них характеризуется не просто как язык («in sich»), но на широком историческом фоне: сначала приводятся статистические сведения о том, сколько человек говорит на этом языке в пределах данной страны и за рубежом; затем кратко излагается история соответствующего народа с характеристикой его выдающихся деятелей; наконец, дается сжатый очерк фонетической и грамматической систем языка и сообщается некоторая информация о его диалектах. Это описание сопровождается списком литературы по языку, литературе, истории славянского народа.

Второй и третий разделы (составленные А. М. Калютой) представляют собой хрестоматию удачно подобранных текстов или выдержек из научных источников, освещающих различные стороны жизни славян. Во втором разделе («Славяне в древности») даны отрывки из «Повести

временных лет», произведений греко-римских, византийских и восточных писателей и научных трудов Л. Нидерле, А. А. Шахматова, А. М. Селищева, Б. Д. Грекова, П. Н. Третьякова, Н. Н. Воронина, Б. А. Рыбакова, З. Неудлы, А. В. Арциховского и Н. Ф. Лаврова о различных сторонах жизни славян в древности. В разделе третьем помещена подборка из источников, повествующих о возникновении славянской письменности («Из Жития Константина Философа», «Из Жития Мефодия», «О письменах» черноризца Храбра), а также отрывки из работ А. М. Селищева, С. Б. Бернштейна, И. В. Ягича, М. Н. Тихомирова и А. В. Муравьева, В. Л. Янина, Н. И. Толстого, в которых рассматривается проблема происхождения славянской письменной традиции.

В четвертом разделе дается оригинальный, непринужденно написанный очерк истории славянской филологии от славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, которых автор раздела А. Е. Супрун называет «первыми славянскими филологами» (с. 285), до современных советских и зарубежных славистов. История науки для А. Е. Супруна — это не только регистрация и объективистский анализ славистических исследований, но и во многом — личностная характеристика тех, кто делал или делает теперь славистику. Отказываясь от «бездушного регистраторства» заслуг того или иного ученого по строго регламентированной таблице о рагах, автор не боится ярких и эмоциональных характеристик, которые при этом не теряют своей научной объективности. Авторское отношение к анализируемому материалу или к отдельным ученым сквозит не только в «исторической» части книги (например, там, где рассказывается о полабском языке, специалистом по которому является А. Е. Супрун, или о полабском крестьянине Яне Паруме Шульце, одним из первых приступившем к записям полабского языка — с. 99 и сл.), но и в оценке современных славистических проблем и современных славистов.

Писать о современниках особенно трудно и ответственно, ибо объективно оценить вклад в науку живущего и плодотворно работающего ученого почти невозможно. Автор книги не боится взять на себя ответственность за такую оценку, ибо она — и строго научна, и по-человечески доброжелательна. При этом А. Е. Супруну удается в краткой характеристике показать и исследовательскую, и личностную самобытность характеризуемого им слависта.

Ясно и объективно формулирует А. Е. Супрун актуальные задачи славистики, характеризуя на 11 страницах заключительной части книги тридцать насущных вопросов, которыми занимаются, либо должны уже заниматься слависты. Большинство из них связано с проблемой общности славянских народов, их культур, истории, литератур и языков.

Композиция книги позволила вместить в нее массу ценной общеславистической информации. Читатель получает

представление не только о славянских языках, литературах или истории славянских народов, но узнает и о международных съездах славистов и истории их проведения в до- и послевоенное время, о славистических журналах, выходящих в разных странах, извлекает из книги ценные библиографические и лексикографические справки. Информационную ценность этого труда повышают таблицы (например, статистическая таблица «Славяне в 70-х годах XX в.» на с. 16 или «Важнейшие фонетические различия групп славянских языков» на с. 27), статистические сведения и сводки, а также географические карты — схемы.

Вместе с тем, книга А. Е. Супруна и А. М. Калкюты — не просто свод разносторонней информации о славянских языках и народах. Для вовлечения студенческой молодежи в славистику очень важно, что эта информация дается в живой и интересной форме. Пожалуй, ни в одном филологическом учебном пособии последних лет нет столько интересных, занимательных и ярко описанных фактов, как в рецензируемой книге. А. Е. Супрун не избегает в своем рассказе об истории славистики деталей, которые и делают ее жизненной и полнокровной. Нередко он создает «эффект личного присутствия» читателя в той или иной славянской стране, повествуя о какой-нибудь славистической проблеме и попутно знакомя нас со своими собственными славистическими маршрутами (с. 336, 389, 391).

В столь многоаспектной книге, естественно, есть и определенные недочеты. Можно упрекнуть авторов в том, что не все важнейшие проблемы славистики получили здесь равнопропорциональное освещение. Таков, например, вопрос этногенеза славян и славянской прародины, в спектре которого возможно комплексное изучение лингвистической, археологической, исторической, фольклористической и этнографической проблематики. Об этом вопросе читатель получает лишь краткую справку при общей характеристике праславянского языка (с. 26) и значительно устаревшие сведения в хрестоматийных материалах из работ Л. Нидерле и А. А. Шахматова (с. 165—169, 174—179). У неискушенного читателя может создаться вследствие этого впечатление, что предложенные здесь гипотезы (например, шахматовская концепция о первой и второй прародине славян) являются конечными научными истинами. Комплексные исследования последних лет, однако, достаточно точно и убедительно локализируют район изначального славянского заселения: по-видимому, этим районом было Припятское Полесье. Желательно было бы указать (например, в списке литературы к разделу II на с. 237) и библиографию последних работ, посвященных этой тематике.

Можно внести определенные коррективы и в разделы книги, характеризующие нынешнее состояние славистики в зарубежных странах. Так, в главе о Югославии было бы не лишним указать на новое направление в исследовании истории сербохорватского языка, пред-

ставленное А. Младеновичем и его учениками, охарактеризовать работы Р. Бошковича, И. Вукевича и др., более акцентировать успехи в изучении сербохорватского синтаксиса и истории литературных связей Югославии в СССР (работы П. А. Дмитриева, Г. И. Сафронова, Н. И. Толстого, В. П. Гудкова). В главе о ЧССР делается упор на сравнительно-историческое языкознание и изучение старославянского языка. Советскому читателю были бы небезынтересны, однако, научные опыты чехословацких ученых по созданию академической грамматики чешского языка с бурными теоретическими дискуссиями в связи с этим или капитальные исследования по словообразованию (в ЧССР — школа М. Докулила, в СССР — Г. П. Нещименко). Принципиальное значение имеют и теоретические поиски чехословацких лингвистов, вернувшие их в лоно марксистского языкознания [1]. Показательно, что директор Института чешского языка АН ЧССР проф. Я. Петр за последние годы издал четыре монографии, посвященные лингвистическим концепциям классиков марксизма-ленинизма, причем одна из них сосредоточена именно на славянском наследии К. Маркса и Ф. Энгельса [2].

Можно также усмотреть определенную диспропорцию в описании отдельных языков в первом разделе, что, впрочем, объяснимо увлеченностью его автора (например, предистории полабского языка уделено больше внимания, чем предистории многих живых языков). Некоторые данные (например, статистика о владении славянскими языками) дублируются в разных местах книги. Имеются пропуски в библиографии: не всегда можно найти сведения о важнейших славянских переводных словарях (например, русско-

чешский двухтомный словарь под редакцией Л. В. Копецкого и О. Лешки, изданный в 1978 г., не указан на с. 95, так же как словацко-русский словарь Д. Коллара и др., изданный в 1976 г., пропущен в литературе на с. 99), недоследовательны отсылки на славянские энциклопедии и под. Есть в книге и некоторые биографические неточности. Так, патриарха славистики Йозефа Добровского авторы, видимо, из-за опечатки, наделили столетним долголетием, указав на с. 298 даты рождения и смерти 1753—1892 вместо 1753—1829, а здравствующему (и, хочется пожелать, минимально до ста лет) патриарху чешской и славянской ономастики проф. В. Шмилауэру указали дату кончины (с. 386). Можно найти и ряд мелких ошибок и опечаток (с. 93, 94, 98, 145 и др.). В целом же следует отметить высокий полиграфический и редакторский уровень рецензируемого издания.

Книга А. Е. Супруна и А. М. Калюты — свежий и ярко написанный путеводитель по многочисленным проблемам славяноведения, который привлечет к занятиям славистикой многих филологов. В нем не только систематизируется большой материал по славянским языкам в тесной связи с историей говорящих на этих языках народов, но и увлеченно раскрывается процесс научного творчества, направленный на выявление закономерностей, которое всегда остается главной задачей науки.

Мокиенко В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. K marxistické metodologii v jazykovědě. Praha, 1980.
2. Petr J. Slavistické zájmy K. Marxa a F. Engelse. Praha, 1976.

КИЕВУ — 1500 ЛЕТ

14 апреля 1982 г. в Киеве состоялась Объединенная научная сессия Академии наук СССР и Академии наук УССР, посвященная 1500-летию города Киева.

Открывая сессию, президент АН СССР акад. А. П. Александров отметил крупные научные успехи, достигнутые в последние годы историками, археологами и другими общественными деятелями, важное значение исследований, обеспечивающих выполнение решений XXVI съезда КПСС по ускорению научно-технического прогресса, и значительный вклад АН УССР в решение научных и народнохозяйственных проблем страны.

С докладом «Киевская Русь и ее роль в исторической судьбе нашей Родины» выступил вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев. Примечательно и знаменательно, подчеркнул докладчик, что 1500-летие Киева отмечается в год 60-летия образования СССР. Социалистическая государственность родилась в результате Великого Октября и воплотилась в создании советских социалистических республик, а затем в объединении их в многонациональную державу — Союз ССР. Этому предшествовал длительный исторический период, на заре которого Киев стал столицей древнерусского государства — Киевской Руси. 1500-летие Киева — это великое событие в общественной и культурной жизни, праздник дружбы русского, украинского, белорусского, всех советских народов. Велика роль Киевской Руси в исторических судьбах восточнославянских и других народов нашей страны. Киевская Русь явилась колыбелью русского, украинского и белорусского народов, в ее рамках проходило развитие свыше двадцати неславянских народов Прибалтики, Севера, Поволжья, Северного Кавказа, Причерноморья. Обширность территории древнерусского государства, его высокий уровень культуры и международной авторитет определяли одно из ведущих мест Киевской Руси в тогдашней Европе. Заложенные Киевской Русью исторические связи между народами сыграли важную роль в процессе создания русского централизованного государства, в борьбе против иноземных захватчиков, в воссоединении всех восточнославянских земель. После победы Октябрьской революции дружба между народами нашей страны наполнилась новым содержанием. Под

руководством КПСС в Советском Союзе было построено развитое социалистическое общество, обеспечивающее свободную и счастливую жизнь советского народа — новой социальной и интернациональной общности.

В докладе акад. Б. А. Рыбакова — «Киев на заре своей истории» были проанализированы факты, свидетельствующие об основании Киева в V в. н. э. В летописном своде 1093 г. говорится, что город был назван по имени Кия. В сочинении Зеноба Глака, датированном VIII в., содержится легенда, в основе которой лежит славянский пересказ о Кие, Щеке и Хориве. Сведения, которые во многом напоминают рассказ Нестора о Киеве, заключаются в «Истории войны с готами» Прокопия Кесарийского, написанной в середине VI в. Археологические находки подтверждают реальность фактов, о которых сообщают летописи и легенды. О глубокой древности города и его торговых связях свидетельствуют найденные в нем римские и византийские монеты V — начала VI в. Археологический комплекс V—VI вв., связываемый с историческим городом Кия, составляют «Гора Кия» («Замковая гора»), торговый Подол, «городок Кия» на Старокиевской горе. Из Киева как форпоста славян в конце V в. началось их продвижение на юг по Дунаю и расселение в Европе. Летописцы средневековья сравнивали Киев с Римом и Александрией. Киев стал столицей крупного и сильного государства того времени и дал ему свое имя.

Президент АН УССР акад. Б. Е. Патон в докладе «Развитие Киева — столицы Украинской ССР» отметил неповторимый облик города, сформировавшегося в течение столетий, его политическое и культурное значение, революционные традиции, трудовые и ратные подвиги, заслуги перед Родиной. Сегодня Киев — один из крупных политико-административных, промышленных и культурных центров страны, город славного рабочего класса, известных ученых и мастеров культуры. Это результат творческого труда всех советских людей. Трудящиеся Киева, как и все советские люди, успешно претворяют в жизнь программу XXVI съезда КПСС по дальнейшему экономическому и социальному развитию страны.

Доклад президента АН БССР акад. Н. А. Борисевича был посвящен расцвету

белорусского народа в единой семье народов СССР. Уже в годы первых пятилеток в Белоруссии были созданы новые отрасли промышленности — станкостроение, производство сельскохозяйственных машин, электроприборов, радиоаппаратуры, искусственного волокна. Больших успехов в развитии экономики и культуры БССР при всемерной помощи братских

республик добилась в послевоенный период. Ученые БССР, работая в тесном контакте с АН СССР и братских республик, вносят существенный вклад в развитие ряда научных направлений, способствуют повышению эффективности общественного производства.

К. И.

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА (1882 — 1982)

2 марта 1982 г. в Москве состоялась юбилейная сессия Отделения истории АН СССР с участием институты истории СССР, всеобщей истории и славяноведения и балканистики АН СССР, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося советского историка и слависта Бориса Дмитриевича Грекова.

В своем вступительном слове акад. Б. Б. Пиотровский рассказал о большом вкладе Б. Д. Грекова в отечественную историческую науку и в славяноведение, отметил его исключительные заслуги в подготовке научных кадров и организации научных исследований, его деятельность в качестве депутата Верховного Совета СССР, члена Всемирного Совета Мира и одного из руководителей Всеславянского комитета.

Акад. Ю. В. Бромлей в докладе (представленном совместно с д-ром ист. наук Е. П. Наумовым) подробно остановился на основных этапах творческого пути Б. Д. Грекова, автора капитальных исследований по истории Киевской Руси и русского крестьянства. Б. Д. Греков разработал многие вопросы истории зарубежных славянских народов, особенно проблемы феодального права в Польше и у южных славян. Его труды о «Польской Правде», Винодольском и Полицком статутах положили начало новому аспекту в изучении раннефеодального общества у славян. Возглавляя Институт славяноведения, Б. Д. Греков многое сделал для развития исследований в этой области. Он был одним из инициаторов создания обобщающих работ по истории зарубежных славянских стран. Велика роль Б. Д. Грекова в подготовке молодых ученых. Его семинар для студентов исторического факультета МГУ был замечательной академической школой. Б. Д. Грекова характеризовали необыкновенная увлеченность исследовательской работой, большая эрудиция, доброжелательность к своим коллегам. За выдающиеся заслуги ученых был трижды удостоен Государственной премии: в 1943, 1947 и в 1952 гг.

Акад. Б. А. Рыбаков в докладе «Учитель многих» осветил разработку Б. Д. Грековым концепции истории Киевской Руси, основанной на творческом применении марксистской методологии и глубоком анализе источников. Эта концепция сыграла важную роль в преодолении ошибочных взглядов и схем.

Б. Д. Греков заложил научные основы изучения феодального общества в Восточной Европе.

Д-р ист. наук Н. А. Горская в докладе «Академик Б. Д. Греков — историк крестьянства» рассмотрела важнейшие работы ученого, посвященные истории крестьян России. Всестороннее и сравнительно-историческое изучение этой проблемы позволило Б. Д. Грекову сделать важные анализы и наблюдения, получившие всеобщее признание. Б. Д. Греков всегда отличало умение по-новому интерпретировать уже известные источники. В 40—50-х годах Б. Д. Греков обратился к исследованию феодализма на материале южных и западных славянских стран. В результате им были сделаны уточнения, касавшиеся форм ренты, категорий крестьян и периодизации истории аграрных отношений.

В докладе д-ра ист. наук Е. В. Чижиковой «Б. Д. Греков и М. Н. Тихомиров» было показано многолетнее научное сотрудничество этих двух крупных советских историков. Как явствует из их переписки Б. Д. Греков особенно ценил в М. Н. Тихомирове и высокие научные качества редактора и текстолога.

Д-р ист. наук И. И. Костюшко поделился воспоминаниями о Б. Д. Грекове, под руководством которого он обучался в аспирантуре. Б. Д. Греков был не только выдающимся ученым, но и замечательным педагогом и человеком большой доброй души. Д-р ист. наук А. И. Клибанов и д-р ист. наук А. Г. Маньков также выступили с рассказами о своем учителе.

В Полтаве 16 апреля 1982 г. состоялась юбилейная конференция, посвященная столетию со дня рождения Б. Д. Грекова. Она была организована Отделением истории АН СССР, Институтом истории АН УССР, Полтавским государственным педагогическим институтом им. В. Г. Короленко, Полтавской областной организацией общества «Знание» и Полтавской областной организацией Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Вступительное слово произнес Б. А. Рыбаков. Затем выступил первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины Ф. Т. Моргун. Он рассказал о замечательных достижениях в развитии экономики и культуры Полтавины — родины Б. Д. Грекова. С при-

ветствием к участникам конференции обратился академик-секретарь Отделения истории АН СССР акад. С. Л. Тихвинский.

На конференции были прочитаны доклады: д-ром ист. наук А. А. Преображенским — «Жизненный путь академика Б. Д. Грекова», д-ром ист. наук В. Г. Сарбеем — «Академик Б. Д. Греков — историограф», д-ром ист. наук Я. Н. Шаповым — «Б. Д. Греков — историк Киевской Руси». С сообщениями выступили: акад. АН УССР П. Т. Тронько — «Академик Б. Д. Греков — руководитель кафедры Академии общественных наук при ЦК КПСС», чл.-корр. АН СССР В. Л. Янин — «Б. Д. Греков и история Новгорода», чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова — «Русь и Византия в изображении Б. Д. Грекова», чл.-корр. АН

СССР П. В. Волобуев — «Академик Б. Д. Греков — профессор МГУ», д-р ист. наук Н. Ф. Котляр — «Возникновение Киева в свете теоретических положений Б. Д. Грекова», д-р ист. наук Е. М. Скляренко — «Б. Д. Греков — профессор Таврического (Крымского) университета», д-р ист. наук К. Н. Сербина — «Ученый и человек», д-р филос. наук, ректор Полтавского пединститута И. А. Зязюн, подчеркнувший важность научных связей историков Полтавы с учеными других городов страны.

17 апреля в Миргороде, где родился Б. Д. Греков, в торжественной обстановке был открыт бюст ученого. На митинге выступили представители общественности города, акад. С. Л. Тихвинский, акад. Б. А. Рыбаков.

Г. С.

ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АКАДЕМИКУ В. И. ПИЧЕТЕ

22 октября 1981 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялись уже вторые по счету научные чтения, посвященные академику В. И. Пичете (1878—1947). Они были организованы сектором древней и средневековой истории, сектором историографии и научной информации Института славяноведения и балканистики АН СССР и кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. Во вступительном слове д-р ист. наук В. Н. Виноградов подчеркнул значение научной и организаторской деятельности В. И. Пичеты.

Е. А. Дьяков в докладе «Объективные предпосылки развития советской славистики в 30—40-х годах» дал широкую панораму развития мировой славистики в межвоенный период, показав на этом фоне специфику тех исторических условий, в которых развивалась славистика в СССР. Докладчик остановился на научно-организационной стороне становления славистики в СССР, подчеркнув значение деятельности В. И. Пичеты в создании в 1939 г. кафедры истории южных и западных славян в МГУ и в 1947 г. Института славяноведения АН СССР в Москве. В целом в 1930—1940-е годы политические концепции идеи славянской взаимности продолжали влиять на развитие славяноведения. 30-е годы стали периодом становления и развития марксизма в славяноведении не только в СССР, но и в зарубежных славянских странах.

И. И. Удальцов сделал основанный на архивных материалах и собственных воспоминаниях доклад, посвященный анализу выступления В. И. Пичеты «О некоторых аспектах революции 1848—1849 гг. в славянских землях Австрийской монархии» (20 декабря 1946 г.). В. И. Пичета пришел к выводам, которые затем органически вошли в советскую историографию и имели большое методологическое значение. И. И. Удаль-

цов подчеркнул, что изучение научного наследия В. И. Пичеты дает основания говорить о его научной школе в славяноведении.

Г. Э. Санчук в докладе, основанном на архивных материалах и воспоминаниях докладчика, остановился на разработке проблем феодализма в семинаре В. И. Пичеты. Из этого семинара (1943—1947) вышли многие впоследствии известные советские историки. В семинаре на первом плане стояли научные, а не учебные задачи, в нем обсуждались вопросы периодизации и проблема славянской государственности, анализировались памятники славянского права, значительное внимание уделялось русско-польскому, а также русско-молдавским и славяно-византийским отношениям. Большинство докладов, обсужденных на семинаре, было впоследствии опубликовано в виде статей, отдельных глав в коллективных трудах, а некоторые из них послужили основой дальнейших монографических исследований. Семинар В. И. Пичеты был настоящей кузницей первых научных кадров для кафедры в МГУ и для возникшего в 1947 г. Института славяноведения.

Э. Г. Иоффе (Минск) сделал доклад «Роль трудов В. И. Пичеты в становлении советской белорусской историографии по вопросу развития феодализма». В 1921—1930 гг. В. И. Пичета был ректором Белорусского университета, с 1928 г. — академиком АН БССР. Он внес значительный вклад в развитие белорусской медиевистики, изучал аграрные отношения (формирование феодальных поместий, развитие крепостничества), историю белорусских городов, вопросы культуры, государства и права. В. И. Пичета сформировал целую школу исследователей в Белоруссии.

Л. И. Уткина (МГУ) в своем выступлении «В. И. Пичета в Белорусском университете» привела целый ряд малоизвестных, но чрезвычайно интересных фак-

тов о белорусском периоде жизни и деятельности В. И. Пичеты, осветила его многогранную педагогическую, научную и общественную деятельность в Белоруссии.

Выступление В. Г. Карасева «К вопросу организации чтений, посвященных академику В. И. Пичете» касалось мероприятий, имеющих целью сделать Пичетинские чтения традиционными. Тематика чтений должна быть широкой и включить в себя проблематику эпохи средневековья и нового времени, а также вопросы историографии славяноведения. Периодичность чтений — раз в три года. Следующие, третьи, чтения предполагается провести в 1984 г. на базе БГУ

в Минске, четвертые — в историческом факультете МГУ. Для подготовительной работы предложено создать постоянно действующий оргкомитет в составе Г. Э. Сайчука, В. Г. Карасева, И. А. Воронкова, С. О. Шмидта, Д. Б. Мельцера (секретари — Г. П. Мельников, Л. И. Уткина).

Предположения В. Г. Карасева были единодушно одобрены всеми присутствовавшими.

Теплой, сердечной атмосфере научного общения, дарившей на чтениях, во многом способствовали интересные воспоминания о В. И. Пичете Н. Н. Кушевой и Н. Н. Улащика.

Мельников Г. П.

ЦЕЛЕВОЙ ПРОЕКТ 28 «СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД)»

Долгосрочной программой многостороннего сотрудничества социалистических стран в области общественных наук предусматриваются исследования по Целевому проекту 28 «Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период)». В реализации Целевого проекта (ЦП) принимают участие Институт истории Болгарской Академии наук, Институт истории Венгерской Академии наук, Институт истории Польской Академии наук и Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Выразил также желание участвовать в ЦП Институт чехословацкой и мировой истории ЧСАН.

В феврале 1982 г. в Москве состоялось совещание представителей институтов истории БАН, ВАН, ПАН и Института славяноведения и балканистики АН СССР. На совещании была создана Рабочая группа ЦП в составе: зам. директора Института истории БАН ст. н. с. Василев Васил; ст. н. с. Института истории ВАН Адам Магда; ст. н. с. Института истории ПАН Война Ромуальд; зав. сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР проф. Костюшко И. И. Предполагается, что в состав Рабочей группы войдут представители и других заинтересованных институтов.

Рабочая группа в пределах своей компетенции будет осуществлять научное руководство ЦП и проводить другие мероприятия по реализации его программы. Решения Рабочей группы принимаются с учетом пожеланий институтов — участников ЦП. Ее созыв производится по предложению одной из сторон. Председательствуют на заседании Рабочей группы ее члены по установленному ими порядку. Организационные дела в рамках Рабочей группы поручены члену группы Костюшко И. И. до ее очередного совещания.

На совещании Рабочей группы ее члены обменялись информацией о состоянии

разработки проблематики ЦП в историографии НРБ, ВНР, ПНР и СССР и наметили программу работы по ЦП.

Программа ЦП предусматривает проведение на многосторонней основе исследований проблематики социальной структуры и политических движений межвоенного периода в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в целях глубокого и всестороннего изучения социально-политической системы, закономерностей ее развития и специфики их проявления в странах региона в указанный период. На базе имеющихся и проводимых исследований подготовить работы сравнительно-исторического и синтетического характера. В текущем пятилетии следовало бы сосредоточить внимание на разработке важных, но еще не изученных или малоизученных вопросов проблематики, а при наличии достаточного освещения в историографии отдельных аспектов проблематики — приступить к обобщающим исследованиям.

По проблематике социальной структуры предусмотрено изучение отдельных классов, социальных прослоек и групп, их эволюции, отношений между ними, их места и роли в социально-политической жизни, а также общественной структуры в целом, ее развития и функционирования.

В рамках проблематики политических движений предполагается изучение в отдельности или в совокупности общественных организаций, имеющих политический или частично политический характер, их классовой сущности, политических целей, идеологии, характера массовой базы, роли в политической системе, их внутренней структуры, методов деятельности, отношений между ними, политического сознания и политической культуры.

Тематика исследований по ЦП институтов — участников ЦП является составной частью общей программы ЦП. при этом в процессе реализации его

программы могут быть внесены в нее необходимые изменения и дополнения.

Признано целесообразным для успешного осуществления программы ЦП создать в институтах или при институтах — участниках ЦП рабочие (национальные) группы, которые вели бы исследования по определенной тематике в рамках ЦП.

На совещании Рабочей группы были рассмотрены научно-организационные мероприятия по реализации ЦП. Стороны договорились: а) до 1 июля 1982 г. обменяться сведениями о составе исполнителей и тематике их исследований по ЦП, б) оказывать содействие в обмене информацией между специалистами, работающими по аналогичной тематике (и отдельных странах), в) провести в марте

1983 г. совещание Рабочей группы, на котором рассмотреть ход работы и определить программу коллоквиума по проблематике ЦП и место его проведения, г) провести в июне 1984 г. коллоквиум по проблематике ЦП и затем подготовить его материалы к публикации. Рассмотреть предложения о работе по ЦП в очередное пятилетие, д) оказывать содействие в публикации завершенных и частично выполненных работ по ЦП в научных журналах, сборниках и в виде отдельных изданий.

Участники совещания считают весьма полезным участие в реализации ЦП и историков других социалистических стран.

И. К.

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ ИНСТИТУТА СЕРБОЛУЖИЦКОГО НАРОДОВЕДЕНИЯ В БУДИШИНЕ

Институт серболужицкого народоведения в Будিশине был создан в 1951 г. Как записано в учредительном акте Президиума АН основной задачей Института является «изучение, сохранение и развитие научной базы серболужицкой культуры», для этой цели Институт должен «проводить и направлять научные исследования прежде всего в области общественных наук: истории, этнографии и краеведения Лужиц, а также верхне- и нижнелужицкого языка и литературы» [1]. Насчитывавший в 1951 г. лишь четырех научных сотрудников Институт превратился в научный центр, получивший международное признание. Серболужицкое народоведение способствует развитию славистики в ГДР, и в рамках международной славистики стремится на высоком научном уровне выполнять взятые на себя задания и обязательства. На этой основе строятся коллегиальные сотрудничества со славистическими учреждениями почти во всех государствах Европы и во многих неевропейских странах. Особенно тесные связи существуют со славистическими центрами социалистических стран. Так, Институт серболужицкого народоведения работает в тесном контакте с научными учреждениями ГДР и сотрудничает со славистическими центрами СССР, Польши и Чехословакии. Его сотрудники представлены в Национальном комитете славистов ГДР и в Международном комитете славистов (МКС), работают в комиссиях МКС, участвуют в таких международных славистических исследовательских проектах как «Славянский языковой атлас» и «Этнография славянских народов», а также в работах Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК) и других международных славистических организаций.

Основной задачей серболужицкого языкознания является всестороннее исследование общей системы средств ком-

муникации серболужицкого языка в различных формах его существования и использование результатов этих фундаментальных исследований в общественной практике марксистско-ленинской национальной политики ГДР. Работа отделения языкознания Института ведется по следующим направлениям: составление картотеки слов, входящих в словарный состав серболужицкого языка, разработка терминологии и исследование диалектологии. На первом этапе работы особое внимание уделялось вопросам правописания и серболужицкой лексикографии. В 1954 г. Институтом составлен первый верхнелужицко-немецкий словарь, долгое время использовавшийся в качестве орфографического. В 1957 г. вышел в свет терминологический справочник [2], за ним последовали различные терминологические словари, наиболее значительными из которых являются сельскохозяйственный терминологический словарь [3] и двухтомный словарь славянской языковедческой терминологии [4]. Последний — результат работы Комиссии славянской языковедческой терминологии при МКС, в состав которой входит представитель отделения языкознания Института. Продолжается работа по составлению картотеки слов верхнелужицкого языка. Если в 1960 г., во время проведения первой конференции по сорабистике, она насчитывала 60 тыс. карточек, то в настоящее время содержит около полумиллиона. В 1983 г. на обсуждение должен быть представлен новый однотомный верхнелужицко-немецкий словарь. Серболужицкие лингвисты ведут большую работу в области диалектологии. Так, в 1952—1967 гг. производилась запись серболужицких диалектов на пленку, а в 1958 г. начата работа над серболужицким языковым атласом. Предусмотрено издание 15 томов, в настоящее время вышло 8. Кроме того в 1963—1972 гг. сотрудниками Института опубликовано 10 выпусков.

«Серболужицких диалектных текстов», а также отдельные монографии [5]. В содружестве с германистами исследуется серболужицко-немецкое языковое взаимодействие. Планируется издать 4 тома «Трудов по языковой интерференции», 2 тома уже вышли в свет в 1967 и 1974 гг. Диалектологи Института активно участвуют в работе над славянским языковым атласом. Другим долгосрочным исследовательским проектом Института является работа над описательной грамматикой современного верхнелужицкого литературного языка.

Если раньше для сорабистики, как и для славистики вообще, была характерна филологическая ориентация, то после 1945 г. история серболужицкого народа заняла в ней достойное место. Со своего основания отделение истории Института стоит в центре исследований по серболужицкой истории, которые ведутся не только в Будшине, но и в других учреждениях ГДР и за ее пределами. Отделение истории видит свою задачу в координации серболужицких исторических исследований, в сотрудничестве с марксистско-ленинской исторической наукой в ГДР и в поддержании связи с общественной практикой. В то время как Институт сорабистики в Лейпциге занимается древней историей и историей феодализма, историки Института серболужицкого народоведения изучают период позднего феодализма, новую и новейшую историю. Первой публикацией отделения истории было вышедшее в 1953 г. исследование А. Пальма по истории классовой борьбы сельского населения Верхней Лужицы в период позднего феодализма. Уже этот первый труд явился вкладом в развитие сорабистики, его тема представляла собой совершенно новую для сорабистики область исследований, которая широко разрабатывалась и в дальнейшем. Большое место принадлежит исследованию проблем экономической истории. Историки Института разрабатывали такие темы, как развитие производительных сил и замена феодального способа производства капиталистическим, а также аграрно-историческую тематику. Ведлись исследования по исторической демографии и по истории культуры лужицких сербов. Если сначала историки концентрировали свое внимание на изучении периода позднего феодализма (XVI—XVIII вв.) и на эпохе перехода от феодализма к капитализму, то затем центр тяжести сместился на XIX и XX вв. В начале 60-х годов началась разработка истории серболужицкого народа после 1945 г. Все это подготовило базу для создания фундаментальной «Истории лужицких сербов», в работе над которой приняли участие все сотрудники отделения истории Института, а также внеинститутские сорабисты. Четыре тома под общей редакцией Я. Шолты, К. Шиллера, М. Каспера и Ф. Мечка охватывают серболужицкую историю с древнейших времен до наших дней. Это первое капитальное, составленное серболужицкими учеными, систематическое изложение истории своего народа по праву получило высокую оценку как в ГДР, так

и за рубежом. В 1979 г. авторский коллектив был награжден орденом Трудового Знамени. Необходимо отметить также пропагандистскую и связанную с потребностями общественной практики деятельность сотрудников отделения. Это подготовка курсов лекций по серболужицкой истории для высших учебных заведений, составление учебных пособий, а также научно-популярных изданий по истории Лужицы.

Освобождение от фашизма и образование Германской Демократической Республики открыли для серболужицкой этнографии совершенно новые перспективы и поставили перед ней новые задачи, наиболее важными из которых были: обусловленное практическими потребностями изучение современных процессов, а также оперативная фиксация и научная обработка серболужицкого этнографического материала. До середины 50-х годов в центре внимания этнографов находились исследования национальных костюмов, серболужицкой архитектуры и инструментов сельскохозяйственного производства. Изучение серболужицких национальных костюмов явилось самым большим долгосрочным научным предприятием этнографов Института. Значение таких исследований понимали и представители буржуазно-демократической серболужицкой этнографии, но имевшие необходимые условия для их проведения. Они стали возможными лишь в ГДР после образования Института серболужицкого народоведения. Результатом этой большой работы явился пятитомный «Атлас серболужицких национальных костюмов», внесший значительный вклад в марксистскую этнографию ГДР. Параллельно с изучением национальных костюмов велось исследование серболужицкой музыки, народной поэзии, обычаев лужичан, а также этнографических аспектов музейного дела. Превращение Лужиц в крупнейший угольный и энергетический центр ГДР ускорило изменение социальной структуры в деревнях, где традиционно проживало большинство серболужицкого населения. Изучение этих изменений социальной структуры и связанных с ними этно-культурных процессов с середины 1950-х годов стало неотложной задачей этнографов. Эти исследования нашли отражение в вышедшем в 1976 г. труде «Гросс Партиц — Изменения лужицкой деревни». В настоящее время ведутся комплексные исследования современного образа жизни и культуры серболужицкого населения для центрального проекта Института «Лужицкие сербы при социализме». В этой работе используются опыт и методы этнографических исследований современности в СССР и других социалистических странах. Основные результаты исследований серболужицких этнографов вошли в законченную в 1976 г. рукопись «Этнография лужицких сербов», являющуюся частью международного проекта «Этнография славянских народов». В отделении этнографии ведется изучение серболужицкой музыкальной культуры.

В 1962 г. вышла монография Я. Раупа «Серболужицкие народные музыканты и музыкальные инструменты», а в 1966 г. опубликован его же труд «Серболужицкая музыка», посвященный развитию серболужицкой музыкальной культуры и современному музыкальному творчеству лужицких сербов. Кроме названных трудов, издавались монографии и многочисленные статьи в этнографической серии журнала «Lëtowis», где печатались также статьи советских ученых, публиковались источники и переиздавались интересные старые публикации. Серболужицкие этнографы сотрудничают с немецкими коллегами, особенно с научным отделом культуры и этнографии Центрального института истории АН ГДР, а также с зарубежными этнографами из СССР, ЧССР и Польши, участвуют в работе Международного комитета современных этнографических исследований.

Для определения задач отделения истории литературы можно было использовать исследовательскую программу Сербской Матицы, составленную известным сорабистом А. Мукой для серболужицкого литературоведения в конце прошлого столетия. Она содержит следующие требования: изложение истории серболужицкой литературы, разработка биографий серболужицких писателей, продолжение библиографии, составление критических литературоведческих трудов по новейшей серболужицкой литературе, описание находок древних серболужицких памятников письменности и исследование законов серболужицкой метрики и прозоидии. Следующее поколение литературоведов добавило к этому новые задачи, такие, как систематическое изучение и публикацию источников, исследование серболужицко-славянских и серболужицко-немецких литературных и культурных контактов, а также связей между литературным и историческим развитием. Все вышперечисленные требования относятся к сфере деятельности отделения истории литературы Института. Литературоведческая работа в Институте велась сначала в отделении языка и литературы, затем в 1954 г. было создано отделение истории литературы. Основной работой отделения является составление «Истории серболужицкой литературы». В 1954 г. вышел первый том, освещающий развитие серболужицкой литературы от ее возникновения до 1870 г. Второй том, посвященный верхнелужицкой литературе в 1870—1918 гг., опубликован в 1960 г. Автором обоих томов является научный сотрудник отделения Р. Енч. Третий том, охватывающий межвоенный период, подготовлен коллективом ученых, которым пришлось столкнуться с большими трудностями, так как по данному периоду почти

совсем не было научных работ. В настоящее время ведется работа над последним томом, посвященным серболужицкой литературе после 1945 г. Сотрудники отделения изучают творчество отдельных серболужицких писателей, историю прессы и науки лужицких сербов, развитие серболужицкой народной культуры и славянские культурные взаимосвязи, а также серболужицко-немецкие литературные связи в прошлом и настоящем, ведут исследование развития отдельных литературных жанров. Ими производится сбор, изучение и публикация источников; с 1957 г. отделение выпускает серию «Памятники серболужицкой литературы» («Pomniki serbskeho pismowstwa»), в которой вышло уже 6 томов. С 1954 г. отделением издается библиографическая серия «Serbska bibliografija». Отделение активно сотрудничает с учеными из социалистических стран, особенно с Институтом славяноведения Польской АН. Результатами этого сотрудничества являются вышедший в 1970 г. сборник «Польско-лужицкие литературные связи» [6] и проведенная в Варшаве в 1972 г. научная конференция, посвященная серболужицкому поэту Якубу Барт-Чижинскому.

При Институте серболужицкого народоведения имеется архив, содержащий ценные материалы для исследователей истории и истории культуры серболужицкого и немецкого народов, региональной истории Лужиц, истории межславянских контактов и германославянских взаимосвязей, а также международного развития славистики, особенно истории немецкой славистики. Материалы архива отражены в четырехтомной описи фондов, кроме того сообщения о новых поступлениях публикуются как в журнале Института, так и в ежеквартальном журнале по вопросам серболужицкой культуры «Rozhlad».

Существующая при Институте Центральная серболужицкая библиотека открыта для широких кругов читателей.

Богаева Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse. Berlin, 1952, 1. Jg., S. 525.
2. Pomocny terminologiski slownik. Berlin, 1957.
3. Ratarska terminologija. Budyšin, 1966.
4. Slovník slovanské lingvistické terminologie. 2 d. Praha, 1977—1979.
5. 30 Jahre Institut für sorbische Volksforschung 1951—1981. Bautzen, 1981, 87 S.
6. Polsko-łużyckie stosunki literackie. Wrocław — Warszawa — Kraków. 1970.

CONTENTS

Shcherbakov J. N. The 60-th anniversary of the Forming of the USSR. *Nehat-chik N. V.* Production Links of the Soviet and Czecho-Slovak Working Class on the Stage of the Developed Socialism. *Noskova A. F., Pop I. I.* From the History of the Forming of the New Foreign Policy of the Central and South-East European States during the Second World War. *Kotliar N. F.* Kiev in the History of the Eastern Slavs (until the Midst of the XIII Century). *Ohrimenko P. P., Ohrimenko O. P.* Traditions and echoes of the Kiev Russia Literature in the Russian, Ukrainian and Byelorussian Literature. *Tverdislova E. S.* Modern State of the Comparative Literary Criticism in the Foreign Socialist Countries. *Logachov K. I.* The Problem of the Critical Edition of the First Written Monument of the Cyrillo-Methodian Tradition. *Gherd A. S.* Areal typology of Slavic texts. *Orel V. E.* To the Reconstruction of the Ancient Albanian Accent (in Comparison with Slavic and Other Indo-European Languages). *Liovochkin I. V.* The Uvarov Copy of the *Jsbornik* (1073) 3

PEOPLE, EVENTS, FACTS

Apanovich E. M. The Archives of A. I. Stepovich. 95

REVIEW — ARTICLES AND REVIEWS

Voronkov I. A., Bilunov B. N. Д. Б. Мельцер. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая. 681—1981. *Vlasova L. V.* Л. В. Заборовский. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. *Labyntsev J.* The Successors of Ivan Fedorov. *Kaliganov I.* Велчо Велчев. Папсий Хилендарски. Эпоха, личность, дело. *Putsko V. G.* Fr. Kämpfer. Das russische Herrscherbild von Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. *Neshchimenko G. P.* К marxistické metodologii v jazykovědě (Sborník referátů a diskusních příspěvků z celostátní konference o marxistické jazykovědě uspořádané vědeckými Kolegi CSAV a SAV 7.—9.9.1977 v Olomouci) Uspořádali S. Peciar a J. Popela. *Mokienko V. M.* А. Е. Супрун, А. М. Калюта. Введение в славянскую филологию 106

SCIENTIFIC LIFE

K. I. 1500 Years of Kiev. *G. S.* Scientific Conferencies devoted to the Academician B. D. Grekov 100-th Anniversary (1882—1982). *Melnikov G. P.* The Meeting devoted to Academician V. I. Picheta. *I. K.* Special scientific № 28 «Social structure and political movements Central and South-Eastern European countries (interwar period)». *Bogajeva N. A.* Thirty years activity of the Institute on the Lusatian Sorbs Ethnology at Budishin 121

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.06.82   Подписано к печати 30.08.82   Т-15956   Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать   Усл. печ. л. 11,2   Усл. кр.-отт. 13,1 тыс.   Уч.-изд. л. 13,2   Бум. л. 4,0
 Тираж 1136 экз.   Зак. 1750

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, Н-62, Подсосенский пер., 2
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891